

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2024. Том 22, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретическая лингвистика

- Беленов Н. В.* Лексико-семантический анализ географической лексики и топонимии чувашей села Смолькино Сызранского района Самарской области 5
- Дамбуев И. А.* *Урывка* или *Урывки*? Варьирование и нормализация в топонимии 21
- Линниченко С. И.* Языковая репрезентация мифотворчества как способа художественной когниции (на материале лирики британского постмодерна) 35
- Нуриева Н. С., Труфанова Н. О.* Образный потенциал метафорического эпитета как отражение художественного пространства в тексте викторианского романа 49
- Чимитдоржиева Г. Н.* Реализация семы вдохновения в корневой морфеме *ur-* в монгольских языках 60

Лингвокультурология и социолингвистика

- Ширяева Т. А., Катермина В. В.* Специфика речевого поведения градоначальников в условиях пандемии: лингвокультурные и кросс-культурные аспекты 74

Когнитивные исследования и межкультурная коммуникация

- Дебрени М.* О некоторых заимствованиях из русского языка во франкоязычных графических романах о России и россиянах 89
- Калинин О. И., Мироненко К. Н.* Лингвокогнитивный аспект формирования образа России в контексте репрезентации СВО в неинституциональном медиадискурсе на китайском языке 101

Компьютерная и прикладная лингвистика

- Горностаева Ю. А., Гензе Э. Ю.* Мультимодальные средства выражения эмоций в интервью с латиноамериканцами о военной рекламе: опыт мультимедийного аннотирования 123
- Дубинина М. Н.* К вопросу о виртуальном ономастическом пространстве (на примере имен виртуальных ассистентов) 142

<i>Щеглова Е. А.</i> Отражение внешне- и внутривполитических интересов Российской Империи в лексике «Записок Императорского Русского географического общества»	156
Информация для авторов	173

V E S T N I K

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication 2024. Volume 22, № 4

CONTENTS

Theory of Language and Applied Linguistics

- Belenov N. V.* Lexico-semantic Analysis of Geographical Terminology and Toponymy of the Chuvash of Smolkino Village, Syzran district, Samara region 5
- Dambuev I. A.* *Uryvka* or *Uryvki*? Variation and Standardization in Toponymy 21
- Linnichenko S. I.* Language Representation of Myth-making as a Method of Artistic Cognition (Based on the British Postmodern Poetry) 35
- Nurieva N. S., Troufanova N. O.* Figurative Potential of Metaphorical Epithet as a Reflection of Artistic Space in the Victorian Novel 49
- Chimitdorzhieva G. N.* Realization of the Seme Inspiration in the Root Morpheme *ur-* in Mongolian Languages 60

Linguoculturology and Sociolinguistics

- Shiryaeva T. A., Katermina V. V.* Specifics of Speech Behavior of Mayors during a Pandemic: Linguocultural and Cross-cultural Aspects 74

Cognitive Studies and Intercultural Communication

- Debrenne M.* Some Borrowings from Russian Language in Francophone Graphic Novels about Russia and Russians 89
- Kalinin O. I., Mironenko K. N.* Linguocognitive Aspect of Russia's Image Formation in the Context of Ukrainian Conflict Representation in Chinese Non-Institutional Media Discourse 101

Computer and Applied Linguistics

- Gornostaeva Y. A., Genze E. Yu.* Multimodal Means of Expressing Emotions in Interviews with Latin Americans about War Advertising: Experience of Multimodal Annotation 123
- Dubinina M. N.* On the Issue of Virtual Onomastic Space (on the Example of the Names of Virtual Assistants) 142

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva (Novosibirsk)
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne (Novosibirsk)
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov (Novosibirsk)
Secretary Darya A. Savostiyanova (Novosibirsk)

Foreign Text Editor

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Members of the Editorial Board

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova (Novosibirsk)

Dr. Sc. (Philology), Prof. Alexey D. Palkin (Moscow)

Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov (Novosibirsk)

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya

PhD (Cross-Cultural Psychology), Assistant Prof. Snežana Stupar-Rutenfrans (Utrecht, Netherlands)

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Victor P. Zakharov (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk)

Dr. Sc. (Philology), Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk),

Cand. Sc. (Linguistics), Doctorat National en sciences du langage A. M. Lavrentev (Lyon, France),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Z. G. Proshina (Moscow),

Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantyev (Novosibirsk),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), PhD (Philology) V. Obry (Mulhouse, France),

PhD (Philology), Assoc. Prof. I. Chekhova (Sofia, Bulgaria),

Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk)

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence

Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23

E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

Научная статья

УДК 94(09)(=19/=99)

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-5-20

Лексико-семантический анализ географической лексики и топонимии чувашей села Смолькино Сызранского района Самарской области

Николай Валерьевич Беленов

Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

belenov82@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4415-5966>

Аннотация

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот и анализ географической лексики и топонимии, бытующих в среде чувашского населения села Смолькино Сызранского района Самарской области. Топонимия и географическая лексика смолькинского говора чувашского языка до настоящего времени не подвергались комплексному изучению, между тем они представляют значительный интерес в связи с языковыми особенностями чувашей села Смолькино. В статье ставилась задача провести лексико-семантический анализ бытующих в смолькинском говоре топонимии и географической лексики с целью выявления их характеристических особенностей.

Материалами для данной работы послужили сведения, полученные автором статьи в течение полевого сезона 2021 г. от местных жителей и краеведов. При сборе данных применялись методы прямого опроса и направленной беседы. Для сравнительно-сопоставительного анализа исследуемых топонимных единиц в работе привлекаются соответствующие материалы автора, собранные в других чувашских селах Самарского Поволжья на протяжении 2015–2021 гг., а также материалы по элементам топонимной лексики смолькинского говора и географическим названиям, содержащимся в трудах других исследователей. Этимологический анализ топонимов проводился с учетом характеристик смолькинского говора, историко-культурных особенностей его носителей, с привлечением параллелей с других территорий расселения носителей чувашского языка.

В результате исследования были выявлены основные элементы географической топонимной лексики смолькинского говора чувашского языка, их формы бытования и семантика. Особое внимание уделялось нехарактерным для чувашских говоров региона лексемам данного кластера: *адыл* – болото, заливное озеро; *кран* – просека; *терес* – колодец.

Большинство представленных в статье топонимов этимологизируется из чувашского и русского языков, субстратный слой представлен татарскими географическими названиями, для чего имеется историческое обоснование. Кроме того, присутствует небольшой эрзянский пласт, наличие которого объясняется близким соседством смолькинских чувашей с эрзя-мордовским населением сел Алёшкино и Ерёмкино.

Ключевые слова

топонимика, географическая лексика, чуваша, чувашский язык, лексико-семантический анализ, этимология, Смолькино

Для цитирования

Беленов Н. В. Лексико-семантический анализ географической лексики и топонимии чувашей села Смолькино Сызранского района Самарской области // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4. С. 5–20. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-5-20

© Беленов Н. В., 2024

Lexico-semantic Analysis of Geographical Terminology and Toponymy of the Chuvash of Smolkino Village, Syzran district, Samara region

Nikolay V. Belenov

Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russian Federation

belenov82@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4415-5966>

Abstract

The purpose of this article is an introduction to scientific circulation and analysis of geographical vocabulary and toponymy persisting among the Chuvash population of the village of Smolkino in the Syzran district of the Samara region. The toponymy and geographical lexicon of the Smolkino dialect of the Chuvash language have not been subject of comprehensive study until now, yet they are of considerable interest due to the linguistic specificity of the Chuvash village of Smolkino. To carry out a lexico-semantic analysis of toponymy and geographical lexicon operating in the Smolkino dialect in order to identify their characteristic features. The materials for this paper were the data received by the author from local residents and historians during the 2021 field work. A comparative analysis of the studied toponymic units is based on the materials collected in other Chuvash villages of the Samara Volga region during 2015–2021, as well as on the elements of the toponymic lexicon of the Smolkinsky dialect and place-names in the works by other researchers. An etymological analysis of toponyms was carried out taking into account the characteristics of the Smolkinsky dialect and its speakers, with regard to parallels from other Chuvash language native speakers' territories of settlement. As a result of the study, the main elements of the geographical toponymic lexicon of the Smolkinsky dialect of the Chuvash language, their forms of existence and semantics have been identified. Special attention was given to the lexemes uncharacteristic for the Chuvash dialects of the region: *adyl* – 'swamp, spring spill lake'; *kran* – 'cut-through road in the forest'; *teres* – 'well'. Most of the toponyms presented in the article originate from the Chuvash and Russian languages, the substrate layer is represented by Tatar language geographical names, for which there is a historical justification. In addition, there is a small Erzya language layer, the presence of which is explained by the close proximity of the Smolkino Chuvash with the Erzya-Mordovian population of the villages of Aleshkino and Yeremkino.

Keywords

toponymy, geographical lexicon, Chuvash, Chuvash language, lexical and semantic analysis, etymology, Smolkino

For citation

Belenov N. V. Lexico-semantic Analysis of Geographical Terminology and Toponymy of the Chuvash of Smolkino Village, Syzran district, Samara region. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 5–20. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-5-20

Введение

Чувашское село Смолькино по ряду историко-географических характеристик стоит особняком среди других сел Самарской области с преобладающим чувашским населением. С одной стороны, исследователями отмечается заметная для него культурная связь с чувашскими селами так называемой Большой Самарской Луки [Ягафова, 2003], с другой – чуваша Смолькино по многим параметрам (и исторически, и особенностями говора) отличаются от самаролукских. Кроме того, уникальные для региона природные условия и особенности окружающего ландшафта окрестностей села оказали значительное влияние на традиционное мировоззрение смолькинских чувашей. В этой связи необходимо отметить, что фактор влияния природно-географических условий проживания носителей говора на бытующую в нем географическую лексику и топонимию неоднократно отмечался различными исследователями [Беленов, 2021a], сыграл свою роль он и в данном случае.

Историю исследований чувашской топонимии с соответствующей библиографией мы приводим в одной из своих недавних статей [Беленов, 2021b], здесь же остановимся, в основном, на тех работах, в которых затрагиваются различные аспекты истории и языка чувашей села Смолькино.

История смолькинских чувашей, их традиции и язык не становились темой специального исследования, хотя имеются многочисленные упоминания о Смолькино в ряде краеведческих изданий – главным образом в связи с уникальным для Самарской области ландшафтом окрестностей села [Журлова, 2004; Криволицкая, 1987].

Некоторые архивные сведения по Смолькино приводятся в «Чувашской энциклопедии» [Исаев, 2006], информацию по истории Смолькино и выселкам из него можно найти в работе В. С. Симакова «Энциклопедия чувашских сел Самарской области» [Симаков, 2008].

Отдельные лексемы, географические названия и антропонимы из говора смолькинских чувашей вошли в состав фундаментальной работы Н. И. Ашмарина [Ашмарин, 1928–1950], где они приводятся с пометкой «Смольк».

Для сравнительно-сопоставительного анализа смолькинского говора с другими, ареально близкими, говорами чувашского языка важнейшими являются работы А. П. Долговой по говорам чувашей Самарской Луки [Долгова, 2003], с которыми у смолькинских чувашей исследователями отмечается культурная близость [Ягафова, 2003], а также симбирско-саратовских чувашей.

Последняя работа представляет значительный интерес для нашего исследования. Коллективная монография «Симбирско-саратовские чувашаи» составлена по материалам экспедиций авторов 2000 г. в чувашские села Саратовской и Ульяновской областей, также в работе обобщены материалы более ранних исследований чувашских сел данного региона [Долгова, 2004]. В монографии приводится ряд ценных сведений не только по говорам симбирско-саратовских чувашей, но и по ареально близким к ним говорам Волжского Правобережья Самарской области, в том числе по смолькинскому. Помимо этого, в одном из приложений к данной работе приводится список географических названий, бытующих в соответствующих чувашских говорах, где содержатся ценнейшие сведения по топонимам, записанным участниками комплексной экспедиции 1969 г. от носителей смолькинского говора чувашского языка. Эти материалы также привлекаются нами ниже при этимологизации соответствующих названий.

Первые упоминания о Смолькино относятся к 1733 г., когда оно уже обозначено как существующее, при этом официальных сведений о точной дате основания села нет.

Авторитетный историк, фольклорист В. Д. Дмитриев, прослеживая на материалах чувашских исторических преданий основные этапы их расселения в Поволжье и Приуралье, полагает, что Смолькино было основано служилыми чувашами одновременно с такими населенными пунктами, как Шняево (Базарно-Карабулакский район Саратовской области), Каменный Ключ (Павловский район Ульяновской области), Илим-гора, Бикмурзино (Неверский район Пензенской области) [Дмитриев, 1993. С. 231] при сооружении Пензенско-Сызранской укрепленной линии, т. е. в 70–80-х гг. XVII в. Косвенно на общность происхождения перечисленных населенных пунктов может указывать ряд общих черт, отмечаемых исследователями в соответствующих говорах [Долгова, 2004].

При этом известно, что до прихода чувашей на данной территории проживали татары, часть которых затем влилась в состав смолькинских чувашей и впоследствии полностью перешла на чувашский язык. Об этом свидетельствуют как местные предания, так и официальные документы [Ягафова, 1998]. В среде старожилов до сих пор указывают носителей фамилий – потомков тех самых татар: Бейбулатовы (в архивных документах встречается форма Пейбулатовы), Ибряевы, Коноваловы [ПМА 2021: инф. 4].

Согласно местным историческим преданиям, в большинстве своем татары ушли отсюда после эпидемии какой-то страшной болезни: чумы или холеры. На памяти наших информантов из числа смолькинских чувашей, примерно в 70-х гг. XX в., при колхозном строительстве в урочище с названием Поп сярня были раскопаны остатки татарского кладбища с каменными надгробиями.

Название «Смолькино» происходит из русского языка, чувашаи изначально называли свое поселение Усинские Вершины (Озза бузя – Асапус). Е. А. Ягафовой приводятся сведения еще

об одном историческом названии села – Сопегино, по фамилии одного из старожилов села XVIII в. М. Сопегина.

Необходимо упомянуть еще одну легенду о происхождении села Смолькино. Согласно ей, некогда три брата-чуваши Падирек, Маляк и Симуляк переселились с севера на юг в поисках мест для поселения. Симуляк был охотником, поэтому решил поселиться в отдалении от своих братьев – в верховьях реки Усы. Падирек и Маляк же поселились рядом, в нижнем течении реки. От этих трех братьев и ведут свое происхождение чувашские села Смолькино, Байдеряково и Малячкино [Симаков, 2008. С. 285]. Несмотря на то что приведенная легенда является народным вымыслом в хорошо известном жанре основания близлежащих селений родными братьями, в ней нашли отражение в действительности близкие связи смолькинских чувашей с чувашами Малячкино и Байдеряково.

Жители Смолькино занимались в основном добычей смолы-живицы, о чем до сих пор свидетельствуют характерные насечки на старых соснах, произрастающих в окружающих село горах, а также охотой.

Чуваши села Смолькино проживают в относительной изоляции от носителей других чувашских говоров, хотя общение с чувашским населением так называемой Большой Самарской Луки полностью никогда не прекращалось. Е. А. Ягафовой отмечается, что в традиционной культуре смолькинских чувашей обнаруживаются признаки, характерные для чувашей Самарской Луки. Таким образом, пользуясь терминологией Л. П. Сергеева, смолькинский говор можно назвать «островным» [Сергеев, 1969]. Под «островными говорами» чувашского языка будем понимать диалектные зоны, отличающиеся от говоров того же диалекта наличием специфических признаков, которые развивались в них автономно длительное время в окружении иноязычного массива. С XVIII в. и по сей день ближайшими соседями смолькинских чувашей являются эрзяне, проживающие в селах Алёшкино и Ерёмкино. Взаимоотношения с ними, во всем своем многообразии, также нашли отражение в местной топонимии.

Село расположено в верховьях реки Усы, окружающая местность богата родниками и болотами. Само село находится в долине, через него, деля примерно на две равные части, протекает река Каргалка – приток Усы. Большинство окружающих Смолькино возвышенностей покрыто сосновым лесом, который местами перемежается с лиственным. На болотах среди деревьев преобладают березы.

Среди наиболее характерных особенностей окружающего село Смолькино ландшафта, несомненно, следует отметить скальные обнажения песчаника. Под действием воды и ветра ряд скал принял весьма причудливые зооморфные и антропоморфные очертания, что послужило развитию у чувашей Смолькино специфического религиозного культа. Некоторые из скал при этом были персонифицированы и получили свои наименования.

Смолькинский говор по большинству характеристик относится к низовому, укающему диалекту чувашского языка. А. П. Долгова отмечает в нем общие черты с елаурским, шняевским и неверкинским говорами [Долгова, 2004. С. 51–52]. В сравнении с чувашскими говорами Самарской Луки, которые сочетают в себе черты низового и средненизового диалектов, с небольшим включением элементов, характерных для верхового диалекта, смолькинский говор имеет ряд существенных отличий.

Прежде всего, в нем отсутствуют черты, объединяющие самаролукские говоры с верховым диалектом чувашского языка: чередование, в соответствии с законом сингармонизма, вариантов аффиксов множественного числа *сам* и *сем* – в смолькинском говоре имеется только аффикс *сем*, а также некоторые, характерные только для верхового диалекта, лексемы, фиксирующиеся в чувашских говорах Самарской Луки.

При этом надо отметить, что лексический состав смолькинского говора также достаточно своеобразен. Среди нестандартных лексических единиц данного говора, кроме географических терминов, которые мы будем подробно рассматривать ниже, можно упомянуть следующие: *валак* [va'lak] – ‘корыто’ (литературно-письменное *валашка*), *херень* [h'e'ɾ'en'] – ‘ива’

(хăва, çÿçe), *арзамасия* [arza'mas'is'a] – 'радуга' (*асамат кёперё*), *хыра* [hy'ra] – 'сосна' (*хыр*). Относительно последнего примера отметим, что в самаролукских говорах для ряда лексем в конце слов также характерен открытый слог – но там он, в отличие от смолькинского говора, безударный [Долгова, 2003].

Также для смолькинского говора характерна нерегулярная замена [ч] на [т], чаще всего замене подвергается инициальный согласный: *тяуле* [t'äu'l'e] – 'камя' (литературно-письменное: *чулё*), но при этом *чул* [çul] – 'камень', *тюреде* [t'ur'e'de] – 'окно' (*чÿрече*).

Щелевой согласный чувашского языка, обозначаемый литерой [ç], произносится носителями смолькинского говора как мягкое русское [с]: *сягар* [s'a'gar] – 'хлеб' (литературно-письменное *çăкăр*), *сирма* [s'ir'ma] – 'река' (*çырма*), *сяул* [s'äul] – 'дорога' (*çул*), *сяга* [s'a'gaʔ] – 'липа' (*çăка*), *сяумар* [s'äu'mar] – 'дождь' (*çумăр*).

Гласный [у] после мягкого согласного часто (нерегулярно) переходит в дифтонг [äu]: *сяул* [s'äul] – 'дорога'; *сяумар* [s'äu'mar] – 'дождь'; *тяуле* [t'äu'l'e] – 'камя'. При этом следует отметить, что в целом для чувашского языка дифтонги нехарактерны, однако, вместе с тем, они достоверно фиксируются в ряде чувашских говоров. Так, Л. С. Левитская отмечает наличие дифтонгов в сундырских говорах чувашского языка, которые обусловлены там выпадением промежуточного согласного звука [Левитская, 2014. С. 19, 136, 138]. В смолькинском говоре происхождение дифтонгов иное, по-видимому, можно говорить о двух различных версиях: сохранение в смолькинском говоре архаичного вокализма, характерного для более ранних этапов развития чувашского языка (на основе языка болгарских эпитафий можно предполагать, что в болгарском дифтонги присутствовали, но здесь надо делать поправку на возможное искажение при передаче фонем болгарского языка арабским письмом; имеются дифтонги и в тексте «Именника болгарских ханов», однако там они встречаются как в составе тюркских, так и славянских лексем [Мудрак, 2005. С. 89–90]. Л. С. Левитская полагает, что дифтонги существовали, если такие формы, как *тăвар* – 'соль', *кăвар* – 'горящие угли', *кăвак* – 'синий' возводить к прототипам с дифтонгами *uj/öj* [Левитская, 2014. С. 138]. Также нельзя исключать влияние на рассматриваемый говор других тюркских языков, например татарского, в котором наличествуют дифтонги, близкие для указанного нами смолькинского говора [Мудрак, Хисамитдинова, 2017. С. 44]. Вторая версия представляется более обоснованной, поскольку часть жителей Смолькино, по их собственным утверждениям, является потомками ассимилированных чувашами татар.

В этой же связи особо надо отметить мнение Л. П. Сергеева, который считает дифтонги в ряде северо-западных говоров чувашского языка явлением новым, начало которого можно отнести к первой половине XVIII в. [Сергеев, 2007. С. 36].

Чувашский аффикс принадлежности третьего лица [ё] часто передается в смолькинском говоре гласным [ä], причем в ряде случаев именно этот гласный является ударным. Подобная особенность отмечается исследователями также в некоторых говорах чувашского языка на территории Чувашии, например в сундырском говоре, который относится к верховому диалекту [Сергеев, 2007. С. 29].

Географическая лексика смолькинского говора чувашского языка и топонимия села Смолькино

В географической лексике исследуемого говора встречаются как общераспространенные для чувашских говоров термины, так и специфические, уникальные для данного говора лексемы. Кроме того, ряд чувашских географических терминов имеет в смолькинском говоре иную семантику, нежели в чувашском литературно-письменном языке и большинстве других чувашских говоров региона.

К распространенным в других говорах терминам, которые в схожем значении бытуют и в смолькинском говоре, относятся следующие.

Var [var] – ‘овраг’: данный географический термин встречается в говорах чувашей Самарского Поволжья достаточно часто, но в то же время его нельзя назвать общераспространенным – так, у аверкинских чувашей он отсутствует [ПМА 2021: инф. 2].

Sărt [sərt] – ‘гора, возвышенность’: в большинстве чувашских говоров Самарского Поволжья именно термин *sărt* бытует в значении ‘гора’, лексема *ту* в том же значении ‘гора’ в них либо неизвестна совсем, либо, изредка используясь в разговорной речи, в составе географических названий не встречается.

Лексема *сырма* [s'ir'ma], применяемая в смолькинском говоре по отношению к рекам, как правило, присутствует в данном значении в географической терминологии других чувашских говоров региона, при этом лишь в некоторых из них она имеет дополнительное значение – ‘овраг’.

Лексема *пёве* [p'e'v'e] в значении ‘пруд’ встречается во всех говорах чувашей региона, не является в этом смысле исключением и смолькинский говор, однако здесь данный термин применяется также и к озерам. Вместе с тем озера небольшого размера в смолькинском говоре обозначаются лексемой *кюля* [k'u'l'ä] (здесь несомненно связь с литературно-письменным *күлĕ* в значении ‘озеро’). Надо отметить, что данная лексема в большинстве чувашских говоров Самарского Поволжья в настоящее время отсутствует, либо сохраняется в уменьшительной форме *күлленчĕк* [k'ul'en'ček] – ‘лу́жа’, а также в топонимии. Поле обозначается в исследуемом говоре термином *хир* [h'ir'], что также идентично большинству чувашских говоров региона, при этом имеется несколько специальных терминов для обозначения полей и небольших участков земли, встречающихся в основном в составе топонимов. То же можно сказать и о лексеме *вэрман* [və'rman] – ‘лес’. Ключ, родник обозначается в смолькинском говоре распространенной в чувашской географической терминологии лексемой *çăл* [s'o'l].

Одним из наиболее интересных местных географических терминов является лексема *терес* [t'ə't'es] для обозначения колодцев. Ее происхождение можно объяснить влиянием татарского языка, где *тирәс* – ‘круг’ (возможно, круглое отверстие колодца?). Также обращают на себя внимание такие древнетюркские лексемы с данной основой, как: *terñäk* – ‘родник’, ‘ручей’; *terñük* – ‘родник’, ‘источник’, ‘ручей’ [Древнетюркский словарь, 1969. С. 555].

Также следует отметить термин *адыл* [a'dyl], который в смолькинском говоре чувашского языка имеет следующий спектр значений: ‘болото’, ‘озеро’, ‘заливное озеро’. В связи с этим уместно отметить, что в большинстве чувашских говоров лексема *Атӑл* – имя собственное, название Волги. По-видимому, указанный семантический переход произошел в смолькинском говоре совсем недавно, поскольку известно записанное в Смолькино же название Самарской Луки – *Атӑл кукри*, т. е. изгиб, излучина Волги. Так, у Н. И. Ашмарина указано: «Атӑл кукри – Самарская Лука (Смольк.)» [Ашмарин, 1934, VI. С. 262]. В пользу недавнего перехода имени собственного в географический термин, означающий болота и заливные озера также свидетельствует тот факт, что в топонимической номенклатуре смолькинского говора названия болот всегда имеют в своем составе элемент *шур* и никогда – *адыл*.

Наконец, привлекает внимание географический термин *кран*, который в смолькинском говоре имеет значение ‘просека’, ‘дорога в лесу’. Нам известна лишь одна параллель для него в других чувашских говорах: *кран* – ‘межа между полями двух деревень’ [Ашмарин, 1934, VII. С. 328]. В этом случае представляется вероятным заимствование из русского языка (лексема *грань*), что отвечает семантике термина. Переход звонкого [г] в [к] в чувашском языке закономерен, поскольку в собственно чувашских словах инициальный [г] отсутствует. В смолькинском же говоре мы, по-видимому, имеем то же заимствование, однако происхождение его здесь иное. Леса в окрестностях Смолькино делятся на кварталы, а дороги-просеки проходят по границам между ними, что и послужило основанием для соответствующего заимствования.

Переходим к рассмотрению топонимии села Смолькино и его окрестностей.

Алямай сэрдя [Al'ä'maj sə'd'ä] – Высокая гора, располагается от Смолькино в сторону поселка Гремячий, территориально относится к Ульяновской области. Со слов информантов,

«Алямай – думаем, что название татарское» [ПМА 2021: инф. 4]. Отметим, что нельзя в данном случае исключать и эрзянское происхождение основы названия, поскольку лексема *алья* – ‘мужчина, муж’ часто лежит в основе мордовских антропонимов (а также адаптированных в мордовской среде русских антропонимов, например, Аля – Алексей), что в ряде случаев приводит к их закреплению в названиях географических объектов [ПМА 2021: инф. 1]. Форманты *ма* и *й* в таком случае могут являться общемордовскими аффиксами (общности и звательного падежа соответственно) [Цыганкин, 1978]. Данная гора располагается в окрестностях ныне исчезнувшего села Оклино, основанного выходцами из алёшкинско-ерёмкинских эрзян, что также повышает вероятность эрзянского происхождения ее названия.

Анат кас [Anat'kas] – название одной из частей села Смолькино. В переводе наших информантов – Нижняя сторона. Подобное название является одним из наиболее часто встречающихся элементов топонимии чувашских населенных пунктов, происходит оно от лексем: *анат* – ‘нижняя часть’, ‘низовье’ и *кас* (вариация *касă*) – ‘улица’, ‘выселок’. Топоним фиксировался в 1969 г. [Долгова, 2004].

Асла шур [ʔAsla šur] – название одного из болот, расположенных к юго-западу от Смолькино, отличающегося от других, весьма многочисленных в окрестностях села подобных объектов, своей площадью, из-за чего и получило свое наименование. В составе топонима выделяются чувашские лексемы: *асла* – ‘большой’, ‘обширный’ и *шур* – ‘болото’.

Бабай чуле [Ba'bij t'äu'l'e] – название одного из камней в окрестностях Смолькино, который установлен вертикально на безлесном склоне возвышенности к северо-востоку от села. В отличие от других персонифицированных у смолькинских чувашей камней, Бабай чуле имеет рукотворное происхождение и представляет собой могильный памятник, вероятно, оставленный жившими на данной территории до чувашей татарами. Согласно местным преданиям, камнем отмечена могила татарина, помогавшего разбойникам, вследствие чего жители села отказались хоронить его на общем кладбище и погребли отдельно [ПМА 2021: инф. 4]. Исходя же из практики захоронения знатных соплеменников на возвышенностях, прослеживаемой у поволжских тюрок еще со времен Волжской Булгарии [Димитриев, 1993. С. 72], можно предположить, что данный камень относится к могиле какого-то особо почитаемого у проживавших ранее в районе Смолькино татар соплеменника. На камне до настоящего времени сохранился орнамент, содержащий несколько солярных символов; по словам информантов, совсем недавно на нем можно было различить и надпись, которая теперь совершенно стерлась. Информанты указывали, что надпись эта «была сделана на татарском языке», при этом не сообщали, с использованием какого алфавита она была нанесена [ПМА 2021: инф. 3]. Лексема *бабай* заимствована из татарского языка, где она имеет значение ‘дедушка’, ‘почитаемый человек’, ‘старейшина’. В чувашском языке является старинным заимствованием, подверглась фонетической адаптации: так, Н. И. Ашмарин приводит вариацию *nanaj* [rabaj] – ‘старик, дед’ [Ашмарин, 1934, IX. С. 95–96], в некоторых говорах заменяет лексему *асатте*. В смолькинском говоре можно предполагать прямое заимствование из татарского языка. Вторая часть топонима представляет собой лексему *чул* – ‘камень’, с аффиксом принадлежности третьего лица *ё*, который в данном случае соответствует литературно-письменной форме.

Валакла сёл [Valak'la s'o'l] – название родника, расположенного в окрестностях Смолькино, в сторону поселка Гремячий. Как мы уже указывали, лексема *валак* в смолькинском говоре означает ‘корыто’, но в данном случае, вероятно, название происходит от идентичной чувашской лексемы со значением ‘желоб’, *ла* – продуктивный аффикс прилагательного в чувашском языке. Географический термин *çăл* имеет в чувашском языке значения ‘родник’, ‘ключ’, в верхних говорах – ‘колодец’. В смолькинском говоре встречается только в значении ‘родник’. Таким образом, данное название означает родник с корытом, что соответствует характеристикам объекта: по сообщениям наших информантов, он оборудован деревянным корытообразным желобом, по которому стекает вода.

Василей краня [Vas'i'lej 'gran'ä] – название одной из дорог, начинающейся в Смолькино и переходящей в просеку в лесу. Дорога проходит мимо бывшей мельницы, хозяином которой был человек по имени Василий, его именем и названа дорога. Вторая часть названия представляет собой местный географический термин *кран* со значением ‘просека’, оформленный аффиксом принадлежности третьего лица, в соответствии с фонетическими особенностями смолькинского говора.

Вырым кран [Və'rəm kran] – название длинной просеки в лесу, которая связывает село Смолькино с поселком Дружба, основанным выходцами из Смолькино в 1924 г. Название происходит от чувашских лексем: *вӑрӑм* – ‘длинный’ + *кран* – в смолькинском говоре, ‘просека’ = ‘длинная просека’, указывая на ее большую протяженность в сравнении с другими просеками в окрестностях Смолькино.

Иревля хирь [I'r'evl'ä h'ir'] – название урочища, расположенного у бывшего поселка Конопляный, представляющего собой небольшую поляну, куда жители Смолькино часто ходят за ягодами. Со слов информантов, «Там среди леса совсем небольшая поляна, но ее в советское время все равно распахивали, обрабатывали» [ПМА 2021: инф. 4]. Информантам происхождение основы топонима неизвестно. Возможно, оно восходит к чувашской лексеме *иревле* – ‘растапливать’, что могло указывать на то, что на открытом месте снег таял быстрее, чем в лесу. Не менее вероятно происхождение топонима от личного чувашского имени Иревли [Ашмарин, 1929, III. С. 132].

Каргалка [Kar'galka] – река, протекающая через Смолькино, левый приток реки Усы. Нашим информантам происхождение названия реки неизвестно, вероятно, оно относится к субстратному слою местной топонимии, происходящему из татарского языка. Идентичные и подобные потамонимы известны на территориях расселения носителей кыпчакских языков, где чаще всего объясняются от лексемы *карга* – ‘ворона’ [Барашков, 1996. С. 45]. Э. М. Мурзаев приводит встречающуюся в тюркской гидронимии лексему *карга* – ‘мелкое место на реке’, ‘мелководный’ [Мурзаев, 1984. С. 260].

Происхождение названия реки от одной из приведенных выше лексем нельзя полностью исключать, однако тот факт, что Каргалка на некотором участке своего течения, вблизи села, уходит под землю, возникая вновь уже в границах Смолькино, заставляет обратить внимание еще на одну группу потамонимов, с иной этимологией. Так, по мнению А. И. Назарова, в основе названий подобных рек может лежать древнетюркское *каркка* – завал из камней [Назаров, 2014].

В связи с этим надо отметить, что на карте Менде Симбирской губернии 1861 г. название реки этой передано в форме *Кардовка*. По нашему мнению, этот вариант представляет собой буквальный перевод на чувашский язык татарского названия Каргалка, поскольку лексема *карта* в чувашском языке имеет значение ‘заграждение’, что соотносится со значением, предложенным для подобных гидронимов А. И. Назаровым. Такое дублирование названия одного и того же объекта в различных языках признавалось В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачёвым одним из главных критериев истинности этимологий в топонимике [Топоров, Трубачёв, 1962].

Кереметь vare [K'əg'e'm'ət' va'r'e] – название оврага, в долине которого располагается поселок Гремячий. Сам Гремячий в смолькинском говоре именуется Кереметь, а официальное название поселка, по мнению информантов, является русской фонетической калькой с чувашского названия. Происхождение топонима обусловлено тем, что в данном овраге до недавнего времени находилось основное место жертвоприношений смолькинских чувашей [ПМА 2021: инф. 4]. Данное расположение Керемети является нестандартным: как правило, они находились к западу от чувашских сёл, а здесь она расположена восточнее Смолькино (сам поселок Гремячий основан в 20-е гг. XX в.). Возможно, такое расположение обусловлено тем, что в окрестностях данного оврага находится несколько особо почитаемых смолькинскими чувашами песчаниковых камней, в том числе *Юбеде чуле*.

Клементи арманя [Kl'em'en't'i arma'n'ä] – название места, где располагалась мельница человека по имени Клементий. Происходит от чувашского *арман* – ‘мельница’ + смолькинский вариант чувашского аффикса принадлежности.

Клементи певе [Kl'em'en't'i p'e'v'e] – название одного из прудов в Смолькино. Как и рассмотренный выше топоним, восходит к имени хозяина мельницы Клементия. Географический термин *пёве* – ‘пруд’ встречается в абсолютном большинстве чувашских говоров Самарского Поволжья и почти всегда топогенетичен в них. В смолькинском говоре он также употребляется в значении ‘озеро’.

Мокше сирми [mokšə z'ir'm'i] – название небольшой реки, протекающей через село Смолькино, притока Каргалки. В 1969 г. название зафиксировано членами комплексной экспедиции в форме *Майшй сырми*, сам объект обозначен как балка [Долгова, 2004], наши информанты характеризовали данный объект как ручей [ПИМА 2021: инф. 4]. Этноним *мокше* в смолькинском говоре распространяется на всю мордву – как на собственно мокшу, так и на эрзю. Эрзянское население сел Алёшкино и Ерёмкино, в соответствии с этим, также именуется здесь *мокше*, что нередко приводило к тому, что жителей данных сел в ряде краеведческих работ ошибочно причисляли к мордве-мокше. Наши информанты предполагали, что, возможно, по берегам данной реки в прошлом могли проживать эрзяне, выходцы из Алёшкино и Ерёмкино, но точными сведениями на этот счет они не располагали. Косвенно данное предположение могут подтверждать хозяйственные постройки особого типа – саманные кладовые, сложенные из особого вида кирпичей из глины и соломы, называемых здесь ломпачами, которые повсеместно встречаются в Алёшкино и Ерёмкино, а в Смолькино фиксируются лишь напротив отдельных домов, расположенных по берегам *Мокше сирми*.

Мокше тиги [mokšə d'i'g'i] – поле между чувашским селом Смолькино и эрзянскими селами Алёшкино и Ерёмкино, хозяйственная принадлежность которого долгое время оставалась спорной. По объяснениям информантов: «Борьба там была с мордвой. Может быть, даже воевали из-за него. Тиги – это вот означает то, что боролись. А по-русски это название и не переведется, наверное» [ПИМА 2021: инф. 4]. Нам представляется, что элемент *тиги* в составе данного топонима – это адаптированная русская лексема *тяглое* – спорное, оспариваемое в борьбе. В топонимии Самарского Поволжья имеются примеры фиксации данной лексемы в составе названий именно таких объектов: так, известно Тяглое озеро на территории Пестравского района Самарской области, получившее свое название из-за того, что за обладание им долгое время боролись поселившиеся здесь первыми тамбовские крестьяне и пришедшие в эти места в 1792 г. балашовские молокане. В конце XIX – начале XX в., когда ожесточенная борьба за поле *Мокше тиги* ушла в прошлое, здесь, по традиции, проводились кулачные бои между мордовской и чувашской молодежью.

Нашла вар [Na'sla var] – название оврага в окрестностях Смолькино. Что означает основа топонима *нашла* информантам неизвестно. В данном случае, вероятно, что она происходит не из чувашского языка, поскольку подавляющее большинство слов на инициальный [н] в чувашском языке являются заимствованными [Левитская, 2014. С. 218], исключение могут составлять лишь звукоподражания. Возможно, происходит от чувашского *наш* – ‘тяжело дышать’, ‘шмыгать носом’, что, в свою очередь, могло лечь в основу прозвища человека.

Озза [Oz'za] – название реки Усы в смолькинском говоре. Литературно-письменная форма потапонима – *Аса*, которая в чувашском языке никак не этимологизируется. Наши информанты также не приводили никаких версий происхождения названия реки, отсутствуют в Смолькино и обычные в таких случаях топонимические предания. Гидронимная основа *ус* широко распространена как в Европейской России, так и на Урале, встречается она также в Сибири (Усьва – в Пермском крае; Усва – приток Печоры; Усья – в бассейне Тавды; Ус – правый приток Енисея). По-видимому, нет оснований приписывать всем указанным примерам общее происхождение.

Гидронимы с основой *ус* формируют несколько компактных ареалов на территории Евразии. Объединяет данные группы одно – там, где они выявлены, рассматриваемая осно-

ва не этимологизируется из языков современного населения [Кривощёкова-Гантман, 1956], за исключением, пожалуй, тех, для которых можно предполагать монгольское происхождение (от монгольского *ус* ‘вода’) [Туркин, 1986. С. 112].

Таким образом, для топонимического пространства Смолькино потамоним Уса является субстратом высшего порядка.

Озза нуся [Oz'za bu'z'ä] – чувашское название села Смолькино, его перевод на русский язык означает Усинские Вершины. Название отражает положение села – в верховьях реки Усы, исток которой находится в двух километрах южнее Смолькино. Имеются многочисленные параллели в чувашской ойконимии, сравните: посёлок Сирмабусь в Похвистневском районе Самарской области; ныне исчезнувшее чувашско-мордовское село Ширяевские Вершины (русская калька с несохранившегося чувашского названия) на Самарской Луке; Чаллапус – чувашское название райцентра Челно-Вершины; Тарканпус – чувашское название села Большая Тархановка Шенталинского района.

Поварный вар [Pova'rnj var] – название оврага и родника в нем. Информанты происхождения топонима объяснить не смогли: «Почему Поварный – мы тоже не знаем, тут же еще татары жили, может быть, это татарское название» [ПМА 2021: инф. 4]. В. Ф. Барашков название оврага Повар в Брусянском участке Самарской Луки склонен этимологизировать от чувашской лексемы *вар* – ‘овраг’, с русской приставкой *по*. По его мнению, это свидетельствовало о том, что овраг идет «по низменной местности, по долине» [Барашков, 1996]. Кроме того, следует отметить, что подобное название относительно часто встречается у родников: у села Черемышево Петречинского района Республики Татарстан известен родник с названием Поварня; родник Поварня у села Николаевка Дубенского района Республики Мордовия. Многочисленны подобные названия на территории Республики Мордовия: Повар лей, Поварнолай, Поварня, Поварня лей. Д. В. Цыганкин [Цыганкин, 2005. С. 276] объясняет их различно – от прозвища Повар, от искаженного русского пивоварня – поварня (проводились ритуальные действия, в ходе которых варили пиво) в случае Поварня лей. В рассматриваемом случае представляется вероятным, что данное название может происходить из русского языка и связываться со смолловаренным промыслом. Кроме того, в некоторых чувашских говорах отмечается лексема *навар* – ‘временная (летняя) кухня в местах сезонных работ’ [Егоров, 1964. С. 141], которая также может лежать в основе данного названия.

Поп сярня [Pop s'ä'ran'ä] – название поля в окрестностях Смолькино. Информанты характеризовали его так: «Поп сярня – это известное у нас место. В советское время были там огороды – капусту сажали, а также бахчи. Раньше оно попу принадлежало, хотя церкви у нас не было. Церковь была в соседнем селе (Церковь, к которой были приписаны смолькинские чуваша, находилась в Ерёмкино. – Н. Б.). Сярня – поле. Именно около этого поля есть захоронение татарское, на его окраине» [ПМА 2021: инф. 4]. Здесь надо отметить, что название Попов луг закреплено за полем, начинающемся у церкви Николая Чудотворца в селе Ерёмкино [ПМА 2021: инф. 6]. Возможно, в прошлом священнослужителю принадлежал крупный участок земли, начинающийся от села Ерёмкино и простирающийся до Смолькино, впоследствии разделенный разросшимся лесом. Название же за ними закрепилось старое. *Поп* в данном названии – заимствование из русского языка, географическая лексема *саран* в литературно-письменном чувашском языке имеет значения ‘луг’, ‘суходол’. Как правило, так обозначаются незаливаемые в половодья луга, в противоположность заливным, называемым *улях*. Н. И. Ашмарин отмечает, что в ряде говоров лексемой *саран* могут обозначаться также части заливных лугов, и приводит еще одно значение: *саран* – ‘луг, покрытый нескошенной травой или неубранной (сеном)’ [Ашмарин, 1937, XII. С. 61–62].

Серемле нуленьке [S'er'em'le p'ul'en'k'e] – название небольшой поляны в окрестностях Смолькино. По объяснению наших информантов: от чувашских лексем *серем* – ‘чернозём’, ‘целина’ (литературно-письменные значения ‘дёрн’, ‘мелкая трава’); *нуленьке* – поляна, отсюда значение: ‘участок необработанной земли на краю поля’ [ПМА 2021: инф. 4]. К этимоло-

гии последней лексемы, по-видимому, можно привлечь чувашское диалектное *пелем* – ‘луг’ [Левитская, 2014. С. 220], поскольку чередование согласных [н/м] в конце слова характерно для целого ряда говоров современного чувашского языка (в смолькинском говоре, учитывая историю его носителей, нельзя исключать также влияние татарского *болын* – ‘луг’).

Ситял сирми [s'it'äl s'ir'm'i] – название реки, берущей начало от семи родниковых ключей в лесу, вода из которых сливается в единый поток, впадающий в реку Каргалку. Наши информанты переводили это название на русский язык как Семиключье. В основе топонима лежат чувашские лексемы *сиччĕли* – ‘закрывающий в себе семь единиц’, и *сырма* – ‘речка’. Таким образом, название определяет данный объект как реку, возникшую из семи источников, что соответствует ее характеристикам.

Сёмрать кеберь [S'om'rat' k'e'b'er'] – урочище в лесу, в окрестностях Смолькино. Сломанный мост, с литературно-письменного: *сёмрĕк кёпер* – ‘разбитый мост’. В составе топонима отмечается глагольная основа *сёмĕр* – ‘ломать’ + аффикс *ат/ет* со значением нового качества, таким образом: *сёмĕрет* – ‘сломанный’ + *кёпер* – ‘мост’ = ‘сломанный мост’. Название объясняется тем, что когда-то через один из оврагов в данном урочище был сооружен деревянный мост, который впоследствии обветшал и разрушился.

Сюльди кас [S'ul'd'i 'gas] – название части села Смолькино, в переводе информантов – Верхняя сторона. В основе названия лежат чувашские лексемы: *сүлти* – ‘верхний’ и *кас* (вариация *касă*) – ‘улица’, ‘выселок’ [ПМА 2021: инф. 3].

Сюльди хир [S'ul'd'i h'ir'] – название поля, расположенного на окраине Смолькино, на склоне горы, за кладбищем. Информанты переводили название как *Верхнее поле*. В основе названия чувашские лексемы *сүлти* – ‘верхний’ и *хир* – ‘поле’.

Торна журия [Tor'na 'žur'ä] – название болота, расположенного у урочища Конопляный (бывший поселок, ныне покинут всеми жителями), в двух километрах к югу от Смолькино. Информанты перевели название как Журавлиное болото, хотя смолькинскими чувашами объект воспринимается, скорее, как озеро. Во время Великой Отечественной войны там добывался торф для нужд госпиталей. В основе топонима чувашские лексемы *тăрна* ‘журавль’ и *шур* ‘болото’.

Удюсель [Ud'u's'el'] – название родника в окрестностях Смолькино, у поляны Серемле пуленьке. Со слов информантов, «Из этого родника течет зеленая вода. Почему так назван – может быть, от имени женщины» [ПМА 2021: инф. 4]. В основе названия лежит антропоним – Удюсь, аффикс топонима представляет собой чувашскую географическую лексему *сăл* – ‘ключ’, ‘родник’. Близкие по форме к имени Удюсь антропонимы приведены В. К. Магницким в списке чувашских традиционных имен [Магницкий, 1905. С. 90]. Таким образом, название переводится как *Удюсев родник*.

Хуран хысь [H'urən hys'] – название поля в окрестностях села Смолькино. Со слов информантов, «В этом названии хуран – береза, что такое хысь – не знаем» [ПМА 2021: инф. 4]. В чувашских топонимах элемент *хыс* встречается достаточно часто. Как мы полагаем, в данном случае он имеет значение ‘задняя часть чего-либо’, ‘пространство за чем-либо’. В данном случае: поле, находящееся за березняком.

Чул лаша [Čul la'ža] – название одного из валунов песчаника, имеющего характерную форму окаменевшей лошади, в связи с чем игравшего важную роль в обрядовой культуре смолькинских чувашей. В основе названия лежат чувашские лексемы: *чул* – ‘камень’, ‘каменный’ и *лаша* – ‘лошадь’, ‘конь’. В ряде источников сообщается и личное имя каменного коня – *Смеле* (по-видимому, от *сăмăл* – ‘ловкий’, ‘проворный’) [Журлова, 2004], наши информанты его, впрочем, не упоминали. Когда дождей долго не было, ходили к этому камню совершать *сяумар дюк* (*сумăр чүк* – моление о дожде), в ходе которого умывали камень святой водой, приносили к нему в качестве жертвы лук и яйца, которые обязательно должны были быть свежими. В 2008 г., на волне интереса, подогреваемого репортажами местного телевидения, камень был вывезен с поляны неизвестными. Со слов информантов, «Место это так и считается святым

(после кражи). Украли какие-то сектанты, милиция приезжала – ничего не нашли. Говорят, стоит теперь у какого-то богатого человека в Сызрани на участке» [ПМА 2021: инф. 4].

Чул сырт [Šul 'zyrt] – название горы к северу от Смолькино, вершина которой характеризуется значительными каменными обнажениями. В составе топонима чувашские лексемы: *чул* – ‘камень’, ‘каменный’ + *сърт* – ‘холм’, ‘возвышенность’ (в смолькинском говоре – ‘гора’).

Шаба кас [Šaba'gas] – название приречной части Смолькино. Происходит от чувашских лексем: *шапа* – ‘лягушка’ + *кас, касă* – ‘улица’, ‘выселок’, ‘часть деревни’. Здесь следует отметить, что водные объекты и примыкающие к ним участки часто в чувашских говорах региона обозначаются топонимами, в составе которых выделяется зооним *шапа*, сравните: Шаба кассы в Среднем Аверкино [ПМА 2021: инф. 2], Шаба куль в Никольском [ПМА 2021: инф. 5].

Шура пуся [Šu'ra buzä] – располагавшееся раньше в начале села Смолькино (на въезде с южной стороны) болото. Информанты путались в переводе названия: Светлое болото или Начало села. По-видимому, причина подобных разночтений в том, что данное название объединило в себе приведенные выше: *шурă* – ‘белый’, ‘светлый’ и *пуç* – ‘начало’, кроме того, могло сыграть роль и некоторое созвучие лексем *шурă* и *шур*. Вероятно, вследствие того, что объект исчез, постепенно стало забываться и его название.

Юбеде чуле [Jub'ej'de t'äu'l'e] – один из фигурных останцев песчаника, пользующийся у смолькинских чувашей особым почитанием. Располагается недалеко от урочища Кереметь (Гремячий). Название происходит от чувашских лексем: *унăте* – ‘обезьяна’, ‘грязнуля’, ‘кривляка’ + *чул* – ‘камень’, ‘каменный’. Данный камень действительно в некоторых ракурсах напоминает человекообразную фигуру, которая сидит, поджав колени к груди и уткнув в них лицо. Здесь следует отметить, что лексема *унăте* имеет у чувашей также мифологический смысл, ей обозначается зловредное и уродливое лесное существо, похожее на обезьяну. Его чувашки всегда четко отличают от лешего – *арсури*. Н. И. Ашмарин указывает, что лексема *унăте* может иметь и бранное значение, кроме того, так называют неряшливых женщин [Ашмарин 1929, III. С. 254]. В настоящее время данное слово как нарицательное в смолькинском говоре не бытует, информанты воспринимают его как собственное имя соответствующего «идола» [ПМА 2021: инф. 3].

Заключение

Проведенное исследование топонимического пространства села Смолькино показало, что большинство географических названий в нем происходит из чувашского языка, причем в них хорошо отображаются характерные особенности смолькинского говора. Также надо отметить сравнительно небольшое количество русизмов в смолькинских топонимах: большинство из них являются элементами заимствованной из русского языка и адаптированной в чувашском языке лексики. Полностью русских названий немного – Смолькино, Гремячий – и все они имеют параллельные чувашские названия. В подавляющем большинстве топонимических пространств чувашских сел Самарского Поволжья количество русских названий существенно выше. Субстратный пласт исследуемого топонимического пространства представлен названиями, происходящими из татарского языка, к таковым относится потамоним Каргалка. Наши информанты склонны считать татарскими все топонимы, происхождение и значение которых им неизвестны, среди них: Алямай сэрдя, Нашла вар, Поварный вар. При этом нельзя исключать, что по крайней мере некоторые основы таких названий происходят из эрзянского и русского языков. Кроме того, в исследуемом топонимическом пространстве имеется один субстрат высшего порядка – потамоним Уса (Ăса – [Oz'za]).

В топонимии Смолькино также нашли отражение тесные межэтнические отношения с мордвой соседних сел Алёшкино и Ерёмкино, в таких названиях, как: Мокше сирми, Мокше тиги.

В заключение отметим, что значительная часть названий улиц, записанных в Смолькино участниками комплексной экспедиции 1969 г., нами не зафиксирована, среди них: Вăта кас, Çурт хушши, Яппун касси. Среди названий, записанных в 1969 г. и известных нашим

информантам: Анат кас и Ҫулти кас, название Шапа касси, зафиксированное нами в форме Шапа кас, чувашская форма ойконима Киремет для поселка Гремячий, а также потамоним Аса и Мăкшă сьрми, обозначенное как «название балки». По-видимому, это свидетельствует о том, что в настоящее время многие чувашские названия улиц в смолькинском говоре уже вытеснены русскими, кроме того, некоторые части села могли с 1969 г. исчезнуть, поскольку население Смолькино за прошедший период сократилось с 500 до 133 человек, вследствие чего стерлись в народной памяти и названия.

Полевой материал автора

- ПМА 2017: инф. 1 – Татьяна Фёдоровна Мещанова, 1950 г. р. Запись в с. Старое Вечканово (Иса克林ский район, Самарская область), 2017 г.
- ПМА 2019: инф. 2 – Мария Степанова, 1996 г. р. Запись в с. Среднее Аверкино (Похвистневский район, Самарская область), 2019 г.
- ПМА 2021: инф. 3 – Михаил Тихонов, 1965 г. р. Запись в с. Смолькино (Сызранский район, Самарская область), 2021 г.
- ПМА 2021: инф. 4 – Зинаида Ивановна Молькова, 1956 г. р. Запись в с. Смолькино (Сызранский район, Самарская область), 2021 г.
- ПМА 2021: инф. 5 – Ольга Владимировна Сахтёрова, 1971 г. р. Запись в с. Никольское (Безенчукский район, Самарская область), 2021 г.
- ПМА 2021: инф. 6 – Юрий Дунаев, 1988 г. р. Запись в с. Ерёмкино (Теренгульский район, Ульяновская область), 2021 г.

Источники

Карта 1861 – Топографическая межевая карта Симбирской губернии. А. И. Менде. 1859–1861 гг. ЦГАСО – Ф. 32. Оп. 38. Д. 1655. – Метрическая книга Преображенской церкви села Новый Тукшум 1914 г.

Список литературы

- Ашмарин Н. И.** Словарь чувашского языка в 17 томах. Казань; Чебоксары: Изд. Наркомата по просвещ. ЧАССР, 1928–1950: Т. 1. – 1928; Т. 2. – 1929; Т. 3. – 1929; Т. 4. – 1929; Т. 5. – 1930; Т. 6. – 1934; Т. 7. – 1934; Т. 8. – 1935; Т. 9. – 1935; Т. 10. – 1936; Т. 11. – 1936; Т. 12. – 1937; Т. 13. – 1937; Т. 14. – 1937; Т. 15. – 1938; Т. 16. – 1941; Т. 17. – 1950.
- Барашков В. Ф., Дубман Э. Л., Смирнов Ю. Н.** Самарская топонимика. Самара: СамГУ, 1996. 192 с.
- Беленов Н. В.** Географическая лексика и топонимия старошенталинского говора эрзя-мордовского языка // Вестник НГУ. 2021. № 1. С. 67–80.
- Беленов Н. В.** Лексико-семантический анализ топонимии чувашского села Большое Алдаркино Борского района Самарской области и его окрестностей // Oriental Studies. 2021. № 14(3). С. 595–605.
- Димитриев В. Д.** Чувашские исторические предания. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1993. 446 с.
- Долгова А. П.** Об особенностях говора чувашей Самарской Луки // Чуваши Самарской Луки. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 68–89
- Долгова А. П., Иванов Г. Н., Кондратьев М. Г., Матвеев Г. Б., Фокин П. П.** Симбирско-саратовские чуваша. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. 274 с.
- Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.

- Егоров В. Г.** Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1964. 356 с.
- Журлова Г. Г.** Но прошлое в нас не уснуло... Из истории села Старая Рачейка. Сызрань: Сызранское полиграфобъединение, 2004. 276 с.
- Исаев Ю. Н.** Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2006. 797 с.
- Криволицкая Л. К.** По Куйбышевской области. По родным просторам. М.: Физкультура и спорт, 1987. 176 с.
- Кривощёкова-Гантман А. С.** Географические названия Верхнего Прикамья. Пермь: Кн. изд-во, 1983. 175 с.
- Левитская Л. С.** Историческая фонетика чувашского языка. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 319 с.
- Магницкий В. К.** Чувашские языческие имена. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1905. 101 с.
- Мудрак О. А.** Заметки о языке и культуре дунайских булгар // Тр. Ин-та восточных культур и античности. VI. 2005. С. 83–107.
- Мудрак О. А., Хисамитдинова Ф. Г.** Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Астана: Гылым баспасы, 2017. 164 с.
- Мурзаев Э. М.** Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
- Назаров А. И.** Краткий топонимический словарь Северного Тянь-Шаня. Алматы: Дайк-пресс, 2014. 112 с.
- Сергеев Л. П.** Диалектная система чувашского языка. Чебоксары: ЧГПУ, 2007. 428 с.
- Сергеев Л. П.** Из наблюдений над говорами саратовских и пензенских чувашей // Мат. по чувашской диалектологии. Вып. 3. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1969. С. 59–112.
- Симаков В. Е.** Энциклопедия чувашских сел Самарской области. Самара: НТЦ, 2008. 404 с.
- Топоров В. Н., Трубачёв О. Н.** Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: АН СССР, 1962. 271 с.
- Туркин А. И.** Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1986. 140 с.
- Федотов М. Р.** Этимологический словарь чувашского языка в 2 т. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 470 + 509 с.
- Цыганкин Д. В.** Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определенности-неопределенности и притяжательности). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1978. 72 с.
- Ягафова Е. А.** Самарские чуваша. Самара: ИЭКА Поволжье, 1998. 368 с.
- Ягафова Е. А.** Календарные обрядовые традиции самаролукских чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 115–135.

References

- Ashmarin N. I.** Dictionary of the Chuvash language. Kazan'; Cheboksary, Izd. Narkomata po prosveshh. ChASSR, 1928–1950: Vol. 1. – 1928; Vol. 2. – 1929; Vol. 3. – 1929; Vol. 4. – 1929; Vol. 5. – 1930; Vol. 6. – 1934; Vol. 7. – 1934; Vol. 8. – 1935; Vol. 9. – 1935; Vol. 10. – 1936; Vol. 11. – 1936; Vol. 12. – 1937; Vol. 13. – 1937; Vol. 14. – 1937; Vol. 15. – 1938; Vol. 16. – 1941; Vol. 17. – 1950. (In Russ.)
- Barashkov V. F., Dubman Je. L., Smirnov Ju. N.** Toponymy of Samara region. Samara, SamGU, 1996, 192 p. (In Russ.)
- Belenov N. V.** Geographical lexicon and toponymy of the Staroshentalin dialect of the Erzya-Mordovian language. *Vestnik of NSU*. 2021, № 1, pp. 67–80. (In Russ.)
- Belenov N. V.** Lexico-semantic analysis of the toponymy of the Chuvash village of Bolshoe Aldarkino in the Borsky district of the Samara region and its environs. *Oriental Studies*, 2021, № 14(3), pp. 595–605. (In Russ.)
- Dimitriev V. D.** Chuvash historical traditions. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993, 446 p. (In Russ.)

- Dolgova A. P.** On the peculiarities of the dialect of the Chuvash of Samara Luka // Chuvash of Samara Luka. Cheboksary, ChGIGN, 2003, pp. 68–89. (In Russ.)
- Dolgova A. P., Ivanov G. N., Kondrat'ev M. G., Matveev G. B., Fokin P. P.** Chuvash of Uljanovsk region and of Saratov region. Cheboksary, ChGIGN, 2004, 274 p. (In Russ.)
- Drevnetjurkskij slovar' 1969 – Ancient Turkic dictionary. Leningrad, Nauka, 1969, 677 p. (In Russ.)
- Egorov V. G.** Etymological dictionary of the Chuvash language. Cheboksary, Chuvashskoe kn. izd-vo, 1964, 356 p. (In Russ.)
- Zhurlova G. G.** But the past has not fallen asleep in us... From the history of the village of Staraya Racheyka. Syzran', Syzranskoe poligrafobjedinenie publ., 2004. 276 s. (In Russ.)
- Isaev Ju. N.** The Chuvash Encyclopedia. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006, 797 p. (In Russ.)
- Krivoluckaja L. K.** In the Kuibyshev region. Across the native expanses. Moscow, Fizkul'tura i sport, 1987, 176 p. (In Russ.)
- Krivoshhokova–Gantman A. S.** Geographical names of the Upper Kama region. Perm', Knizhnoe izdatel'stvo, 1983, 175 p. (In Russ.)
- Levitskaja L. S.** Historical phonetics of the Chuvash language. Cheboksary, ChGIGN, 2014, 319 p. (In Russ.)
- Magnickij V. K.** Chuvash pagan names. Kazan', Tip. Kazanskogo un-ta, 1905, 101 p. (In Russ.)
- Mudrak O. A.** Notes on the language and culture of the Danube Bulgars. *Trudy Instituta vostochnyh kul'tur i antichnosti*, 2005, vol. VI, pp. 83–107. (In Russ.)
- Mudrak O. A., Hisamitdinova F. G.** Kipchak languages of the Ural-Volga region. Astana, Gylymbaspasy, 2017, 164 p. (In Russ.)
- Murzaev Je. M.** Dictionary of national geographical terms. Moscow, Mysl' publ., 1984, 653 p. (In Russ.)
- Nazarov A. I.** A short toponymic dictionary of the Northern Tien Shan. Almaty, Dajk-press, 2014, 112 p. (In Russ.)
- Sergeev L. P.** Dialect system of the Chuvash language. Cheboksary, ChGPU publ., 2007, 428 p. (In Russ.)
- Sergeev L. P.** From observations on the dialects of the Saratov and Penza Chuvash. *Materialy po chuvashskoj dialektologii*. Cheboksary, Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1969, iss. 3, pp. 59–112. (In Russ.)
- Simakov V. E.** Encyclopedia of Chuvash villages of the Samara region. Samara, NTC publ., 2008, 404 p. (In Russ.)
- Toporov V. N., Trubachjov O. N.** Linguistic analysis of hydronyms of the Upper Dnieper region. Moscow, AN SSSR publ., 1962, 271 p. (In Russ.)
- Turkin A. I.** Toponymic dictionary of the Komi ASSR. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1986, 140 p. (In Russ.)
- Fedotov M. R.** Etymological dictionary of the Chuvash language in 2 volumes. Cheboksary, ChGIGN publ., 1996. 470 + 509 p. (In Russ.)
- Tsygankin D. V.** Grammatical categories of the noun in the dialects of the Erzya-Mordovian language (definiteness-uncertainty and possessiveness). Saransk, Izd-vo Mordov. un-ta, 1978, 72 p. (In Russ.)
- Jagafova E. A.** Samara Chuvash people. Samara, IJeKA Povolzh'e, 1998, 368 p. (In Russ.)
- Jagafova E. A.** Calendar ritual traditions of the Chuvash people of Samara Luka. Cheboksary, ChGIGN, 2003, pp. 115-135. (In Russ.)

Информация об авторе

Беленов Николай Валерьевич, кандидат педагогических наук, доцент Самарского государственного социально-педагогического университета

Information about the Author

Nikolay V. Belenov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 15.06.2023;
одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 05.07.2024*

*The article was submitted 15.06.2023;
approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 05.07.2024*

Научная статья

УДК 811.161.1'373.21

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-21-34

Урывка или Урывки? Варьирование и нормализация в топонимии

Игорь Александрович Дамбуев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия

igor_dambuev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6551-6217>

Аннотация

Статья посвящена исследованию нормализации топонимов, испытывающих варьирование форм единственного числа и *pluralia tantum*. Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнения принципов нормализации топонимов, испытывающих морфологическое варьирование, с целью совершенствования нормализационной деятельности в области наименований географических объектов. В качестве основного материала исследования был использован Государственный каталог географических названий, также использовались информация из действующих нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации, справочников административно-территориального деления и списков населенных мест разных годов издания, картографических источников. Варьирование форм единственного числа и *pluralia tantum* у топонимов рассматривается в статье как разновидность словообразовательного варьирования. Установлено, что данный вид варьирования наблюдается преимущественно у названий населенных пунктов, образованных от антропонимов и географических терминов. Анализ вариантов топонимов свидетельствует о том, что форма *pluralia tantum* у многих топонимов является вторичной, развиваясь в процессе употребления топонима в исходной форме единственного числа. Среди причин плюрализации называются восприятие населенного пункта как коллектива жителей, объединенных одной фамилией или названием данного населенного пункта, а также желание лучшей дифференциации омонимичных смежных географических объектов. Отмечается, что функции плюрализации в топонимии переосмысливаются, и она становится одним из альтернативных средств грамматической онимизации. Анализ нормализованных топонимов показал, что нормализация топонимов, испытывающих данный вид варьирования, осуществляется либо в соответствии с современным узусом, либо в соответствии с одним из известных исторических написаний топонима. Полученные результаты исследования вносят ясность в принципы нормализации топонимов, основанные на традициях их употребления, и могут быть использованы в дальнейшей деятельности по нормализации топонимов, испытывающих морфологическое варьирование. Во всех примерах рассматриваемых топонимов нормализованные написания соответствуют написаниям в действующих нормативно-правовых актах. В некоторых случаях официально кодифицированный вариант топонима расходится с вариантом, употребляющимся в устной речи, что свидетельствует о сосуществовании двух норм употребления топонимов.

Ключевые слова

российская топонимия, нормализация топонимов, топонимическое варьирование, *pluralia tantum*, узус

Финансирование

Исследование выполнено в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258–9).

Для цитирования

Дамбуев И. А. Урывка или Урывки? Варьирование и нормализация в топонимии // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4. С. 21–34. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-21-34

© Дамбуев И. А., 2024

Uryvka or Uryvki? Variation and Standardization in Toponymy

Igor A. Dambuev

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS,
Ulan-Ude, Russian Federation

igor_dambuev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6551-6217>

Abstract

The article deals with the issue of standardization of toponyms having singular and pluralia tantum variants. The relevance of the research is due to the necessity to clarify methods of standardization of toponyms with morphological variation to improve standardization activities in the field of toponymy. The State Catalogue of Geographical Names was used as the main material for the research, also used were current normative legal acts of the Russian Federation subjects, administrative-territorial division reference books and lists of settlements of different publication years, as well as cartographic sources. The variation of singular and pluralia tantum forms in toponymy is considered in the article as a kind of word-formation variation. It has been established that this type of variation is observed mainly in the names of settlements formed from anthroponyms and geographical terms. The analysis of toponymic variants indicates that the pluralia tantum form is secondary in many toponyms. The pluralia tantum form is developing in the process of using a toponym in the original singular form. A source for pluralization is the perception of a locality as a collective of residents united by the common surname or the name of the locality, as well as a desire for better differentiation of homonymous adjacent geographical objects. It is pointed out that the functions of pluralization in toponymy are being rethought, and that it is becoming one of the alternative means of grammatical word-formation. The analysis of standardized toponyms has shown that the standardization of toponyms subjected to this type of variation is carried out either in accordance with their modern usage, or with one of the well-known historical spellings of the toponym. The obtained research results clarify the methods of toponym standardization based on the traditions of their employment and can be used in further standardization of toponyms subjected to morphological variation. All the examples of the toponyms under study show that the standardized spellings correspond to their spellings in the current normative legal acts. In some cases, an officially codified variant of a toponym differs from the variant used in oral speech. This fact indicates the coexistence of two norms of toponym use.

Keywords

Russian toponymy, standardization of toponyms, toponymic variation, pluralia tantum, usage

Acknowledgements

The research is carried out within the framework of the state assignment (project *The World of Man in the Mongolian Languages: Analysis of the Means of Expressing Emotiveness*, № 121031000258-9).

For citation

Dambuev I. A. «Uryvka» or «Uryvki»? Variation and Standardization in Toponymy. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 21–34. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-21-34

Введение

В отличие от орфографического варьирования в топонимии, которое периодически освещалось в научной литературе XX в. в связи с утверждением правил орфографии и пунктуации 1956 г. и привлекает в настоящее время интерес исследователей ввиду необходимости совершенствования орфографии топонимов, вопросы морфологического варьирования, а тем более нормализации морфологических вариантов, всегда оставались на периферии лингвистических исследований.

С принятием в 1997 г. Федерального закона «О наименованиях географических объектов» и формированием нормативно-правовой базы в области наименований географических объектов, а также с созданием Государственного каталога географических названий (ГКГН) активизировалась деятельность по их нормализации. Согласно закону, под нормализацией наименования географического объекта понимается «определение написания наименования географического объекта на государственном языке Российской Федерации и наряду с государственным языком Российской Федерации на других языках народов Российской Федера-

ции в соответствии с правилами русской орфографии и орфографии других народов Российской Федерации и в соответствии с традициями употребления наименований географических объектов на указанных языках» [ФЗ-152]. Если топонимы, испытывающие орфографическое варьирование, должны быть нормализованы в соответствии с действующими правилами орфографии, то по умолчанию подразумевается, что нормализация топонимов, испытывающих морфологическое варьирование, должна опираться на традиции употребления того или иного топонима. При этом остается непонятным, что подразумевается под традициями употребления.

Исследование результатов нормализации топонимов, испытывающих морфологическое варьирование, не становилось специальным предметом изучения в отечественной лингвистике. Само же явление топонимического варьирования на материале русского языка, в том числе на морфологическом уровне, было описано в ряде работ отечественных исследователей российской топонимии. Целью данной статьи является исследование способов нормализации топонимов, испытывающих один из видов морфологического варьирования – варьирования форм единственного числа и *pluralia tantum*. Решение поставленной цели должно способствовать осмыслению результатов нормализации топонимов, испытывающих варьирование на морфологическом уровне в целом, и совершенствованию нормализационных процессов в топонимии. Сопутствующей задачей является выявление причин возникновения рассматриваемого типа варьирования.

Методологические основания и материал исследования

Говоря о существовании собственных имен в целом, А. В. Суперанская утверждает, что оно «немыслимо без варьирования и вне варьирования» [Суперанская, 1979. С. 110]. Предпосылки же варьирования, по мнению ученого, «заложены как в самом характере собственных имен (их более слабая, чем у аппеллятивов, связь с понятием), так и в возможностях языка (различные способы выражения одних и тех же фактов, явлений, отношений)» [Суперанская, 1969. С. 171]. Ю. А. Карпенко доводит способность топонимов к варьированию до абсолюта: «... единство имени одного географического объекта является, собственно говоря, фикцией» [Карпенко, 1965. С. 17], с чем сложно согласиться ввиду самой возможности употребления топонимов в речи и относительной устойчивости некоторых категорий топонимов на протяжении столетий. Если выделяемые Ю. А. Карпенко народные варианты, действительно, могут различаться в зависимости от конкретной ситуации устного непосредственного общения (стилистические и ситуационные варианты), то употребляющаяся в письменной речи «официально записанная форма не терпит варьирования» [Суперанская, 1969. С. 171].

Признание явления топонимического варьирования как неотъемлемого свойства любого топонима ставит, казалось бы, под сомнение саму возможность нормализации топонимов. Тем не менее программы национальной и международной стандартизации топонимов осуществляются с большей или меньшей степенью успешности во многих странах мира на протяжении уже полувека. При этом в изданиях Группы экспертов ООН по географическим названиям отмечается, что «выражение “стандартизация географических названий” применяется в двояком плане – как к письменной форме названия, так и к его соотносительности с населенным пунктом, объектом или местностью на поверхности Земли. Оно не применяется, в частности, к названиям, используемым в устной речи, хотя устная форма названия влияет на его письменную форму, а письменная форма может оказывать влияние на названия, используемые в устной речи» [Manual..., 2006. С. 10]. Действительно, официальная письменная форма названия географического объекта, используемая в нормативно-правовых актах, в официальных справочниках административно-территориального деления, на топографических картах, в СМИ и обеспечивающая потребность в обозначении географического объекта в большинстве ситуаций общения, создает «единство имени» на протяжении более или менее продолжительного периода

времени, пока эта форма не претерпит изменения под влиянием лингвистических или экстралингвистических факторов.

Типология топонимического варьирования не становилась объектом специального изучения в отечественной лингвистике, тем не менее имеющиеся работы позволяют выделить некоторые общепризнанные типы варьирования, несмотря на различия в определениях и взглядах. Наибольшее развитие получил уровневый подход к выделению типов варьирования, впервые предложенный А. В. Суперанской. Все многообразие вариантов ученый классифицирует согласно разным языковым уровням и выделяет орфографические, фонетические, фонологические, морфологические, синтаксические и лексические варианты [Суперанская, 1969. С. 172]. И. А. Воробьева среди морфологических вариантов выделяет варианты грамматические и словообразовательные. Грамматические варианты отличаются друг от друга окончаниями (*Глухариный / Глухариное, Осинник / Осинники* и др.), а словообразовательные – суффиксами (*Аксеново / Аксеновское, Базой / Базойка* и др.) [Воробьева, 1973. С. 208–210]. Г. В. Глинских среди морфологических вариантов выделяет варианты, возникающие при изменении родовых окончаний и варьировании форм единственного и множественного числа [Глинских, 1980. С. 22]. З. В. Рубцова пример варьирования *Ломаков / Ломаки* относит к словообразовательным вариантам [Рубцова, 1988. С. 54]. Л. И. Маршева такие примеры варьирования, как *Кулига / Кулиги, Хомуты / Хомут, Шишка / Шишки*, называет морфолого-деривационными вариантами [Маршева, 2008. С. 29].

Учитывая вышесказанное, важно отметить, что плюрализация в топонимии может рассматриваться как категория словообразовательная, а не грамматическая, и варианты, допустим, *Урывка / Урывки, Лихачевка / Лихачи* являются словообразовательными вариантами, образованными с помощью разных топонимообразующих формантов. Отнесение таких топонимов к категории грамматических может быть только условным. В данном случае неоправданно говорить о грамматическом варьировании в строгом смысле слова, так как речь не идет о реальной грамматической категории множественности. Топонимы в форме множественного числа справедливее отнести к категории имен *pluralia tantum*, а флексию множественного числа рассматривать как аффиксальную морфему [Подольская, 1990. С. 46].

Материалом исследования выступает выборка вариативных топонимов, имевших в ГКГН статус несогласованных, т. е. нуждающихся в уточнении написания, за последние 10 лет. Такой временной отрезок объясняется тем, что к 2011–2014 гг. в субъектах России была завершена работа по согласованию топонимов, зарегистрированных в ГКГН. Написание большинства топонимов к этому времени было согласовано органами исполнительной и законодательной власти субъектов, однако некоторые из них в силу разных причин еще сохраняли статус несогласованных продолжительное время, и единицы остаются несогласованными до наших дней. На протяжении этого периода автором создавалась база данных, включающая такие вариативные топонимы, нуждающиеся в уточнении написания.

К примерам топонимов с варьированием форм единственного числа и *pluralia tantum* мы отнесли следующие: с. *Урывки / Урывка* (Алтайский край), п. *Синезерский / Синезерки* (Брянская обл.), д. *Поляны / Поляна* (Владимирская обл.), д. *Кожевниково / Кожевники* (Ивановская обл.), хут. *Киево-Жураки / Киево-Жураковский* (Карачаево-Черкесская Респ.), п. *Выгорки / Выгорка*, д. *Погорелки / Погорелка* (Костромская обл.), д. *Лихачи / Лихачевка* (Курганская обл.), д. *Плотки / Плотка* (Липецкая обл.), п. *Ключ / Ключи*, п. *Криницы / Криница*, хут. *Копылы / Копыловский* (Оренбургская обл.), д. *Гремячка / Гремячки*, д. *Зимницы / Зимница*, д. *Кадщицы / Кадщице* (Смоленская обл.), хут. *Красный Ключ / Красные Ключи* (Ставропольский край), д. *Ветроломы / Ветролом* (Тверская обл.), п. *Каркатеевы / Каркатеевский* (Ханты-Мансийский а.о.), п. *Лесная Поляна / Лесные Поляны*, д. *Селишки / Селишко* (Ярославская обл.).

Причины возникновения варьирования

Установить какие-то конкретные причины варьирования форм единственного числа и *pluralia tantum*, вероятно, сложно. У каждого названия может быть своя уникальная история происхождения и употребления. Тем не менее наблюдения над вариативными топонимами показывают, что далеко не каждый топоним может подвергнуться плюрализации. Чаще всего это происходит с названиями населенных пунктов (ойконимами), образованными от антропонимов и географических терминов. Из нашей выборки от антропонимов образованы названия *Киево-Жураки* / *Киево-Жураковский* (фамилия *Жураковский*), *Лихачи* / *Лихачевка* (фамилия *Лихачев*), *Копылы* / *Копыловский* (фамилия *Копылов*), *Каркатеевы* / *Каркатеевский* (хантыйская фамилия *Каркатеев*), *Кожевниково* / *Кожевники* (фамилия *Кожевников*).

Способность антропотопонимов к плюрализации известна в российской топонимии на протяжении долгого времени. В Списках населенных мест Российской империи составителями прилежно показано варьирование таких названий: *Балашева* (*Балашаи*), *Боброва* (*Бобры*), *Горшки* (*Горшкова*), *Куликова* (*Кулики*), *Трухины* (*Труханова*), *Черепанова* (*Черепаны*) и др. [СНМ Перм., 1875]. Приведенные примеры подтверждают утверждение А. М. Селищева о том, что формы множественного числа топонимов «заменяли собою обычные топонимические образования с суффиксом *-ово-* (*-ова-*), *-ино-* (*-ина-*), *-ка-* или формы без топонимического суффикса. Форма множественного числа вызвана значением населенного пункта как коллектива» [Селищев, 2003. С. 464]. Как отмечает ученый, в XVII–XVIII вв. замена формой множественного числа более ранней топонимической формы еще действовал. В дальнейшем в результате активного употребления формы множественного числа в топонимии произошла ее формализация, в результате которой первоначальное значение множественности уступило место значению топонимичности.

К высказанным более ста лет назад наблюдениям А. М. Селищева следует добавить, что плюрализация проявляла свою активность и в XX в., наблюдается она и в настоящее время. В качестве подтверждения можно привести несколько примеров. Хутор *Киево-Жураковский* был основан в последней четверти XIX в. и назван по фамилии одного из первых переселенцев (*Жураковский*). На карте 1917 г. населенный пункт обозначен под названием *Жураковск* [КЧТ-1917]. На генштабовской карте 1985 г. издания находим написание *Киево-Жураковский* [L-37-132]. Это же написание фигурирует на карте Карачаево-Черкесии 2003 г. [ККЧ-2003]. В законе же Карачаево-Черкесской Республики от 24.02.2004 г. № 84-РЗ «Об административно-территориальном устройстве Карачаево-Черкесской Республики» утверждено написание *Киево-Жураки*. Название деревни *Лихачиха* (*Варлакова*) при речке *Лихачихе*, зафиксированное в [СНМ Тоб., 1904. С. 120], до 1950-х гг. на картах [АКЧ-1939; АКК-1957] и в справочнике административного деления [АТД Кург., 1958. С. 17] сохраняло написание *Лихачиха*. В справочнике 1966 г. [АТД Кург., 1966. С. 16] и на картах 1980-х гг. [N-41-06] дано уже написание *Лихачевка*. Современное узуальное название *Лихачи* употребляется на картах 2000-х гг. [ТКК-2001] и в действующих нормативно-правовых актах [ЗКО-316]. В перечисленных и других примерах форма *pluralia tantum* является вторичной, развиваясь в процессе употребления топонима в форме единственного числа. Исключением являются те случаи, когда топоним изначально был образован в форме *pluralia tantum*. Например, современный поселок *Каркатеевы* на карте 1903 г. [КТГ-1903] и в Списке населенных мест Тобольской губернии 1904 г. дан в форме *Каркатеевы* [СНМ Тоб., 1904. С. 153], как и все другие обозначения остяцких юрт не только в данном справочнике, но и в издании 1871 г. [СНМ Тоб., 1871]. С образованием в конце 1930-х гг. в данном месте поселка ему было дано название *Каркатеевский* с типичным для названий поселков формантом *-ский*. Это официальное название просуществовало вплоть до конца XX в., что находит свое подтверждение на картах [ТКУ-2000].

Таким образом, возникновение формы *pluralia tantum* у антропоойконимов тесно связано с восприятием населенного пункта как коллектива жителей, объединенных либо одной фа-

милией, что случается довольно часто в связи с его заселением потомками первопоселенца, либо существующим названием населенного пункта. Одним из факторов закрепления в узусе формы *pluralia tantum* является, вероятно, такая внутренняя причина языковых изменений, как тенденция к употреблению более экспрессивных форм. Эта тенденция наиболее ярко проявляется в лексике и «выражается в стремлении употреблять наиболее образные слова, нередко заимствованные из различных профессиональных жаргонов, социально окрашенных разновидностей речи, различного рода образные выражения, лексические идиомы, гиперболы и т. д.» [Общее..., 1970. С. 252–253]. Действительно, вариант, например *Лихачи* по сравнению с возможным вариантом *Лихачевы*, имеет более экспрессивное и образное звучание. Еще одним фактором закрепления данных форм можно назвать тенденцию к экономии языковых средств, которая «является одной из наиболее мощных внутренних тенденций, проявляющихся в различных языках мира» [Общее..., 1970. С. 246]. Варианты *Лихачи*, *Киево-Жураки*, *Каркатеевы* в сравнении с вариантами *Лихачевка*, *Киево-Жураковский*, *Каркатеевский* позволяют обозначить населенное место более экономным способом ввиду усечения суффиксов и окончаний, что облегчает общение.

Примеров ойконимов, образованных от географических терминов и испытывающих данный тип варьирования, намного больше: *Ветроломы / Ветролом*, *Выгорки / Выгорка*, *Гремячка / Гремячки*, *Зимницы / Зимница*, *Кадичи / Кадиче*, *Ключ / Ключи*, *Красный Ключ / Красные Ключи*, *Криницы / Криница*, *Лесная Поляна / Лесные Поляны*, *Плотки / Плотка*, *Погорелки / Погорелка*, *Поляны / Поляна*, *Селишки / Селишко*, *Синезерский / Синезерки*, *Урывки / Урывка*. По поводу топонимов в форме множественного числа, образованных от географических терминов, В. А. Никонов писал, что они выражают не множественность обозначаемых объектов, а только топонимичность: «... село называется *Мосты*, хотя мост там единственный и другого никогда не было. Грамматический показатель множественности тут означает вовсе не “несколько мостов”, а “село у моста”, т. е. значение его чисто топонимическое: образовать название села от основы *мост*, обозначить не сам мост, а село возле него» [Никонов, 2011. С. 96].

Анализ вариантов топонимов свидетельствует, что форма *pluralia tantum* имеет вторичный характер и нередко развивается в процессе употребления с целью лучшей идентификации одноименных географических объектов. Например, современное село *Урывки* было основано в 1939 г. и названо по гидрониму *Урывка* (от *урыв* ‘глубокий, заросший овраг, лог’) [Дмитриева, 2001. С. 322]. Первоначальное название *Урывка* зафиксировано на многих картах XX в. [АКА-1955; N-44-104; ТКА-2001], но в современных нормативно-правовых актах закреплено написание *Урывки* [ЗАК-28]. Похожая история и у названия деревни *Плотки*. По сведениям 1866 г. она была записана как сельцо *Анненская (Плотка)* при ручье *Плотке* [СНМ Орл., 1871. С. 134]. Название же ручья образовано от диал. *плота* ‘лог, балка’ [СРНГ-27, С. 148]. На карте Ф. Ф. Шуберта 1870 г. село называется уже *Плотка (Анненкова)* [КОГ-1870]. Написание *Плотка* преобладает на картах и в официальных справочниках на протяжении XX в., а в XXI в. закрепляется форма *Плотки* [ЗЛО-382]. В данных и подобных им случаях плюрализация не имеет грамматического значения множественности, а имеет значение словообразовательное, а именно, образование ойконимов *Урывки*, *Плотки* с целью их лучшей идентификации и дифференциации от гидронимов *Урывка*, *Плотка*. Использование плюрализации с такой целью было подмечено еще А. М. Селищевым: «Название речки сохраняется в единственном числе, а одноименный пункт поселения представляет форму множественного числа: речка *Химка*, а поселок *Химки* (М.); речка *Котел*, а поселок *Котлы* (Подм.) и др.» [Селищев, 2003. С. 464].

Плюрализация служит не только для лучшей дифференциации разнородных омонимичных названий, но может использоваться и как один из альтернативных способов грамматической онимизации. Например, современная деревня *Ветроломы* в середине XIX в. называлась *Татарка* [СНМ Твер., 1862. С. 61]. На карте уездов Тверской губернии 1873–1915 гг. она уже обозначена *Татарка (Ветролом)* [КТГ-1873]. Вероятно, в результате стихийного бедствия у названия деревни возник лексический вариант *Ветролом*, образованный от сущ. *ветролом*

‘лес, поломанный, сваленный бурей’ [СРНГ-4, С. 202]. В Большом советском атласе мира 1937–1940 гг. деревня уже имеет написание *Ветроломы* [БСАМ-1939]. Форму *pluralia tantum Ветроломы* следует воспринимать не как множество леса, поваленного бурей, она имеет чисто топонимическое значение и обозначает деревню у такого места, тем более что сущ. *ветролом* употребляется в собирательном значении. Плюрализации подверглось и название деревни *Зимницы*. В источниках XIX в. зафиксирован вариант *Зимница* [ККГ-1860; СМ Смол., 1868. С. 122], который продолжительное время в официальных справочниках сохранял свое написание, несмотря на очевидное варьирование в речи. Это варьирование, вероятно, отражается в справочниках административно-территориального деления области 1981 и 1993 г. издания, в которых в основном тексте дано написание *Зимница* [АТД Смол., 1981. С. 33; АТД Смол., 1993. С. 82], а в алфавитном перечне в конце справочника – *Зимницы* [АТД Смол., 1981. С. 402; АТД Смол., 1993. С. 227]. В современных нормативно-правовых актах кодифицировано написание *Зимницы* [ЗСО-139]. Топонимы *Зимница*, *Зимницы* имеют широкое распространение и восходят «к слову *зимница*, обозначавшему в древней Руси ‘место зимнего временного поселения в лесу, в поле; зимовье’» [Чайкина, 1993. С. 136]. Населенный пункт, возникший на месте такой зимницы, получил и такое же название. Если бы он возник на месте нескольких зимниц, он мог бы сразу именоваться *Зимницы*, но письменные источники сохраняют продолжительное время форму единственного числа. Вероятно, она была исходной, а со временем подверглась плюрализации.

Топонимическое варьирование может поддерживаться и сознательной кодификацией двух вариантов. Например, по состоянию на конец 2022 г. в ГКГН несогласованным оставалось название поселка *Синезерский / Синезерки*. Данный поселок был образован в конце XIX в. при станции *Синезёрки*, названной по расположенной рядом деревне. Название деревни *Синезерки* встречается на карте И. А. Стрельбицкого 1871 г. [Стрельбицкий]. В Списке населенных мест Брянской губернии 1928 г. обозначены деревня *Синезерки* и поселок *Синезерки* [СМ Брян., 1928. С. 74]. Вероятно, в целях избавления от одноименности рядом расположенных населенных пунктов Указом Президиума ВС РСФСР от 10.08.1964 г. «О переименовании некоторых населенных пунктов Брянской области» деревня *Синезерки* была переименована в село *Приволье*. По состоянию на 1971 г. в Синезерском сельсовете значились село *Приволье* и деревня *Синезерки* (ныне поселок) наряду с другими населенными пунктами [АТД Брян., 1972. С. 212]. На картах XX в. последовательно употребляется написание *Синезерки*, однако на топографической карте 2001 г. находим вариант *Синезерский* [ТКБ-2001]. В законе Брянской области от 09.03.2005 г. № 3-3 «О наделении муниципальных образований статусом городского округа, муниципального района, городского поселения, сельского поселения и установлении границ муниципальных образований в Брянской области» было кодифицировано написание поселок *Синезерки* (поселок *Синезерский*). В 2023 г. в указанный закон были внесены изменения, согласно которым поселок должен писаться только *Синезерки*, согласно устоявшейся традиции [ЗБО-23]. В обновленном реестре зарегистрированных в АГКГН географических названий объектов Брянской области на 18.12.2023 г. поселок имеет написание *Синезерки* и является согласованным. Название же *Синезерки* происходит от *синее озеро*, что становится понятным по одному из прежних вариантов названия *Сине-Озеро* [АТД Брян., 1972. С. 46].

Способы нормализации словообразовательных вариантов топонимов

За последние десять лет написание многих топонимов в ГКГН было нормализовано. Среди них есть и примеры нормализации топонимов, испытывающих варьирование форм единственного числа и *pluralia tantum*:

с. *Урывки / Урывка* → *Урывки* (Алтайский край), п. *Синезерки / Синезерский* → *Синезерки* (Брянская обл.), д. *Поляны / Поляна* → *Поляны* (Владимирская обл.), хут. *Киево-Жураки /*

Киево-Жураковский → *Киево-Жураки* (Карачаево-Черкесская Респ.), п. *Выгорки* / *Выгорка* → *Выгорки* (Костромская обл.), д. *Лихачи* / *Лихачевка* → *Лихачи* (Курганская обл.), д. *Плотки* / *Плотка* → *Плотки* (Липецкая обл.), хут. *Копылы* / *Копыловский* → *Копылы*, п. *Криницы* / *Криница* → *Криницы* (Оренбургская обл.), д. *Зимницы* / *Зимница* → *Зимницы*, д. *Кадницы* / *Каднице* → *Кадницы* (Смоленская обл.), д. *Ветроломы* / *Ветролом* → *Ветроломы* (Тверская обл.), п. *Каркатеевы* / *Каркатеевский* → *Каркатеевы* (Ханты-Мансийский а.о.), д. *Селишки* / *Селишко* → *Селишки* (Ярославская обл.);

д. *Кожевниково* / *Кожевники* → *Кожевниково* (Ивановская обл.), п. *Ключ* / *Ключи* → *Ключ* (Оренбургская обл.), д. *Гремячка* / *Гремячки* → *Гремячка* (Смоленская обл.), хут. *Красный Ключ* / *Красные Ключи* → *Красный Ключ* (Ставропольский край), п. *Лесная Поляна* / *Лесные Поляны* → *Лесная Поляна* (Ярославская обл.).

Как видно из примеров, в результате нормализации в качестве официальной может быть выбрана как форма *pluralia tantum*, так и форма единственного числа. Во всех случаях нормализованные варианты соответствуют написаниям, закрепленным в современных нормативно-правовых актах и отражающим, вероятно, местный узус. Исследование же истории каждого названия свидетельствует о том, что такой узус не всегда был исходным, а развился с течением времени по мере употребления топонима в речи. Как было отмечено выше, форма *pluralia tantum* носит чаще всего вторичный характер. Тем не менее она не всегда признается традиционной. Действительно, топонимическое варьирование возникает в устной речи, которая может влиять на написание топонима в официальных письменных источниках. Например, написание названия д. *Плотки* в официальных справочниках последних 60 лет испытывает постоянное варьирование: в 1961 г. – *Плотка* [АТД Лип., 1961. С. 50], в 1968 г. – *Плотки* [АТД Лип., 1968. С. 47], в 1977 г. – *Плотка* [АТД Лип., 1977. С. 51], в 2003 г. – *Плотки* [АТД Лип., 2003. С. 42]. Как отмечалось выше, исходным названием населенного пункта было *Плотка*, заимствованное у ручья *Плотка*. В дальнейшем оно подверглось плюрализации, испытывало варьирование и в настоящее время закрепилось в узусе в форме *Плотки*. По такому пути прошло развитие представленных выше топонимов, у которых в результате нормализации была кодифицирована форма *pluralia tantum*.

Несколько иначе были нормализованы топонимы, у которых в итоге была кодифицирована форма единственного числа. Например, название современной деревни *Гремячка* на картах XVIII и XIX вв. дано в написании *Гремячи* [КСН-1792; Стрельбицкий], вероятно, в форме прилагательного. В Списках населенных мест 1868 г. деревня имеет уже субстантивированную форму *Гремячево* [СНМ Смол., 1868. С. 425]. В дальнейшем топоним на протяжении длительного времени употребляется в написании *Гремячка* [СНМ Смол., 1904. С. 319; КСМ-1941; N-36-046]. К концу XX в. в отличие от написания названия на картах топоним в местном узусе приобретает форму *Гремячки*, что отражается в справочниках административно-территориального деления [АТД Смол., 1981. С. 37; АТД Смол., 1993. С. 98]. Тем не менее в действующих нормативно-правовых актах закреплен вариант написания *Гремячка* [ЗСО-139], широко известный с начала XX в. Аналогичным образом было нормализовано написание несогласованного названия д. *Кожевниково* / *Кожевники*. Название деревни в написании *Кожевникова* известно по картам XIX в. [Шуберт; Стрельбицкий]. В справочниках административно-территориального деления Ивановской области второй половины XX в. и начала XXI в. деревня обозначена под названием *Кожевники* [АТД Иван., 1955. С. 52; АТД Иван., 1982. С. 125; АТД Иван., 2001. С. 225]. Однако в нормативно-правовых актах кодифицировано написание *Кожевниково* [ЗИО-43]. Последние два примера, а таких можно привести и больше, свидетельствуют о том, что в результате нормализации вариативных топонимов официальным вариантом может быть признан не только современный узуальный вариант, но и один из исторических вариантов, широко известных в прошлом.

Нередко наблюдается ситуация сосуществования двух вариантов, когда в нормативно-правовых документах закреплен один вариант, а в речи употребляется другой вариант. Одним

из таких примеров может служить название поселка *Лесная Поляна* / *Лесные Поляны*, который в ГКГН сохранял статус несогласованного до 2019 г. В настоящее время название зафиксировано в ГКГН в написании *Лесная Поляна*, что соответствует написанию в действующих нормативно-правовых актах [ЗЯО-65]. Данный поселок в окрестностях города Ярославля был основан в 1957 г. и назван *Лесная Поляна* в связи с расположением на лесной поляне. В процессе функционирования топоним подвергся плюрализации. Это отражается в справочнике административно-территориального деления области 1976 г. издания, в котором в основном тексте поселок называется *Лесные Поляны* [АТД Яр., 1976. С. 193], но в алфавитном перечне в конце справочника – *Лесная Поляна* [АТД Яр., 1976. С. 294]. И в настоящее время, несмотря на наличие официального наименования *Лесная Поляна*, закрепленного в нормативно-правовых актах, в устной речи нередко топоним используется в форме *pluralia tantum*. Многочисленные примеры можно найти в речи журналистов местных телеканалов: «Серьезная пробка образовалась во вторник утром на развязке Юбилейного моста в районе *Лесных Полян ...*» [Пробка...], «Четвероклассники начальной школы имени Ушинского в *Лесных Полянах* создали свои районы будущего ...» [Школьники...], «Сегодня во внимание ревизоров попала дорога в поселке *Лесные Поляны ...*» [Жители...]. Данные примеры доказывают возможность сосуществования двух вариантов топонима: *Лесная Поляна* в официальных документах и *Лесные Поляны* в устной речи местных жителей, включая речь журналистов и дикторов информационных телепередач.

Заключение

Варьирование форм топонимов единственного числа и *pluralia tantum* является одним из видов морфологического варьирования. Оно было распространено в российской топонимии прошлых веков, а также отмечается и в настоящее время. Такой тип варьирования наблюдается преимущественно у названий населенных пунктов, образованных от антропонимов и географических терминов. В географических названиях форма *pluralia tantum* чаще всего не обладает грамматическим значением множественности, а выполняет словообразовательную функцию, обогащая инвентарь языковых средств образования топонимов. Во многих случаях форма *pluralia tantum* носит вторичный характер, развиваясь на основе топонима в форме единственного числа. Истоки развития плюрализации в топонимии требуют специального исследования, но очевидно, что изначально она сохраняла значение множественности, что наиболее ярко прослеживается на материале антропотопонимов. В дальнейшем функция плюрализации в топонимии изменилась, и она стала одним из средств грамматической онимизации. Закрепление форм *pluralia tantum* в топонимии можно связать с известными тенденциями языковых изменений, такими как стремление к экономии языковых средств и к употреблению более экспрессивных форм, что свойственно устной речи, в которой и происходит становление топонимов. Анализ нормализованных в последние годы топонимов свидетельствует о том, что из нескольких известных вариантов в качестве официального может быть признан либо современный узуальный вариант, либо один из широко известных исторических вариантов. Таким образом, под традициями употребления топонимов, в соответствии с которыми должна осуществляться нормализация, может выступать либо современный узус, либо историческое написание. Выбор же того или иного варианта должен определяться общественным признанием и одобрением. В то же время наблюдаются случаи сосуществования двух норм употребления топонима: одной – в официальных документах, а другой – в устной речи. Такая ситуация не отвечает задачам нормализации, но свидетельствует о продолжающихся языковых преобразованиях в топонимии.

Список литературы

Воробьева И. А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. 247 с.

- Глинских Г. В.** Лингвистические критерии при уточнении названий населенных пунктов // Вопросы ономастики. Вып. 14: Собственные имена в системе языка. Свердловск: УрГУ, 1980. С. 14–28.
- Дмитриева Л. М.** Ойконимический словарь Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. 417 с.
- Карпенко Ю. А.** Проблема вариантов в топонимике // Всесоюзная конференция по топонимике Советского Союза. Ленинград, 1965. С. 17–20.
- Маршева Л. И.** Структурные и номинационные типы в диалектной топонимии Липецкой области: Автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / МПГУ. М., 2008. 47 с.
- Никонов В. А.** Введение в топонимику. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. 184 с.
- Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка / Отв. ред. чл.-кор. АН СССР Б. А. Серебрянников. М.: Наука, 1970. 602 с.
- Подольская Н. В.** Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 40–53.
- Рубцова З. В.** Типы варьирования в белорусской и русской топонимии: К вопросу о поисках нормы // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М.: Наука, 1988. С. 52–65.
- Селищев А. М.** Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество / Сост. Б. А. Успенский, О. В. Никитин. М.: Языки славянской культуры, 2003. 632 с.
- Суперанская А. В.** Ономастическая стандартизация. Допустимость. Возможности. Ограничения // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы. М.: Наука, 1979. С. 84–113.
- Суперанская А. В.** Структура имени собственного: (фонология и морфология). М.: Наука, 1969. 207 с.
- Чайкина Ю. И.** Словарь географических названий Вологодской области: Населен. пункты. 2-е изд., доп. Вологда: Изд-во Вологод. ин-та повышения квалификации и переподготовки пед. кадров, 1993. 173 с.
- Manual for the national standardization of geographical names: UN Group of experts on geographical names. New York: UN, 2006. 167 p.

Список источников

- АКА-1955 – Административная карта Алтайского края 1955 г. // ЭтоМесто – старые карты России и мира онлайн. URL: http://www.etomesto.ru/map-barnaul_administrativnaya-1955/ (дата обращения: 03.05.2024).
- АКК-1957 – Административная карта Курганской области 1957 г. // ЭтоМесто – старые карты России и мира онлайн. URL: http://www.etomesto.ru/map-kurgan_administrativnaya-1957/ (дата обращения: 03.05.2024).
- АКЧ-1939 – Административная карта Челябинской области 1939 г. // ЭтоМесто – старые карты России и мира онлайн. URL: http://www.etomesto.ru/map-chelyabinsk_obl-1939/ (дата обращения: 03.05.2024).
- АТД Брян., 1972 – Административно-территориальное деление Брянского края за 1916–1970 годы: Ист.-геогр. справочник. В 2 т. / Исполком Брян. обл. Совета депутатов трудящихся. Гос. архив Брян. обл. Т. 2. Брянск: Приок. кн. изд-во, 1972. 448 с.
- АТД Иван., 1955 – Ивановская область: Адм.-террит. деление / сост. С. К. Гущин. Иваново: Иванов. кн. изд-во, 1955. 269 с.
- АТД Иван., 1981 – Ивановская область: Адм.-террит. деление / сост. В. А. Ельфин. Иваново, 1982. 358 с.
- АТД Иван., 2001 – Ивановская область: Адм.-террит. деление / сост. В. А. Ельфин. Иваново: Изд-во «Иваново», 2001. 439 с.
- АТД Кург., 1958 – Курганская область: Адм.-террит. деление / Исполком Курганского обл. Совета депутатов трудящихся. Курган: Красный Курган, 1958. 289 с.

- АТД Кург., 1966 – Курганская область: Адм.-террит. деление / Исполком Курганского обл. Совета депутатов трудящихся. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1966. 235 с.
- АТД Лип., 1961 – Липецкая область: Адм.-террит. деление / Исполком Липецкого областного Совета депутатов трудящихся. Липецк: Изд-во газеты «Ленинское знамя», 1961. 145 с.
- АТД Лип., 1968 – Липецкая область: Адм.-террит. деление / Исполком Липецкого областного Совета депутатов трудящихся. Липецк, 1968. 128 с.
- АТД Лип., 1977 – Липецкая область: Адм.-террит. деление / Исполком Липецкого областного Совета депутатов трудящихся. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1977. 148 с.
- АТД Лип., 2003 – Липецкая область: Адм.-террит. деление / Архивный отдел Липецкой области; Управление организационно-контрольной и кадровой работы администрации Липецкой области. Липецк, 2003. 108 с.
- АТД Смол., 1981 – Административно-территориальное устройство Смоленской области: Справочник. М.: Моск. рабочий, 1981. 416 с.
- АТД Смол., 1993 – Административно-территориальное деление Смоленской области: Справочник. Смоленск: Смол. гор. тип., 1993. 245 с.
- АТД Яр., 1976 – Ярославская область: Адм.-террит. деление / Исполком Яросл. обл. Совета нар. депутатов. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1976. 404 с.
- БСАМ-1939 – Калининская, Смоленская и Орловская области – БСАМ 1939 // ЭтоМесто – старые карты России и мира онлайн. URL: http://www.etomesto.ru/map-tver_bsam/ (дата обращения: 03.05.2024).
- Жители поселка Лесные Поляны остались довольны дорогой, благоустроенной в рамках «Решаем вместе» // Телеканал Первый Ярославский. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zQkvissqbyM> (дата обращения: 03.05.2024).
- ЗАК-28 – Об административно-территориальном устройстве Алтайского края: Закон Алтайского края от 01.03.2008 г. № 28-ЗС // Официальный портал «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/819043663?ysclid=lvdqjxfmc835300487> (дата обращения: 03.05.2024).
- ЗБО-23 – О внесении изменений в Закон Брянской области «О наделении муниципальных образований статусом городского округа, муниципального округа, муниципального района, городского поселения, сельского поселения и установлении границ муниципальных образований в Брянской области»: Закон Брянской области от 24.03.2023 г. № 23-З // Официальный портал «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/974069416> (дата обращения: 03.05.2024).
- ЗИО-43 – О городском и сельских поселениях в Комсомольском муниципальном районе: Закон Ивановской области от 25.02.2005 г. № 43-ОЗ // Официальный портал «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/882208258> (дата обращения: 03.05.2024).
- ЗКО-316 – Об административно-территориальном устройстве Курганской области: Закон Курганской области от 27.12.2007 г. № 316 // Официальный портал «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/819031930?ysclid=lvcguzqkc919329217> (дата обращения: 03.05.2024).
- ЗЛО-382 – Об административно-территориальном устройстве Липецкой области и порядке его изменения: Закон Липецкой области от 28.04.2010 г. № 382-ОЗ // Официальный портал «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/872612997> (дата обращения: 03.05.2024).
- ЗСО-139 – Об административно-территориальном устройстве Смоленской области: Закон Смоленской области от 19.12.2019 г. № 139-з // URL: <https://docs.cntd.ru/document/561661085?ysclid=lvhs2lpidb176752847> (дата обращения: 03.05.2024).
- ЗЯО-65 – О наименованиях, границах и статусе муниципальных образований Ярославской области: Закон Ярославской области от 21.12.2004 г. № 65-з // Официальный портал «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/934014691?ysclid=lvnyf80t1b744688238> (дата обращения: 03.05.2024).
- ККГ-1860 – Карта Шуберта Калужской губернии 1860–1919 // ЭтоМесто – старые карты России и мира онлайн. URL: http://www.etomesto.ru/map-kaluga_shubert/ (дата обращения: 03.05.2024).

- ККЧ-2003 – Карта Карачаево-Черкесии 2003 г. // ЭтоМесто – старые карты России и мира онлайн. URL: http://www.etomesto.ru/map-kuban_cherkessk_karachaevo-cherkesiya-3km/ (дата обращения: 03.05.2024).
- КОГ-1870 – Карта Шуберта Орловской области – трехверстовка губернии 1870 г. // ЭтоМесто – старые карты России и мира онлайн. URL: http://www.etomesto.ru/map-orel_trehverstovka/ (дата обращения: 03.05.2024).
- КСМ-1941 – Карта РККА N-36 (Б). Калужская, Смоленская и Московская области 1941 г. // ЭтоМесто – старые карты России и мира онлайн. URL: http://www.etomesto.ru/map-rkka_n-36-b/ (дата обращения: 03.05.2024).
- КСН-1792 – Карта Смоленского наместничества из атласа Горного училища 1792 г. // ЭтоМесто – старые карты России и мира онлайн. URL: http://www.etomesto.ru/map-smolensk_1792/ (дата обращения: 03.05.2024).
- КТГ-1873 – Карта уездов Тверской губернии 1873–1915 // ЭтоМесто – старые карты России и мира онлайн. URL: http://www.etomesto.ru/map-tver_uezdy/ (дата обращения: 03.05.2024).
- КТГ-1903 – Карта Тобольской губернии 1903 г. Дунина-Горкавича // ЭтоМесто – старые карты России и мира онлайн. URL: http://www.etomesto.ru/map-tumen_1903-tobolskaya-guberniya/ (дата обращения: 03.05.2024).
- КЧТ-1917 – Карта ж. дороги Невинномысская – Теберда – Курорт 1917 г. // ЭтоМесто – старые карты России и мира онлайн. URL: http://www.etomesto.ru/map-kuban_cherkessk_teberda-1917/ (дата обращения: 03.05.2024).
- Пробка у Лесных Полян в Ярославле на время остановила движение // Городской телеканал. URL: <https://gtk.tv/news/61013.ns> (дата обращения: 03.05.2024).
- СНМ Брян., 1928 – Список населенных мест Брянской губернии. Брянск: Издание Брянск. Губ. Стат. Отдела, 1928. 383 с.
- СНМ Орл., 1871 – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 29: Орловская губерния. Санкт-Петербург, 1871. 237 с.
- СНМ Перм., 1875 – Списки населенных мест Российской губернии, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 31: Пермская губерния. Санкт-Петербург, 1875. 443 с.
- СНМ Смол., 1868 – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 40: Смоленская губерния. Санкт-Петербург: Тип. К. Вульфа, 1868. 512 с.
- СНМ Смол., 1904 – Список населенных мест Смоленской губернии: с приложением карты Смоленской губернии. Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1904. 497 с.
- СНМ Твер., 1862 – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 43: Тверская губерния. Санкт-Петербург: Тип. К. Вульфа, 1862. 454 с.
- СНМ Тоб., 1871 – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 60: Тобольская губерния. Санкт-Петербург: Тип. мин-ва внутр. дел, 1871. 196 с.
- СНМ Тоб., 1904 – Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск: Губ. тип., 1904. 341 с.
- СРНГ-27 – Словарь русских народных говоров. Вып. 27: Печечки-Подельвать. Санкт-Петербург: Наука, С.-Петербургское отд-ние, 1992. 400 с.
- СРНГ-4 – Словарь русских народных говоров. Вып. 4: В-Военки. Ленинград: Наука, Ленинградское отд-ние, 1969. 355 с.
- Стрельбицкий – Специальная карта Европейской России Стрельбицкого 1871 г. // ЭтоМесто – старые карты России и мира онлайн. URL: <http://www.etomesto.ru/map-karta-strelbickogo/> (дата обращения: 03.05.2024).

- ТКА-2001 – Топографическая карта Алтайского края 2001 г. // ЭтоМесто – старые карты России и мира онлайн. URL: http://www.etomesto.ru/map-barnaul_topographic-map/ (дата обращения: 03.05.2024).
- ТКБ-2001 – Топографическая карта Брянска с окрестностями 2001 г. // ЭтоМесто – старые карты России и мира онлайн. URL: http://www.etomesto.ru/map-topo_n36_bryansk/ (дата обращения: 03.05.2024).
- ТКК-2001 – Топографическая карта Курганской области 2001 г. // ЭтоМесто – старые карты России и мира онлайн. URL: http://www.etomesto.ru/map-kurgan_topographic-map/ (дата обращения: 03.05.2024).
- ТКУ-2000 – Топографическая карта Урала 2000 г. // ЭтоМесто – старые карты России и мира онлайн. URL: http://www.etomesto.ru/map-atlas_topo-russia-ural/ (дата обращения: 03.05.2024).
- ФЗ-152 – О наименованиях географических объектов: Федеральный закон от 18.12.1997 г. № 152-ФЗ // Официальный портал «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/9054747> (дата обращения: 16.04.2024).
- Школьники из Лесной Поляны приняли участие в проекте «Решаем вместе!» // Телеканал Первый Ярославский. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=A3EPgEc8eEc> (дата обращения: 03.05.2024).
- Шуберт – Специальная карта Западной части России Шуберта 1826–1840 гг. // ЭтоМесто – старые карты России и мира онлайн. URL: <http://www.etomesto.ru/map-shubert-10-verst/> (дата обращения: 03.05.2024).
- L-37-132 – Карты генштаба – архив топографических карт. URL: <https://satmaps.info/map.php?s=100k&map=l-37-132> (дата обращения: 03.05.2024).
- N-36-046 – Карты генштаба – архив топографических карт. URL: <https://satmaps.info/map.php?s=100k&map=n-36-046> (дата обращения: 03.05.2024).
- N-41-06 – Карты генштаба – архив топографических карт. URL: <https://satmaps.info/map.php?s=200k&map=n-41-06> (дата обращения: 03.05.2024).
- N-44-104 – Карты генштаба – архив топографических карт. URL: <https://satmaps.info/map.php?s=100k&map=n-44-104> (дата обращения: 03.05.2024).

References

- Vorobyova I. A.** Russian toponymy of the middle part of the Ob basin. Tomsk: Tomsk State University Press, 1973, 247 p. (In Russ.)
- Glinskikh G. V.** Linguistic criteria for specifying the names of localities. *Voprosy onomastiki. Iss. 14: Proper names in the language system*. Sverdlovsk: Ural State University Press, 1980, pp. 14–28. (In Russ.)
- Dmitrieva L. M.** Oikonymic dictionary of Altai. Barnaul: Altai State University Press, 2001, 417 p. (In Russ.)
- Karpenko Ju. A.** The problem of variants in toponymy. *All-Union Conference on Toponymy of the Soviet Union*. Leningrad, 1965, pp. 17–20. (In Russ.)
- Marsheva L. I.** Structural and nominational types in the dialect toponymy of the Lipetsk region (Doctoral dissertation). Moscow, 2008, 47 p. (In Russ.)
- Nikonov V. A.** Introduction to toponymy. 2nd ed. Moscow, LKI publ., 2011, 184 p. (In Russ.)
- General linguistics: Forms of existence, functions, history of language. Moscow, Nauka publ., 1970, 602 p. (In Russ.)
- Podolskaia N. V.** Problems of onomastic word formation (to pose the question). *Voprosy jazykoznanija*, 1990, № 3, pp. 40–53. (In Russ.)
- Rubtsova Z. V.** Types of variation in Belarusian and Russian toponymy: On the question of finding the norm. *Onomastics. Typology. Stratigraphy*. Moscow, Nauka publ., 1988, pp. 52–65. (In Russ.)

- Selishchev A. M.** Works on the Russian language. Vol. 1. Language and society. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003, 632 p. (In Russ.)
- Superanskaia A. V.** Onomastic standardization. Tolerance. Opportunities. Limitations. *East Slavic Onomastics: research and materials*. Moscow, Nauka publ., 1979, pp. 84–113. (In Russ.)
- Superanskaia A. V.** Proper name structure: (phonology and morphology). Moscow, Nauka publ., 1969, 207 p. (In Russ.)
- Chaikina Ju. I.** Dictionary of geographical names of the Vologda region: Localities. 2nd ed. Vologda, 1993, 173 p. (In Russ.)
- Manual for the national standardization of geographical names: UN Group of experts on geographical names. New York: UN, 2006, 167 p.

Информация об авторе

Дамбуев Игорь Александрович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Information about the Author

Igor A. Dambuev, Candidate of Philology, Senior Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

*Статья поступила в редакцию 04.05.2024;
одобрена после рецензирования 27.06.2024; принята к публикации 28.06.2024*

*The article was submitted 04.05.2024;
approved after reviewing 27.06.2024; accepted for publication 28.06.2024*

Научная статья

УДК 811.112.2

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-35-48

Языковая репрезентация мифотворчества как способа художественной когниции (на материале лирики британского постмодерна)

Светлана Игоревна Линниченко

Самарский государственный технический университет
Самара, Россия

s.linnichenko@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2709-4951>

Аннотация

Статья посвящена проблеме мифотворчества в литературе постмодерна. Явление новой мифологии рассматривается как философский и литературный феномен, а также анализируется с точки зрения когнитивной лингвистики. Цель исследования состоит в выявлении языковых способов репрезентации мифотворчества как инновационной когнитивной практики поэтов британского постмодерна. Современное мифотворчество представляет собой сложный философский феномен. Новая мифология становится источником псевдореальности и при этом постоянно отсылает к другим мифам и образам, переосмысляя их. Миф превращается в систему нарративов и принадлежит исключительно пространству языка. С точки зрения лингвистики, миф – это сложный языковой знак, регулирующий жизнь человека на бессознательном уровне и связывающий друг с другом культуру и язык. Современное мифотворчество эпохи постмодерна становится способом художественной когниции, создавая новые смыслы путем сопоставления различных мифологических систем. Данная когнитивная практика является неотъемлемой частью новой реальности, которую отличают хаотичность, интерактивность, сингулярность и непредсказуемость. Писатели эпохи постмодерна чаще всего обращаются к космогонической мифологии, создавая собственные уникальные мифологические системы, сконструированные из элементов уже существующих мифов. При этом мифология постмодерна репрезентируется уникальным языком. Исследование лирики британских поэтов показало, что языковые способы выражения мифа очень разнообразны и отличаются друг от друга у различных писателей. Помимо этого, разные британские поэты берут в качестве основы своей собственной мифологии мифы различных культур, обращаясь к древнегреческой, кельтской, индийской и др. эсхатологиям. Посредством лингвистического анализа художественного текста, интерпретационного, грамматического, фонетического и контекстуального типов анализа выявляются языковые способы выражения современного мифа. Среди них определены историческая, культурная, географическая, мифологическая, сказочная аллюзия; интертекстуальная метафора; аллюзийный поток; стилизация, представленная фонетической, лексической и синтаксической имитацией интертекста; олицетворение природных стихий, опровержение мифа, взаимодействие с читателем. Установлено, что обозначенные языковые средства взаимодействуют в рамках лирических текстов, создавая новую авторскую мифологию, открывающую уникальные художественные смыслы.

Ключевые слова

мифотворчество, постмодерн, лирика, аллюзия, интертекстуальность

Для цитирования

Линниченко С. И. Языковая репрезентация мифотворчества как способа художественной когниции (на материале лирики британского постмодерна) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4. С. 35–48. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-35-48

© Линниченко С. И., 2024

Language Representation of Myth-making as a Method of Artistic Cognition (Based on the British Postmodern Poetry)

Svetlana I. Linnichenko

Samara State Technical University,
Samara, Russian Federation

s.linnichenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2709-4951>

Abstract

The article is devoted to the issue of myth-making in postmodern literature. A new mythology is regarded as a philosophical and literary phenomenon, and is also analyzed from the point of view of cognitive linguistics. The main sources of mythology and trends in myth-making in modern fiction are also defined. The purpose of the study is to identify linguistic ways of representing myth-making as an innovative cognitive practice of British postmodern poets. Modern myth-making is a complex philosophical phenomenon that becomes a source of pseudo-reality and at the same time constantly refers to other myths and images, reinterpreting them. Myth turns into a system of narratives and belongs exclusively to the space of language. From the point of view of linguistics, myth is a complex linguistic sign that regulates human life on an unconscious level and connects culture and language with each other. Modern myth-making of the postmodern era is becoming a way of artistic cognition, creating new meanings by comparing various mythological systems. This cognitive practice is necessary to understand the new reality, which is chaotic, interactive, singular and unpredictable. Writers of the postmodern era most often turn to cosmogonic mythology, creating their own unique mythological systems constructed from the elements of already existing myths. At the same time, postmodern mythology is represented in a unique language. A study of the British lyrics showed that the linguistic ways of expressing myth are very diverse and differ from writer to writer. In addition, different British poets take the myths from various cultures as the basis for their own mythologies, turning to ancient Greek, Celtic, Indian and other eschatologies. Through linguistic, interpretative, grammatical, phonetic, and contextual analyses of a literary text the following language ways of the modern myth manifestation are identified: historical, cultural, geographical, mythological, fairy-tale allusion; intertextual metaphor; allusion flow; stylization represented by phonetic, lexical and syntactic imitation of intertext; personification of nature forces; myth destruction; interaction with the reader. It has been shown that linguistic means interact with one another in lyrical texts, creating an author's new mythology that reveals unique artistic meanings.

Keywords

myth-making, postmodern, poetry, allusion, intertextuality

For citation

Linnichenko S. I. Language Representation of Myth-making as a Method of Artistic Cognition (based on the British postmodern poetry). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 35–48. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-35-48

Введение

Актуальность данной темы обоснована тем, что культурное пространство постмодерна базируется на новой мифологии, которая распространяется на все сферы современной действительности, включая в себя, помимо искусства, экономику, политологию, культурологию и др. Мифы формируют образ современного мира, наполняя информационное пространство. При этом в литературе эпохи постмодерна мифотворчество становится способом художественной когниции, что актуализирует необходимость исследования языковых процессов, лежащих в основе данного феномена.

Научная новизна исследования состоит в том, что мифотворчество рассматривается как способ художественной когниции, а также выявляются новаторские языковые способы языкового выражения современного мифа.

Цель исследования – выявление языковых способов репрезентации мифотворчества как инновационной когнитивной практики поэтов британского постмодерна.

Задачи работы заключаются в следующем: 1) проанализировать мифотворчество как философский и литературный феномен; 2) рассмотреть специфику мифотворчества в контексте когнитивной лингвистики; 3) определить способы языкового выражения современного мифа.

Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Метод описания и обобщения использовался для анализа феномена мифотворчества в литературе и философии постмодерна, а также в современном лингвистическом знании. Сбор материалов для исследования был выполнен с помощью метода сплошной выборки. С целью выявления способов языковой реализации современного мифа в лирике британского постмодерна были использованы лингвистический анализ художественного текста, интерпретационный, грамматический, фонетический и контекстуальный анализ.

Материалом исследования послужила лирика британского постмодерна, представленная в следующем источнике: В двух измерениях. Современная британская поэзия в русских переводах. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Теоретической базой исследования послужили труды таких французских философов, как М. Элиаде, рассматривающего миф в качестве культурного кода и способа мышления определенной эпохи; Ж. Л. Нанси, Ж. Бодрийяра, Р. Барта, описывающих феномен новой мифологии. Тематическое и художественное своеобразие современной британской поэзии рассматривается на основе работ Л. Н. Глухенькой и Ж.-Ф. Лиотара. Основные тенденции мифотворчества в литературе постмодерна анализируются на базе работ Л. Хиджинян, В. Вельша, Дж. Кэмпбелла, А. Боломи. Лингвистическую базу исследования составляют труды К. Леви-Стросса, трактующего миф как универсальную структуру, регулиующую духовное бытие человека; работы Н. Н. Болдырева и А. К. Кравченко, посвященные изучению мифологии как когнитивной системы, а также исследования Н. С. Поповой и Л. Ю. Семейн, Л. Талми, основой которых является концептуальная составляющая мифотворчества.

Теоретическую значимость исследования определяет комплексный анализ проблемы мифотворчества с точки зрения философии и лингвистики, а также подробный анализ литературной специфики новой мифологии. Помимо этого, определяются инновационные языковые средства репрезентации мифа как способа художественной когниции, что дополняет систему теоретического знания в данной области в рамках когнитивной лингвистики.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно может быть использовано при разработке общих и специальных курсов по языкознанию, когнитивной лингвистике, литературоведению.

1. Мифотворчество как философский и литературный феномен эпохи постмодерна

В первую очередь необходимо разделить понятия традиционного мифа и современного, принадлежащего эпохе постмодерна. Согласно румынскому историку и философу М. Элиаде, миф, в его изначальном понимании, представляет собой сакральную историю, повествующую о том, каким образом известная человеку реальность достигла своего воплощения и осуществления [Элиаде, 1996. С. 15]. Таким образом, миф можно определить как нарратив, содержащий в себе культурный код эпохи, а также интерпретирующий актуальные для данного исторического периода смыслы. Миф передает представление людей о мире, о месте человека в нем, о мистических силах, управляющих универсумом, и при этом является синкретичным, т. е. предполагает одновременность восприятия. Таким образом, мифология является символом культуры, а также способом мышления, характерным для определенной фазы развития любого общества.

В современном мире, давно оставившем позади данный этап развития, происходит, однако, возрождение мифологического мышления, но понятие о мифе обретает иное значение. Если традиционные мифы помогали человеку приспособиться к реальности, то современная мифология создает псевдореальность, т. е. смысл мифа заключается теперь в самом мифе, который принадлежит исключительно пространству языка.

В основе традиционного и современного мифотворчества лежат одни и те же законы, но если первобытные мифы имели стихийный, коллективный характер, то мифология эпохи постмодерна – это творение конкретного автора. В литературе XX–XXI вв. переосмысление мифологических сюжетов приобретает чрезвычайно широкий масштаб, что приводит к появлению новой мифологии. При этом мифологизация объясняется недоверием к истории и выражает ощущение зыбкости современной цивилизации. В этой связи следует упомянуть значительное влияние жанров фантастики и фэнтези на мифотворчество постмодерна, которые бурно развиваются в XX в. в связи с общей тенденцией к эскапизму в современном обществе, желанием абстрагироваться от реальности.

Миф становится системой нарративов, которая имеет собственное значение и оказывает определенное воздействие на реципиента, деформируя реальность. Поэтому миф не может быть определен в категориях истины, его нельзя оспорить [Барт, 2008. С. 279–287]. Как следствие этого возникает симуляция смысла и реальности.

Ж. Бодрийяр указывает на то, что современному человеку необходим миф для того, чтобы избавиться от страха одиночества, ощущения разорванности и непредсказуемости современной действительности [Бодрийяр, 2015. С. 20–23].

В качестве причин возникновения новой мифологии Ж.-Л. Нанси также называет социальную разобщенность и сингулярность [Нанси, 2009. С. 113, 116]. Неопределенность и неуверенность эпохи постмодерна является следствием своеобразной игры, ориентированной на интеллектуального читателя (модернизм без грусти – «*Moderne ohne Trauer*») [Welsch, 2008. S. 2], не сожалеющего больше о потере идентичности, единства и смысла. Текст становится общим пространством взаимодействия автора и читателя, в рамках которого становятся возможными альтернативные смыслы. Как утверждает поэт и переводчик Л. Хеджинян, текст открыт миру и читателю, поэтому автор лишается власти над читателем [Hejirian, 2000. P. 43].

При этом современный миф, в отличие от традиционного, не опирается на знание, но апеллирует к другим мифам и образам, постоянно предлагая новые версии предыдущих историй, не отвергая их самих. Обращение к мифологическим сюжетам позволяет посмотреть на современность и историю с новой точки зрения. Мифы перестают быть однородными, составляя фрагментированную виртуальную реальность, в основе которой лежит универсальный нарратив [Campbell, 2008. P. 23]. Если парадигма модерна отрицает мифологическое, выстраивая рациональную картину мира, то постмодерн, напротив, обнаруживает нехватку иррационального. Именно поэтому особую популярность приобретают космогонические мифы о хаосе и конце света, которые посредством мифологических аллюзий раскрывают новые уровни символических значений.

Авторы создают собственные системы мифологических образов и символов, опираясь при этом на известные законы мифологического времени и пространства, используют общеизвестные образы и мотивы, обладающие особой культурно-исторической значимостью для создания уникальных мифологических систем. Текст становится общим пространством взаимодействия автора и читателя, в рамках которого возникают альтернативные смыслы. Из отдельных элементов мифов конструируется художественная реальность как результат переосмысления разнообразных культурных традиций [Bouloumie, 1998. P. 259–271].

Таким образом, современный миф имеет те же основания, что и традиционный, т. е. является определенным способом мышления, однако его специфика заключается в том, что вместо объяснения реальности создается псевдореальность, виртуальный мир, структурированный из нарративов. Возникает множество вариантов одних и тех же мифологических сюжетов, т. е. мифологем, базирующихся на универсальном нарративе или мономифе. При этом мифы эпохи постмодерна принадлежат конкретным авторам, создающим свои собственные художественные картины мира из элементов различных эсхатологий.

2. Феномен мифотворчества в когнитивной лингвистике

С точки зрения когнитивной лингвистики, миф представляет собой комплексный феномен, который может трактоваться не только как результат освоения мира человеком, но также как устойчивый стереотип массового сознания и языковой механизм, формирующий его. В рамках лингвистического знания миф следует рассматривать как комплексный языковой знак. К. Леви-Стросс в своей работе «Структурная антропология» указывал, что миф является универсальной структурой, которая действует как бессознательный механизм, регулируя духовное бытие человека. При этом данные структуры могут быть исследованы в качестве знаковых систем, связывающих культуру и язык. Структурными элементами мифа являются мифемы, лексические единицы, обладающие особым мифическим содержанием и формирующие логическую модель для разрешения некоего противоречия [Леви-Стросс, 2011. С. 241–244]. Другими словами, мифология обладает своим собственным метаязыком, который способен отделить смысл от его языковой основы. В связи с этим можно утверждать, что в основе мифа лежит универсальная когнитивная структура, воплощающая в себе совокупный человеческий опыт и тем самым позволяющая определенным образом интерпретировать действительность [Laurence, Margolis, 1999. P. 4–7]. Современные концептуальные системы структурированы из мифологических сюжетов и образов, которые легко вызываются в сознании индивида и почти однозначно интерпретируются, являясь неотъемлемым элементом культурной парадигмы. При этом основная функция мифа состоит в создании некоего образца системы ценностей, которая складывается не только из накопленных знаний об окружающем мире, но также из личностных оценок. Мифы усваиваются человеком еще до того, как он обретает способность критически мыслить, т. е. мифологическое знание является интересубъективным, так как посредством коммуникационных процессов перемещается из одного индивидуального мира в другой [Болдырев, 2020. С. 46–57].

Миф как когнитивная структура является дискретным явлением и состоит из архетипа, т. е. смыслового ядра и содержательной формы. Архетипы формируют представление индивида о мире и являются универсальными для большинства мифологических систем. В лингвистическом знании изначальную форму архетипа называют мифологемой. Мифологема – это вербально оформленная когнитивная единица, которая является когнитивно-семантической универсалией раннего осмысления мира [Кравченко, 2006. С. 90–92]. Помимо этого, под мифологемой принято понимать исходные модели событий и явлений, зафиксированные в мифологиях, с которыми можно типологически соотнести сходные события и явления современной жизни. Мифологемы раскрываются через символы и концепты. Концепты, составляющие мифологическую концептосферу, называют мифоконцептами. Они могут формироваться на основе метафор и отражают когнитивную способность человека [Попова, 2020. С. 229–233].

При этом особое значение для понимания познавательных механизмов имеет исследование взаимосвязи художественной когниции и мифотворчества. В этой связи особую значимость для языкового выражения мифа обретают символические концепты, объединяющие мифологический и архетипический уровни [Smith, 2004]. Согласно Л. Ю. Семейн, в авторском сознании символ существует в виде набора устойчивых индивидуальных ассоциаций, закрепившихся за образом в национальной и/или индивидуальной концептосфере [Семейн, 2006. С. 25]. Процесс символизации становится возможным при наличии контекста интерпретации, в рамках которого тот или иной объект способен вызывать в сознании реципиента ассоциацию с определенной концептуальной структурой. Авторское мышление накладывается на мышление мифопоэтическое, что приводит к возникновению нового мифа, который может по отдельным критериям отличаться от прототипа. Именно в разнице между первичным и вторичным, т. е. авторским мифом, сокрыт художественный смысл, ради которого автор прибегает к мифотворчеству. При этом механизм включения мифа в авторский текст можно проследить, опираясь на когнитивную интерпретативную модель Л. Талми, которая представлена набором

структур и параметров, таких как включение (Inclusion), взаиморасширение (Coextension), грануляция (Granularity). Под взаиморасширением (Coextension) понимается сосуществование в тексте двух концептуальных структур, одна из которых совпадает с другой и компенсируется ею, или является вспомогательной по отношению к ней. Грануляция (Granularity) направлена на раскрытие деталей художественного текста. Включение (Inclusion) представляет собой интердискурсивную структуру, отсылающую к постоянным смысловым кодам [Talmy, 2000. P. 417–481].

Таким образом, можно заключить, что миф как лингвистический феномен представляет собой определенный стереотип мышления, выраженный в виде сложной системы языковых знаков. Одновременно с этим миф является дискретной когнитивной структурой, состоящей из архетипа и содержательной формы, которая, в свою очередь, структурируется из мифем на лексическом уровне. Изначальные формы архетипа, мифологемы, являясь когнитивно-семантическими универсалиями, представляют собой способ раннего осмысления мира. Включение мифа в художественное творчество осуществляется через символические концепты, выражающие новые авторские смыслы.

3. Специфика современной британской поэзии

Несмотря на то что феномен постмодернистского романа широко представлен в исследованиях теории литературы и языка, лирика постмодерна до сих пор остается мало изученной сферой, что обуславливает актуальность всестороннего анализа современной британской поэзии как в аспекте идеологии, так и художественных форм.

Однако, в первую очередь, необходимо определить временные рамки и основные тенденции, характерные для британского постмодернистского романа, оказавшего существенное влияние на лирику. В целом, в британской прозе традиционно выделяют ранний и поздний постмодернизм. Ранний постмодернизм формируется в конце 30-х гг. XX в., например, одним из первых романов в рамках данного литературного направления считается «Поминки по Финнегану» Дж. Джойса (1939 г.). Поэтику произведений данного периода характеризуют ярко выраженная саморефлексия, двойное кодирование, пастиш, разнообразные игровые приемы. Поздний постмодернизм начинается с 1980-х гг., его яркими представителями являются Дж. Барнс, Дж. Свифт, И. Макьюэн, П. Акройд и др. В течение данного периода философия постмодернизма уже глубоко укоренилась в британском романе, для которого, в связи с этим, становятся характерны фрагментарность, интертекстуальность и другие традиционные для данного направления приемы.

Возникновение постмодернистской британской поэзии с трудом поддается датировке, так как в зарубежной критике она далеко не всегда выделяется в отдельное направление современной английской литературы. Однако отдельные лирические тексты, в которых прослеживается философия, а также эстетика постмодерна, появляются в различных антологиях британской поэзии, начиная с 50-х гг. XX в., а современная британская лирика все чаще отождествляется критиками именно с постмодерном [Глухенькая, 2021. С. 115–120].

Следует отметить, что при этом многие современные британские поэты, творчество которых приходится на 2000-е гг., причисляют себя к неомодернистам или поздним модернистам, демонстрируя тем самым неприятие философии постиндустриальной эпохи.

П. Брукер подчеркивает наличие очевидной дистанции между модернизмом и современной британской поэзией, где, начиная с 50-х гг. XX в. явно обозначено противоречие по отношению к модернизму, которое, однако, не находит своего художественного выражения в новаторском языке постмодернизма [Brooker, 1992. P. 139–151]. Таким образом, современная британская поэзия балансирует между модернизмом и эстетикой постмодерна [Лиотар, 2007. С. 322–332].

В связи с этим данное литературное направление неоднозначно воспринимается в британской литературной критике. Например, Б. Моррисон и Э. Моушен в предисловии к «Современной британской поэзии» (1982 г.) отмечают, что авторы, представленные в данной антологии, демонстрируют переход в постмодернизм [The Penguin Book of Contemporary British Poetry, 1982. P. 11–21]. В то же время М. Халс, Д. Кеннеди и Д. Морем в «Новой поэзии» (1993 г.) делают акцент на демократичности, юморе и открытости поэтов постмодерна, чьи тексты представлены в данном сборнике [The New Poetry, 1993. P. 10–15]. Многие современные авторы, чьи стихотворения вошли в «Оксфордскую антологию британской и ирландской поэзии XX в. [Anthology of Twentieth-Century British and Irish Poetry, 2001], демонстрируют такие специфические характеристики постмодернистской эстетики, как двойное кодирование, особая роль языка, который становится средством и предметом поэзии, интертекстуальность, пастиш, нон-селекцию [Лиотар, 1998. С. 29–34].

Вслед за прозой британская поэзия переосмысливает исторические, литературные и религиозные архетипы, что соотносится с переоценкой современных реалий. Британские поэты обращаются к проблемам нравственности в постиндустриальной эпохе, государственности и политики. Следует также отметить, что британская поэзия постмодерна так же философична, как и проза. Поэты затрагивают философско-религиозную проблематику, проблемы личностного становления, нравственности и самоидентификации.

При этом специфической чертой лирики британского постмодернизма является феномен «женской поэзии», в которой преобладают такие темы, как идентичность в мультикультурном пространстве, принадлежность к определенной традиции, а также особое женское восприятие окружающего мира [Kennedy, 2013. P. 18–30].

Таким образом, можно сделать вывод, что современная британская поэзия – это сложный многогранный феномен, включающий в себя черты модерна, постмодерна и авангарда. Датировка возникновения постмодернистской поэзии остается спорным вопросом, но в целом большинство критиков относят лирическое творчество представителей данного литературного явления ко второй половине XX в. Современные британские поэты пытаются переосмыслить экзистенциальные философские проблемы, социальные вопросы постиндустриальной эры, а также обращаются к повестке мультикультурализма в контексте поиска идентичности. Поэтика современной британской лирики характеризуется фрагментарностью, неопределенностью, интертекстуальностью и, как следствие, стилистической эклектикой и аллюзиями, двойным кодированием, пастишем и нонселекцией.

4. Языковое выражение современной мифологии как способа художественной когниции в лирике британского постмодерна

Лингвистический анализ лирических текстов постмодерна показал, что современное мифотворчество становится способом художественной когниции. Авторы постмодерна при помощи традиционных, а также инновационных языковых средств создают собственные мифологические системы, элементами которых являются образы, заимствованные из общеизвестных сюжетов и творчески переосмысленные. Таким образом, мифотворчество как способ художественной когниции дает возможность экспликации новых смыслов из различных эсхатологий, что позволяет современному индивиду выстроить новую систему мифов, аккумулирующую накопленные знания и объясняющую современную реальность исходя из новых принципов, таких как хаотичность, интерактивность, сингулярность и непредсказуемость.

При помощи лингвистического, интерпретационного, грамматического, фонетического и контекстуального анализа лирических текстов британских поэтов постмодерна, представленных в сборнике «В двух измерениях. Современная британская поэзия русских переводах»,

были выявлены следующие языковые способы репрезентации современного мифотворчества: историческая, культурная, географическая, мифологическая, сказочная аллюзия; интертекстуальная метафора; аллюзийный поток; стилизация, представленная фонетической, лексической и синтаксической имитацией интертекста; олицетворение природных стихий, опровержение мифа, взаимодействие с читателем.

Источники исторических, культурных мифологических аллюзий в лирике британского постмодерна очень разнообразны. К ним можно отнести магические тексты, например, заговоры, древнегреческую, древнегерманскую эсхатологию, мифы индейцев, образы, связанные с традиционными праздниками и фестивалями и др. Среди сказочных аллюзий преобладают отсылки к творчеству братьев Гримм. Аллюзии в лирических текстах британского постмодерна часто сочетаются с олицетворением той или иной природной силы.

Интертекстуальная метафора является очень распространенным приемом, в основе которой лежит скрытое сопоставление аллюзийных образов.

Аллюзийный поток представляет собой сложную структуру, включающую в себя несколько взаимосвязанных интертекстуальных образов, сочетание которых в рамках одного стихотворения создает приращение художественного смысла.

Стилизация интертекста как разновидность риторической интертекстуальности репрезентируется пародированием и творческим подражанием другому автору [Redmond, 2009. P. 10].

Художественный прием, обозначенный как «опровержение мифа», является новаторским. В основе данного тропа лежит аллюзия или совокупность аллюзий, отсылающих читателя к общеизвестной мифологической, религиозной системе или прецедентному тексту, репрезентирующему особенности той или иной культуры, истинность которых подвергается сомнению или развенчивается автором. Довольно часто опровержение мифа в лирике британского постмодерна строится на взаимодействии с читателем, в процессе которого читатель оказывается вовлеченным в определенную игру и сам определяет истинность мифа.

В данной статье обозначенные выше языковые средства репрезентации мифотворчества как способа художественной когниции рассматриваются на материале поэтических текстов современных британских поэтов Кэтрин Рэйн (1908–2003), Паскаль Пети (1953 г.р.) и Дженни Джозеф (1932–2018).

Истоки художественной когниции К Рэйн лежат в области мифотворчества. В своих лирических текстах, отсылающих читателя к различным эсхатологиям, древнегреческой, кельтской, индийской и др., автор создает свой уникальный поэтический мир, представляющий собой мозаику из мифологических, религиозных, философских воззрений, репрезентируемых посредством особого художественного языка. Например, в названиях нескольких стихотворений поэта присутствует слово «spell» (заговор). К. Рэйн, имитируя язык данного магического жанра, создает свой собственный заговор, вписанный с современной действительностью. Текст традиционного английского заговора характеризуется многочисленными аллитерациями, ассонансами, повторами, четким ритмом [Олсан, Джонс, 2011. С. 110–115].

Поэтому, к примеру, стихотворение «Spell of Sleep» / «Заговор на сон грядущий» отличается ясно прослеживаемая метрика: каждая строфа состоит из четырех строк, в отличие от двух последних, структурированных из шести; в первой и третьей строках каждой строфы безударный слог сменяется ударным, формируя тем самым трехстопный ямб, в то время как во второй и третьей строках сочетание безударный/ударный сменяется на противоположное, т. е. на смену ямбу приходит хорей. Однако по мере развития лирического текста ритм становится все менее четким: создается ощущение, что поэт, намекая в начале лирического текста на его принадлежность к жанру заговора, постепенно погружается в современную действительность поэзии постмодерна, которая по своему ритму близка к прозаическому тексту. Тем не менее каждая строфа содержит анафоры «Let him», а также различные вариации с предлогом «as» – «as leaves», «as young birds», «as islands», что также характеризует стандартный английский заговор.

За внешней формой данного жанра скрывается образное, насыщенное художественными тропами стихотворение, лирическая героиня которого, обращаясь к сновидению как божественному началу, просит исцелить и защитить своего возлюбленного. Олицетворение сна разворачивается на протяжении всего стихотворения, выраженное через глагол «let», открывающий каждую строфу. Действия сна описаны через многочисленные сравнения с природными стихиями: «Let him be hidden in sleep / as islands under rain / as mountains within their clouds ...» / «Спрячь-сокрой его сон, как острова под ливнем, как в облаках вершины» [В двух измерениях... 2009. С. 98–99], а также метафорические ряды, усиливающие эмоциональный образ любящей женщины, ищущей спасения для своего возлюбленного: «Let him be healed in sleep / in the quiet waters of night / in the mirroring pool of dreams / where memory returns in peace, where the troubled spirit grows wise / and the heart is comforted». / «Исцели его, сон, / В тихих полных водах, / В глади зеркальных грез, / Где возвращается память, / Смуту сменяет мудрость, / Сердце совсем не болит». Ночь уподобляется воде, исцеляющей дух и успокаивающей сердце [Там же].

Таким образом, поэт создает свой особенный миф о мире сновидений. Заговор становится уникальной формой художественной когниции: поэт пытается осмыслить сущность и предназначение снов.

Поэтесса П. Пети в своих лирических текстах, объединяя множество мифов, создает собственные, вписанные в современную действительность и уникальными способами трактующие ее. Например, стихотворение «Noon in the orchid house, Kew Gardens» / «Полдень в ботаническом саду Кью» (с. 352, 353) составлено из исторических и мифологических аллюзий из культуры индейцев майя и ацтеков. Лирический текст начинается с обращения к принцу цветов, что является аллюзией на мифы ацтеков, в которых принцем или князем цветов считали бога Ксочипилли, покровителя растительного мира: «Didn't I tell you you are my Prince of Flowers?» / Князем цветов я тебя окрестила когда-то...» [Там же. С. 352–353]. Далее автор рассказывает о кровавых жертвоприношениях королевы майя Ксок, которая продевала веревку с шипами через отверстие в языке, чтобы получить помощь от ушедших предков или добиться благосклонности богов [Clark, Houston, 1998. P. 31–46]: «Lady Хос, trying for visions, / passed a thorned rope through her tongue.» / «Знаешь, принцесса одна, чтобы вызвать видения, / по языку пропускала бечевку с шипами...» [Там же]. Данный аллюзийный поток, отсылающий читателя к мифам индейцев, дополняется географической аллюзией: поэт упоминает остров Сакрисиос, расположенный в Мексиканском заливе, где, согласно легендам, совершались человеческие жертвоприношения. Таким образом, П. Пети создает собственную мифологию, в которой образы из мифов и легенд индейцев складываются в цельную картину современной реальности, где культурные границы стираются. Аллюзийный поток служит для создания уникальной истории познания своего я. Лирическая героиня, гуляющая по Королевским ботаническим садам Кью в Лондоне, в попытке познать себя, обращается к принцу цветов, ацтекскому богу Ксочипилли и королеве майя Ксок, совершавшей кровопускание ради видений. Завершается стихотворение интертекстуальной метафорой: поэт уподобляет свое сознание дому, а мифы, в которые сознание погружено, сравнивает с орхидеями, увивающими крышу дома. Таким образом, метафора подводит определенный итог, выражая мысль о неизбежной мифологичности современного мышления, структурированного из огромной сети взаимосвязанных эсхатологий: «Of course, when I find you, you are an orchid / clinging to the porous roof of a host» [Там же] / «Конечно, когда я найду тебя, ты орхидея, цепляющаяся на пористую крышу хозяина» (дословный перевод).

Д. Джозеф в своем творчестве часто обращается к сказочным сюжетам. На основе лингвистического анализа ее лирики был определен новаторский художественный прием, обозначенный как «опровержение мифа».

В стихотворении «Still reading fairy stories» / «Все те же сказки» поэт при помощи сказочных аллюзий выстраивает своеобразную игру с читателем, намекая на общеизвестный сюжет,

согласно которому принц отправляется в путь ради спасения принцессы: «If you were bred on fairy tails / As was I / You would know where the prince was going to / And why...» / «Если детство твое прошло за чтением сказок, как у меня, / Ты, конечно, знаешь, к кому направлялся принц, / зачем торопил коня» [Там же. С. 216–217]. Однако поэт сразу же предупреждает о нереальности описанных в сказке событий, что на языковом уровне выражается через придаточное условное (Third Conditional): «And if you had also lived in the world / As I have done / You would know too that he went past ten-foot wall of roses / And kept straight on». / «Но так как мы живем в мире, который / не признает чудес, / Ты знаешь и то, что принц не доехал до замка. / Не там свернул. / И исчез» [Там же. С. 216–217]. Таким образом, Д. Джозеф опровергает сказочную историю, основываясь на противопоставлении двух миров, фантастического и реального, где чудеса невозможны.

Прием опровержения мифа в данном случае содержит дополнительный аллюзийный пласт, так как на протяжении всего лирического текста встречаются отсылки к известной всем истории о Спящей красавице, впервые упоминаемой в фольклорных источниках, а позже в литературных изложениях Д. Базиле, Ш. Перро и братьев Гримм. Общая канва сюжета данной сказки сводится к тому, что принцесса, уколотившись о веретено ведьмы, засыпает. Лирический текст Д. Джозеф отсылает читателя к более поздней версии сказки Ш. Перро и братьев Гримм, где вокруг замка вырастает непроходимая стена из шипов, которую впоследствии прорубает принц и будит красавицу поцелуем [Brüder Grimm, 1887. S. 61–66; Перро Ш., 1901]: «ten-foot wall of roses» (в дословном переводе – десятифутовая стена из роз); «hacked this way through» (в дословном переводе – прорубил себе путь). Автор также упоминает возможный счастливый финал, когда принцессу разбудит поцелуй: «And the power of life through that long-waiting silence was / All in the kiss» / «И сотню, нет, даже тысячу лет молчания / прервет поцелуй» [В двух измерениях. Современная британская поэзия, 2009. С. 216–217]. Поэт ставит под сомнение саму веру в чудо, однако в то же время обращается к читателю с вопросом о том, поверил ли бы он в другой исход данной истории, где принц все-таки находит верный путь и свою любовь, т. е. опровержение мифа в данном стихотворении дополняется своеобразной игрой с читателем, которому в итоге предоставляется возможность выбора между двумя мирами.

В результате анализа лирических текстов британских поэтов постмодерна можно заключить, что мифотворчество постмодерна является способом художественной когниции и репрезентируется широким набором языковых средств, в основе которых лежит интертекстуальность. Путем смешения древнегреческой, кельтской, индийской и других мифологических систем поэты создают уникальную художественную картину мира, выраженную особым языком.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что современное мифотворчество представляет собой сложный философский феномен. Новая мифология становится источником псевдорéalности и при этом постоянно отсылает к другим мифам и образам, переосмысляя их. Миф становится системой нарративов и принадлежит исключительно пространству языка.

В литературе постмодерна миф является творением конкретного автора, который на базе культурнозначимых мотивов и образов создает собственную мифологическую систему, конструируя из общеизвестных мифов уникальную художественную реальность.

С точки зрения лингвистики, миф – это сложный языковой знак, регулирующий жизнь человека на бессознательном уровне и связывающий друг с другом культуру и язык. Помимо этого, миф представляет собой стереотип мышления и также является дискретной когнитивной структурой, состоящей из архетипа и содержательной формы. Изначальные формы архетипа, мифологемы являются когнитивно-семантическими универсалиями, а на лексическом уровне

миф структурируется из мифем. Включение мифа в художественное творчество осуществляется через символические концепты, выражающие новые авторские смыслы.

Современные британские поэты пытаются переосмыслить экзистенциальные философские проблемы, социальные вопросы постиндустриальной эры, а также обращаются к повестке мульткультурализма в контексте поиска идентичности. Поэтика британской постмодернистской лирики характеризуется фрагментарностью, неопределенностью, интертекстуальностью и, как следствие, стилистической эклектикой и аллюзиями, двойным кодированием, пастишем и нонселекцией. Современное мифотворчество эпохи постмодерна становится способом художественной когниции, создавая новые смыслы путем сопоставления различных мифологических систем. Данная когнитивная практика необходима для познания новой реальности, которую отличают хаотичность, интерактивность, сингулярность и непредсказуемость. Мифология постмодерна репрезентируется уникальным языком.

В результате анализа лирических текстов британских поэтов постмодерна были выявлены такие языковые способы репрезентации современного мифотворчества, как историческая, культурная, географическая, мифологическая, сказочная аллюзия; интертекстуальная метафора; аллюзийный поток; стилизация, представленная фонетической, лексической и синтаксической имитацией интертекста; олицетворение природных стихий, опровержение мифа, взаимодействие с читателем. Исследование лирики британских поэтов К. Рэйн, П. Пети и Дж. Джозеф показало, что языковые способы выражения мифа очень разнообразны и отличаются друг от друга у различных писателей. К. Рэйн обращается к древнегреческой, кельтской, индийской и др. эсхатологиям, создавая на их основе уникальный поэтический мир. Художественный язык поэта характеризуется многочисленными аллюзиями из различных культур и религий, олицетворениями и метафорами природных сил. Поэтесса П. Пети апеллирует к мифологическим системам мексиканских индейцев и, объединяя несколько мифов, создает собственные при помощи интертекстуальных метафор и аллюзийных потоков. Для творчества Дж. Джозеф, которая часто выстраивает свои мифологические системы на основе сказочных сюжетов, характерна игра с читателем, в ходе которой происходит опровержение мифа.

Перспективы дальнейшего исследования языковой репрезентации мифотворчества постмодерна лежат в дальнейшем изучении когнитивных основ современной мифологии в рамках художественного творчества и выявлении инновационных способов языкового выражения современного мифа.

Список литературы

- Барт Р.** Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 351 с.
- Бодрийяр Ж.** Симулякры и симуляция. М.: Постум, 2015. 240 с.
- Болдырев Н. Н.** Оценочная концептуализация как фактор развития языковой картины мира // Александровский сборник: Сб. научн. ст. к юбилею доктора филологических наук, профессора О. В. Александровой. М.: Наука. 2022. С. 46–57. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50072214_46691262.pdf (дата обращения: 10.03.2024).
- Глухенькая Л. Н.** Поливалентная поэтика постмодернизма в поэзии К. Э. Даффи // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы V Междунар. научн. конгресса. Симферополь: Изд-во типографии «Ариал». 2021. С. 115–120. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47135123_50945718.pdf (дата обращения: 10.03.2024).
- Кравченко А. К.** Миф и языковая картина мира // Проблемы билингвизма в поликультурном пространстве: Материалы I Междунар. научн.-практ. конф. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ. 2006. С. 90–92.
- Леви-Стросс К.** Структурная антропология. М.: Академический проспект, 2008. 555 с.
- Лиотар Ж.-Ф.** Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Эстетика и теория искусства XX века: Хрестоматия. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 322–332.

- Лиотар Ж.-Ф.** Состояние постмодерна. М.: Ин-т экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
- Нанси Ж. Л.** Прерванный миф // Непроизводимое сообщество. М.: Водолей, 2009. С. 113–116.
- Попова Н. С.** Когнитивные метафоры времени как результат взаимодействия мыслительных и языковых структур // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 229–233. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44231571> (дата обращения: 10.03.2024).
- Семейн Л. Ю.** Орнитологическая символика в англо-шотландской балладе: когнитивный аспект // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. 2011. С. 25–29. URL: <https://emirsaba.org/elektronnij-nauchnij-jurnal-vestnik-omskogo-gosudarstvennogo-p.html> (дата обращения: 10.03.2024).
- Элиаде М.** Аспекты мифа. М.: Инвест-ППП: СТ «ППП», 1996. 235 с.
- Bouloumie A.** Michel Tournier: Le roman mythologique suivi de Questions a Michel Tournier. P.: Libr. Corti, 1988. 278 p.
- Brooker P.** Modernism/Postmodernism. London: Routledge, 1992. 280 p.
- Campbell J.** The Hero with Thousand Faces. Novato: Joseph Campbell Foundation; New World Library, 2008. 383 p.
- Clark J., Houston S.** Craft Specialization, Gender, and Personhood Among the Post-Conquest Maya of Yucatan, Mexico // Craft and Social Identity / Washington: C. Costin, R. Wright (eds.). 1998. P. 31–46.
- Kennedy D.** Women's Experimental Poetry in Britain 1970–2010: Body, Time and Locale. Liverpool: Liverpool Univ. Press, 2013. 192 p.
- Laurence S., Margolis E.** Concepts and Cognitive Science. URL: <https://www.cs.nyu.edu/courses/fall07/G22.3033-006/CCS.pdf> (дата обращения: 10.03.2024).
- Olsan Lea T., Jones Peter Murray.** Charms and Amulets for Conception and Childbirth // Proceedings of the Conference of the International Society for Folk Narrative Research's (ISFNR). 2011. P. 110–115. URL: https://yandex.ru/search/?text=Олсан+Л.Т.,+Джонс+П.М.+Заговорные+тексты+в+структурном+и+сравнительном+освещении&search_source=dzen_desktop_safe&src=suggest_V&lr=51 (дата обращения: 10.03.2024).
- Redmond Michael J.** Shakespeare, politics, and Italy: intertextuality on the Jacobean stage. Burlington: Farnham : Ashgate, 2009. 242 p.
- Smith B.** Beyond Concepts: Ontology as Reality Representation. Beyond Concepts: Ontology as Reality Representation. URL: <http://ontology.buffalo.edu/bfo/BeyondConcepts.pdf> (дата обращения: 10.03.2024).
- Talmy L.** Towards a Cognitive Semantics. Typology and Process in Concept Structuring. Cambridge: The MIT Press, 2000. 495 p.
- W. Welsch.** Unsere postmoderne Moderne. Berlin: Akademie Verlag, 2008. 346 S.

Список источников

- В двух измерениях:** Современная британская поэзия в русских переводах. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 530 с.
- Перро Ш.** Спящая красавица. СПб.: Е. В. Лавров и Н. А. Попов, 1901. 24 с.
- Anthology of Twentieth-Century British and Irish Poetry** / ed. by K. Tuma. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001. 976 p.
- Brüder Grimm.** Kinder und Hausmärchen. New-York: Henry Holt and Company, 1887. 351 S.
- The New Poetry** / ed. by M. Hulse, D. Kennedy, D. Morley. Hexham: Bloodaxe Books, 1993. 352 p.
- The Penguin Book of Contemporary British Poetry** / ed. by B. Morrison, A. Motion. London: Penguin Books, 1982. 208 p.

References

- Barthes R.** Semiotics and poetics. Moscow, Progress publ., 2000, 616 p.
- Baudrillard J.** Simulacra and Simulation. Moscow, Izdatel'skij dom «POSTUM», 2015, 240 p.
- Boldyrev N. N.** Ocenoch'naya konceptualizaciya kak faktor razvitiya yazykovoj kartiny mira [Evaluative conceptualization as a factor of dynamics of the language view of the world]. In: *Aleksandrovsij sbornik. Sbornik nauchnyh statej k yubileju doktora filologičeskikh nauk, professora O.V. Aleksandrovoj*. Moscow, Nauka publ., 2022, pp. 46–57. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50072214_46691262.pdf (accessed: 10.03.2024).
- Gluhen'kaya L. N.** Polivalentnaya poetika postmodernizma v poezii K. E. Daffi. In: *Inostrannaya filologiya. Social'naya i nacional'naya variativnost' yazyka i literatury: materialy V mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa*. Simferopol', Arial publ., 2021. P. 115–120. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47135123_50945718.pdf (accessed: 10.03.2024).
- Kravchenko A. K.** Mif i yazykovaya kartina mira [Myth and linguistic worldview]. In: *Problemy bilingvizma v polikul'turnom prostranstve: materialy I mezhd. nauchn-prakt. konferencii*. Gorno-Altajsk, Izd-vo GAGU, 2006, pp. 90–92.
- Levi-Strauss K.** Structural Anthropology. Moscow, Akademicheskij prospect publ., 2008, 555 p. (In Russ.)
- Liotar Zh.-F.** Otvet na vopros: chto takoe postmodern? In: *Estetika i teoriya iskusstva XX veka: Hrestomatiya*. Moscow, Progress-Tradiciya publ., 2007, pp. 322–332. (In Russ.)
- Liotar Zh.-F.** Sostoyanie postmoderna. Moscow, Institut eksperimental'noj sociologii; Saint Petersburg, Aletejya publ., 1998, 160 p. (In Russ.)
- Nancy J. L.** Prervannyj mif [Myth interrupted]. In: *Neproizvodimoe soobshchestvo*. Moscow, Vodoley publ., 2009, pp. 113–116. (In Russ.)
- Popova N. S.** Kognitivnye metafory vremeni kak rezul'tat vzaimodejstviya myslitel'nyh i yazykovykh struktur [Cognitive metaphors of time as the result of interaction of cognitive and language structures]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2020, № 3 (42), pp. 229–233. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44231571> (accessed: 10.03.2024).
- Semejn L. Yu.** Ornitologičeskaya simbolika v anglo-shotlandskoj ballade: kognitivnyj aspekt [Ornithological symbolism in the Anglo-Scottish ballad: cognitive aspect]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*, 2011, pp. 25–29. URL: <https://emirsaba.org/elektronnij-nauchnij-jurnal-vestnik-omskogo-gosudarstvennogo-p.html> (data obrashcheniya 10.03.2024).
- Eliade M.** Aspekty mifa [Aspects du mythe]. Moscow, 1996, 235 p.
- Bouloumie A.** Michel Tournier: Le roman mythologique suivi de Questions a Michel Tournier. Paris, Libr. Corti, 1988, 278 p.
- Brooker P.** Modernism/Postmodernism. London, Routledge, 1992, 280 p.
- Campbell J.** The Hero with Thousand Faces. Novato, Joseph Campbell Foundation; New World Library, 2008, 383 p.
- Clark J., Houston S.** Craft Specialization, Gender, and Personhood Among the Post-Conquest Maya of Yucatan, Mexico. In: *Craft and Social Identity*. Washington, C. Costin, R. Wright(eds.), 1998, pp. 31–46.
- Kennedy, D.** Women's Experimental Poetry in Britain 1970–2010: Body, Time and Locale. Liverpool, Liverpool University Press, 2013, 192 p.
- Laurence S., Margolis E.** Concepts and Cognitive Science. URL: <https://www.cs.nyu.edu/courses/fall07/G22.3033-006/CCS.pdf> (accessed: 10.03.2024).
- Olsan Lea T., Jones Peter Murray.** Charms and Amulets for Conception and Childbirth. In: *Proceedings of the Conference of the International Society for Folk Narrative Research's (ISFNR)*. 2011. P. 110–115. URL: <https://yandex.ru/search/?text=Олсан+Л.Т.,+Джонс+П.М.+Заговоры>

ые+тексты+в+структурном+и+сравнительном+освещении&search_source=dzen_desktop_safe&src=suggest_B&lr=51 (accessed: 10.03.2024).

Redmond Michael J. Shakespeare, politics, and Italy: intertextuality on the Jacobean stage. Burlington, Farnham : Ashgate, 2009, 242 p.

Smith B. Beyond Concepts: Ontology as Reality Representation. Beyond Concepts: Ontology as Reality Representation. URL: <http://ontology.buffalo.edu/bfo/BeyondConcepts.pdf> (accessed: 10.03.2024).

Talmy L. Towards a Cognitive Semantics. Typology and Process in Concept Structuring. Cambridge, The MIT Press, 2000, 495 p.

Welsch W. Unsere postmoderne Moderne. Berlin, Akademie Verlag, 2008, 346 S.

Sources

V dvuh izmereniyah: Sovremennaya britanskaya poeziya v russkih perevodah [In two dimensions: Contemporary British poetry in Russian translations.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, 530 p.

Perro Sh. Spyashchaya krasavica. Saint Petersburg, E. V. Lavrov i N. A. Popov, 1901, 24 p.

Anthology of Twentieth-Century British and Irish Poetry. K. Tuma (Ed). Oxford, Oxford University Press, 2001, 976 p.

Brüder Grimm. Kinder und Hausmarchen. New-York, Henry Holt and Company, 1887, 351 S.

The New Poetry. M. Hulse, D. Kennedy, D. Morley (Eds). Hexham, Bloodaxe Books, 1993, 352 p.

The Penguin Book of Contemporary British Poetry. B. Morrison, A. Motion (Eds). London, Penguin Books, 1982, 208 p.

Информация об авторе

Линниченко Светлана Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета

Information about the Author

Svetlana I. Linnichenko, Candidate of Philology, Associate Professor of the Foreign Languages Department, Samara State Technical University

*Статья поступила в редакцию 11.03.2024;
одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 31.05.2024*

*The article was submitted 11.03.2024;
approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 31.05.2024*

Научная статья

УДК 81'255.4

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-49-59

Образный потенциал метафорического эпитета как отражение художественного пространства в тексте викторианского романа

Наиля Сунгатовна Нуриева¹
Наталья Олеговна Труфанова²

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана,
Москва, Россия

¹nsnurieva@bmstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1682-4325>

²natru@bmstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7912-2112>

Аннотация

Статья посвящена изучению метафорического эпитета в художественном тексте викторианской эпохи на примере отрывка из романа Т. Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». Понятие «метафорический эпитет» рассматривается в данной статье с точки зрения парадигматического подхода как часть метафоры, главным назначением которой является характеристика определяемых предметов или явлений в иносказательном плане, т. е. метафорический эпитет – это эпитет, в основе которого лежит переносное значение (метафора). Используются общенаучные методы наблюдения, экспликации, индуктивного мышления и инструментарий, разработанный в рамках лингвостилистической теории для изучения имплицитного содержания художественных текстов. Цель работы – рассмотреть функционирование метафорического эпитета в создании образа пространства, отражающего драматизм жизни главной героини, и показать значимость лингвостилистического подхода в изучении категории трагического как одной из важнейших в мировоззрении писателя. Установлено, что образ пространственности у Т. Гарди приобретает символическое значение, проливая свет на многоплановость сюжетной линии и сложность создаваемого писателем образа героини. Отмечен переход в использовании метафорических эпитетов от «пастельных» полутонов к эпитетам выражения идеи жизненного оптимизма, что демонстрирует позицию автора относительно эволюции в духовном развитии героини, способной стойко принимать удары судьбы. Искусно используя эпитеты в передаче цветов, света, светотеней, рельефных рисунков и звуков, автор изображает явления природы в момент тревожного их созерцания героиней как источник энергии и силы для философского принятия ею своего неотвратимого конца. Лингвостилистический подход к изучению внутреннего мира трагического образа сильной женщины, получившей недостойное обращение в мире обывательском, способствует пониманию критического отношения автора к нормам морали в викторианском обществе относительно человека вообще и, в частности, проблемам брака и взаимоотношению полов. Единство человека и природы в картине мира Т. Гарди передает чистоту помыслов и возможных поступков героини, падшей, но «чистой женщины», ее готовность к беззаветной любви и самопожертвованию. Лингвистическая интерпретация функционирования метафорического эпитета в создании образа пространства как средства выражения жизненной драмы героини, на примере фрагмента текста названного романа, позволяет сделать вывод о глубоком социальном и философском содержании произведений Т. Гарди.

Ключевые слова

метафорический эпитет, лингвостилистический анализ, Т. Гарди, Тэсс из рода д'Эрбервиллей, художественное пространство, викторианский роман

© Нуриева Н. С., Труфанова Н. О., 2024

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2024, vol. 22, no. 4

Для цитирования

Нуриева Н. С., Труфанова Н. О. Образный потенциал метафорического эпитета как отражение художественного пространства в тексте викторианского романа // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4. С. 49–59. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-49-59

Figurative Potential of Metaphorical Epithet as a Reflection of Artistic Space in the Victorian Novel

Nailya S. Nurieva¹, Natalia O. Troufanova²

Bauman Moscow State Technical University,
Moscow, Russian Federation

¹nsnurieva@bmstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1682-4325>

²natru@bmstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7912-2112>

Abstract

The study examines the metaphorical epithet in a fragment from the Victorian novel by Thomas Hardy, “Tess of the D’Urbervilles”. The paper analyzes the concept of a metaphorical epithet in the light of the paradigmatic approach. It is seen as part of a metaphor that characterizes defined objects or phenomena in an allegoric sense, i.e., an epithet based on a figurative meaning (metaphor). The authors employ general methods of observation, explication, and inductive reasoning along with theoretical tools and approaches used in the analysis of fiction. The aim of the paper is to examine the role of metaphorical epithets in creating an image of space, reflecting the drama of the protagonist’s life, and to demonstrate the significance of the linguistic approach in studying the tragical in the writer’s worldview. It has been found that the representation of space in Thomas Hardy’s work acquires symbolic significance. It sheds light on the multidimensionality of the plot and the complexity of the heroine’s character. The study demonstrates a shift from using metaphorical epithets with gloomy tones to life optimism epithets. This feature illustrates the author’s stance on the evolution in the spiritual growth of the heroine, enabling her to embrace the vicissitudes of fate. Skillfully employing epithets to describe the changing colors, light, relief pictures, and sounds, the author portrays the nature phenomena. These are visible to the eye at the moment of contemplation, serving as a source of energy and strength for the heroine’s philosophical acceptance of her inevitable end. The linguistic approach to studying the tragedy of a strong woman who was mistreated in the philistine world contributes to better understanding the author’s critical attitude toward the failure of the Victorian moral norms concerning human beings in general, marriage, and gender relations. The unity of man and nature in Thomas Hardy’s worldview conveys the purity of thoughts and potential actions of the heroine, a fallen yet virtuous woman, and her willingness to love and self-sacrifice. The linguistic interpretation of metaphorical epithets in the extract contributes to the creation of space as a means of expressing the character’s life drama. This allows us to draw conclusions about a deep social and philosophical content of Thomas Hardy’s prose.

Key words

metaphorical epithet, linguistic stylistic analysis, Thomas Hardy, Tess of the D’Urbervilles, art space, Victorian novel

For citation

Nurieva N. S., Troufanova N. O. Figurative Potential of Metaphorical Epithet as a Reflection of Artistic Space in the Victorian Novel. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 49–59. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-49-59

Введение

Изучение творчества авторов рубежа викторианской эпохи и периода раннего модернизма занимает значительное место в научных исследованиях, поскольку художественные поиски писателей этого периода органично вписываются в контекст конца XIX – начала XX столетия. Этот период характеризуется кардинальными изменениями в мире научного познания, что стимулировало новое понимание целей и сущности человеческого существования [Самородницкая, 2021; Kramer, 1991]. Викторианские писатели, опираясь на литературные тенденции предыдущих поколений, разрабатывают новые темы, мотивы и комплексы приемов, обогащая английские реалистические произведения.

Осмысление творчества писателей, изобличающих трагизм повседневной жизни простых людей, спровоцированный нищетой, болезнями, эксплуатацией труда, получает дальнейшее освещение в работах современных зарубежных и отечественных исследователей. Рассмотрение названных проблем представляет собой основу интерпретации литературного текста, которая может рассматриваться, по определению И. В. Гюббенет, как «глобальный вертикальный контекст литературного направления» (цит. по: [Чалая, 2020]). Такой подход способствует пониманию социального уклада, понятий и представлений, знание которых необходимо для того, чтобы произведения авторов, относящиеся к данному направлению, могли быть восприняты читателями разных стран и эпох.

Роль и социальное положение женщины – одна из доминантных тем в литературной сфере викторианской Британии. Сегодня мы находим многоаспектное рассмотрение литературного толкования образа женщины в искусстве с учетом историко-литературной эволюции [Горжая, 2020]. Кроме того, наблюдается перемещение фокуса внимания исследователей на женскую литературу малоисследованных писательниц. Произведения авторов-женщин раннего, зрелого и позднего модернизма рассматриваются через призму акватической образности, что может представлять определенный интерес для исследователей литературы викторианской эпохи, заложившей основы для дальнейшего развития британской литературной традиции [Васильева, 2021].

Викторианская литература представляет особый интерес не только в связи с писательским мастерством ее авторов, но и потому, что «викторианский роман становится неким архетипом и рассматривается уже как совокупность всего, что было написано о викторианстве» [Толстых, 2008]. Тексты писателей викторианской эпохи допускают различные интерпретации, а жанр этих произведений отличается той особенностью, что требует от читателя сложной роли интерпретатора событий нарратива. Художественное воображение читателя мотивировано «участками неопределенности» в текстах произведений, организацией дискурсивной структуры в ключе недосказанности, умолчания, представления нескольких точек зрения на происходящее.

В связи с этим особую актуальность получают работы, посвященные лингвостилистической интерпретации литературного текста викторианских романов. В контексте данного исследования внимание привлекают работы, изучающие механизмы создания образности в текстах писателей викторианской эпохи. Особое внимание в этой связи представляют собой исследования, в которых проводится анализ реализации категории образности в текстах женской психологической прозы, а именно: применение различных тропов (метафор, эпитетов), вставных конструкций, аффиксов; использование просторечной лексики; включение интертекста [Аникина, 2020; Крючкова, 2020; Amaliyah, Prastiwi, 2022; Mosavat, 2022]. Заметно появление ряда исследований, посвященных анализу образа художественного пространства как отражения внутреннего состояния героя [Гончарова, 2014, Кукарская, 2015].

Основным предметом исследования в данной работе является художественное пространство Т. Гарди как форма осуществления творчества писателя и выражения своеобразия его литературной позиции.

Обращение к категории пространства является одним из подходов в изучении художественного текста. Представленность художественного топоса реализуется писателями с различной степенью определенности, например, как пространство города, как естественные реалии, или абстрактно, как пространство «глобального обобщения». Пространство события в произведении писателя разрастается в панорамный трансконтинентальный образ мира [Головко, 2022; Сафарова, 2023]. Создавая образ художественного пространства, автор использует детали или штрихи, благодаря которым читатель «выстраивает» его в своем воображении, невольно проецируя пространственный образ на особенности внутреннего мира персонажа.

Существенно важным при этом явилось рассмотрение метафорического эпитета в качестве структурного элемента романа, участвующего в передаче точки зрения автора, его мировоззренческой концепции. Таким образом, цель работы – изучить функционирование метафо-

рического эпитета, отражающего сложность мироощущения главной героини, как выражение авторской позиции по социально значимым проблемам викторианского периода.

1. Метафорическая концептуализация эпитета

В широкой трактовке понятие «эпитет» представляет собой вид тропа, поэтического, художественного определения. Как выразительное средство языка он обладает эмоционально-экспрессивной окраской и основан на выделении качества определяемого объекта. Благодаря эмотивной составляющей коннотации эпитета возможно определение стиля автора и его отношения к описываемым героям, событиям и атмосфере в целом. Изучение лингвистической составляющей эпитета предусматривает учет ряда характеристик, охватывающих такие его аспекты, как семантика, структура, степень освоенности, количественный показатель, стилистическая функция и образный потенциал. В данной работе проводится анализ образного потенциала эпитетов с опорой на их структурно-семантические особенности.

Метафорический эпитет (далее – МЭ) рассматривается в лингвистической литературе как вид эпитета и не имеет общепринятого определения. По мнению И. В. Арнольд, в МЭ обязательна «двуплановость, указание сходства и несходства, семантическое рассогласование, нарушение отмеченности». К разновидности МЭ И. В. Арнольд относит и анимистический эпитет («когда неодушевленному предмету приписываются свойства живого существа»); и антропоморфный эпитет («приписывающий человеческие свойства и действия животному предмету») [Арнольд, 2014. С. 133].

Последовательное развитие английской стилистики как отрасли филологии, ее методики и методологии включает разнообразие поиска в области классификации художественных средств, номенклатуры и характеристики английских языковых стилей, что привносит новые ракурсы в рассмотрение сущности анализируемых явлений, демонстрируя их закономерную взаимосвязь. В работе Ю. М. Скребнева показана «гибридная» сущность эпитета как выразительного стилистического средства: МЭ более всего противопоставлен стилистически нейтральному определению. Эпитет обладает семасиологическими характеристиками и интерпретируется как «фигура замещения», поскольку проявляет признаки, например, метафоры, метонимии или иронии, с одной стороны, и связан с разделом синтаксиса, обладая разнообразием структурного построения, с другой стороны. [Скребнев, 2003. С. 100]. Таким образом, эпитет рассматривается как часть парадигматической стилистики и как часть синтагматической стилистики. Данный подход позволяет дополнить перечень признаков МЭ.

Объектом нашего исследования является МЭ, выделяемый на основании парадигматического подхода, подразумевающего «не значения языковых единиц как таковых, а стилистические функции значений в условиях окказиональной, необычной предметной отнесенности их носителей – языковых единиц любого значимого уровня (слов, словосочетаний, предложений)» [Скребнев, 1975. С. 116].

Метафора выступает как сложный разноплановый семантический прием, широко употребляемый в различных функциональных стилях. В ней предметно-логическое и контекстуальное значения слова пересекаются на основе сходства [Бент, 2011; Макарова, 2005; Оганьян, 2006, Сазонова, 1984]. А. М. Оганьян большое значение уделяет контексту, в котором употреблено слово, утверждая, что «только в контексте предложения слова могут получать переносные значения. Индивидуальное метафорическое значение слова не может быть заранее подготовленным в словаре» [Оганьян, 2006. С. 93]. И. Р. Гальперин отмечает, что часто в эпитете оценочная функция подчинена функции создания образности и это «становится особенно очевидным, когда эпитет метафорический, т. е. когда в качестве эпитета употребляется метафора» [Гальперин, 1958]. Следовательно, созданный «образ требует разъяснения, толкования, анализа» [Там же.].

Таким образом, МЭ может рассматриваться как часть метафоры. Его главное назначение – характеризовать определяемые предметы или явления в иносказательном плане, на основе пе-

реносного значения слова, характеризующего объект переносимого значения. В данной статье мы относим МЭ к разновидности имплицитных метафор, так как их образность проявляется в результате семантической актуализации атрибутивных элементов вokkaциональном контексте определяемого слова.

2. Метафорический эпитет в создании образа пространства. Отражение внутреннего мира героини

Британский литературовед Г. Гримсдич в своем исследовании творчества Т. Гарди рассматривает критерии художественности романистики английского писателя и представляет его как уникальное явление в культурном пространстве Британии. Критик отмечает особую функциональность художественной детали в пейзажах писателя и считает, что мастерское использование метафоры в описании погодных условий или времени суток отражает эмоциональное состояние персонажей. Таким образом, одним из аспектов в осмыслении картин природы в романе Т. Гарди является подтекст и представление места события как действующего лица драмы [Grimsditch, 1966]. Современные исследователи выражают аналогичное мнение относительно пространства и роли выразительных языковых средств его образного описания [Šejvlová, 2022]. Особенно акцентируется роль метафоры в создании «символического пространства как отражения внутреннего состояния» героев [Кукарская, 2015. С. 119].

Ярким выразительным средством языка Т. Гарди является МЭ, в основе которого лежит образно-метафорическое значение при сравнении с нейтральной семантикой используемой лексемы. МЭ способствует созданию многочисленных предметно-пространственных деталей, благодаря чему создается богатый мир самого произведения.

Художественное пространство может проявляться на различных аренах действия [Головкин, 2022; Гончарова, 2014]. Материалом для создания образа пространства в данной статье послужили примеры эпитетов различной морфолого-синтаксической структуры, встречающиеся в главе LVIII романа Т. Гарди (1840–1928) «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (*Tess of the D'Urbervilles*), события которой происходят на территории исторического заповедника [Hardy, 1986. P. 480–487]. Данный отрывок выбран как образец наблюдения за функционированием МЭ в создании образа пространства как зеркала внутреннего состояния героини, Тэсс, привлекательной молодой девушки с нелегкой судьбой.

Во время побега Тэсс скрывается от полиции в сопровождении Энджела Клэра, типичного викторианского джентльмена с соответствующим происхождением, воспитанием и набором черт английского национального характера:

They had proceeded thus gropingly two or three miles further when on a sudden Clare became conscious of some vast erection close in his front, rising sheer from the grass. They had almost struck themselves against it.

“What monstrous place is this?” said Angel.

“It hums”, said she. “Hearken!” (Hardy, 1986. P. 483).

Описание пейзажа мегалитического сооружения начинается с использования автором МЭ с экспрессивно-оценочной окраской «холода, твердости, бесплодия» (*rising sheer, monstrous place*), свойственного камню, символизируя тему рока в трагической судьбе человека, что характерно для викторианского романа. Далее по тексту картина вековой нерушимости исторического памятника передает оттенки авторского настроения и восприятия его как объекта национально-культурной гордости:

The next pillar was isolated; others composed a trilithon, others were prostrate, their flanks forming a causeway wide enough for a carriage; and it was soon obvious that they made up a forest of monoliths grouped upon the grassy expanse of the plain (Hardy, 1986. P. 484).

Одновременно описывая величие менгиров (*isolated pillar, trilithon, prostrate, a causeway wide enough, forest of monoliths*), Г. Гарди подчеркивает безысходность человека перед безмолв-

ной силой камней. МЭ *forest of monoliths* полифункционален: он служит конкретизации представления, эстетической выразительности и риторической цели – подчеркиванию бескомпромиссности поворотов судьбы для главной героини романа.

В последовательном описании пейзажных деталей начинается проследиваться появление МЭ, которые отражают сложные переживания девушки. Каменные сооружения Стоунхенджа приобретают характеристики жизненной силы:

Feeling sideways they encountered another tower-like pillar; square and uncompromising as the first; beyond it yet another and another (Hardy, 1986. P. 484).

Эпитет *uncompromising* выражает проявление нежелания идти на уступки путем изменения своих взглядов и символизирует энергию, которую впитывает героиня от «родных камней», что наделяет ее решимостью и вселяет стойкость перед предстоящим арестом. Благодаря этим деталям Гарди удается донести оттенки простых, но сильных чувств, предсказывая внешние признаки дальнейшей судьбы героини:

The couple advanced further into this pavilion of the night till they stood in its midst.

“It is Stonehenge!” said Clare .

“The heathen temple, you mean?”

“Yes, Older than the centuries; older than the D’Urbervilles! Well, what shall we do, darling? We may find shelter further on” (Hardy, 1986. P. 484).

Лексемы *temple, shelter* демонстрируют логическую связь между архитипическими концептами «природа» и «дом». Природа, как языческая ипостась, представленная в данном тексте противоположной стороной фанатичной веры, покровительствует героине:

“One of my mother’s people was a shepherd hereabouts, now I think of it. And you used to say at Talbothays that I was a heathen. So now I am at home» (Hardy, 1986. P. 484).

Тэсс знает, что ее семья, мать, отец, герои на мызе Тэлботейс, а также она сама, рожденная в семье язычников, – средоточие языческой веры. Стоунхендж выступает в замысле автора как аллюзия к язычеству и представляет собой символ рая¹.

По мере развития автором темы получения защиты от менгиров появляются эпитеты тепла, исходящего от камней, на один из которых прилегла Тэсс (*oblong slab, sheltered from the wind by a pillar, the action of the sun, the preceding day, the stone was warm and dry, comforting contrast*). Наступает рассвет – предвестник и символ нового и светлого будущего (*a level streak of light, uniform concavity of black cloud, the coming day, towering monoliths and trilithons began to be blackly defined*). Трагический конец героини символизирует робкий свет надежды: символический пример стоической и осознанной встречи с полицейскими и готовности к выполнению их требований:

The band of silver paleness along the east horizon made even the distant parts of the Great Plain appear dark and near; and the whole enormous landscape bore that impress of reserve, taciturnity, and hesitation which is usual just before day (Hardy, 1986. P. 486).

МЭ (*the Great Plain*) в качестве топонима символизирует английское общество как некую целостность, неразрывно связанную с природой. Стоунхендж, представленный завуалированно рядом эпитетов (*the band of silver paleness, east horizon, distant parts of the Great Plain, dark and near*), открывается огромным пейзажем (*enormous landscape*), оповещает о восходящем

¹ Согласно индоевропейской мифологической традиции, легенда Гальфрида Монмутского гласит, что честь постройки Стоунхенджа принадлежит магу Мерлину. Король бриттов Амброзий Аврелий решил увековечить память своих подданных, предательски убитых саксом Хенгистом. Аврелий хотел, чтобы памятник представлял собой невиданное сооружение, и тогда он обратился к прорицателю Мерлину. Последний предложил перенести в Британию камни из Кольца Великанов, которое находится на горе Килларао в Ибернии (Ирландии). Войско бриттов высадилось в Ирландии, разгромило дружину ибернийского короля Гилломаурия и захватило Кольцо Великанов. Мерлин измыслил собственные орудия, способные доставить камни, и установил эти камни на территории жертв Хенгиста «не иначе, чем они были расставлены на горе Килларао в Ибернии, и доказал тем самым, что разум сильнее мощи» [ЯБЗЕ, 2005. С. 542–543].

солнце в признаках безмятежности и безмолвия, характерных для рассвета (*reserve, taciturnity, hesitation*). Утреннее затишье символизирует переход психологического состояния героини на волну умиротворенности и самообладания, являясь результатом смиренного принятия ею неотвратимого трагического конца. Сам Стоунхендж девушка воспринимает как родной дом, он обеспечивает ей связь с ее предками, окутывает ее теплом первых солнечных лучей и передает ей энергию и силы принять роковое обстоятельство². Герои оказываются возле камня жертвоприношений:

The eastward pillars and their architraves stood up blackly against the light, and the great-shaped Sun-stone beyond them, and the Stone of Sacrifice midway. Presently the night wind died out, and the quivering little pools in the cup-like hollows of the stones lay still (Hardy, 1986. P. 486).

Девушка, оказавшись перед древним жертвенником (*the Stone of Sacrifice*), как бы признается в совершенном против Бога преступлении. Эпитет *the great-shaped Sun-stone* служит аллюзией к главному божеству языческой веры³. Он находится в расположении «за» героиней, словно благословляет ее принести себя в жертву лучшей будущности (*the night wind died out*). Неслучайно появляется мотив воды (*quivering little pools, cup-like hollows of the stones lay still*), которая как образ в мировом культурном наследии, в том числе в художественной литературе, неизменно связана с образом, символизирующим жизнь:

She stood up, shook herself, and went forward, neither of the men having moved.

“I am ready”, she said quietly (Hardy, 1986. P. 487).

Тэсс, как истинно верующая героиня романа, обретает покой в родной долине (*said quietly*), первоначально представшей для нее как нечто зловещее (*monstrous place*) и незаметно приобретшей статус родины (*now... at home*). Скрытая диада смысловых векторов символизирует гуманизм автора в его симпатии к народу, убедительном отражении трагедии простого человека, в мятежном духе которого добро побеждает зло.

Заключение

В заключение можно сделать выводы о том, что место одного из завершающих событий (арест главной героини) в нарративе всего повествования имеет принципиальное значение, стирая границы между описанием физического мира и эмоционально-психологического состояния женщины.

Образ пространственности у Т. Гарди приобретает символическое значение, позволяя читателю воспринимать сущность происходящего события и сложность внутренних переживаний героини. Это свойство пространственного видения делает индивидуально неповторимыми мотивы любви, обреченности и земной радости бытия, скованного ханжескими условностями пуританской этики, воспринятые писателем из викторианской традиции.

Изучение функционирования МЭ в описании пространства, представляющего национально-культурную ценность, рассматривается как место психологической защиты героини и приобретения ею стойкости принятия трагической судьбы. Одно из самых известных культовых

² Легенды периода Короля Артура, описанные Джеффри Монмутским (XII в.) в хрониках *Prophetiae Merlini* ('Prophecies of Merlin'), *Historia Regum Britanniae* ('History of the Kings of Britain') и повествовательной поэме *Vita Merlini* ('Life of Merlin') содержат много вымышленного. Стоунхендж оказался тайной для последующих поколений, но остался в народной памяти как удивительный объект инженерной мысли. В 1923 г. геолог Герберт Томас установил, что голубые камни Стоунхенджа были доставлены из Уэльса [Johnson, 2008].

Примечателен тот факт, что археолог Р. Аткинсон (сторонник скептической теории о мифических учениях происхождения данного памятника) на основании проводимых им в 1950-х гг. раскопок убедился, что связь между легендами и фактом является удивительной настолько, что ее нельзя ассоциировать лишь как простое совпадение (*the correspondence between the legend and the fact is so striking that it cannot be dismissed as mere coincidence*) [Johnson, 2008. P. 41].

³ Ориентация мегалитов Стоунхенджа по оси северо-восток – юго-запад позволяют предположить, что это сооружение использовали как астрономическую обсерваторию и как храм солнечного божества [ЯБЗЕ, 2005. С. 543].

сооружений в мире, археологический памятник (*Stonehenge*), представляемый первоначально как место одиночества и отчуждения, акцентирует чувство смятения, тревоги и беспокойства главной героини.

В то же время постепенно увеличивающееся по ходу развития сюжета число МЭ с положительной коннотацией в описании мегалитического сооружения и наступающего рассвета символизирует философское понимание героиней трагического конца и появление нового будущего как логического завершения великой жизненной эпопеи. Приращение смысла у эпитетов с положительной эмоциональной окраской при их интеграции в художественное пространство романа позволяет говорить о двойственной функции МЭ. С одной стороны, они необходимы для общего эмоционального фона, поэтизации любимой автором природы. С другой стороны, эпитеты способствуют формированию адекватного представления об образе героини, которая ложится на алтарь, добровольно принося себя в жертву, принимая тем самым неотвратимый исход судьбы.

Изучение функционирования ЭМ в детальной характеристике художественного пространства показало наличие в нем психологической составляющей, неотделимой от чувств и переживаний главной героини. Обилие языковых средств передачи красок, оттенков, звуков жизни в художественном пространстве романа позволяют автору отобразить характер и динамику человеческой страсти. Тонкие зарисовки природы отражают отношение самого автора к своей героине как к человеку, обладающему душевной чистотой и природным очарованием.

Британский литературовед Ф. Маллет в монографии о жизни и творчестве Т. Гарди констатирует, что художественный мир писателя построен на высоком уровне подготовки в таких областях знаний, как классовая сущность, образование, фольклор, археология и антропология, теория эволюции, вопросы брака и семьи, категории гендера, имперский тип государственности и искусства [Mallett, 2013]. Так, в заданном отрывке образ автора крупнейшего писателя проявляется в одной из важнейших тем его творчества, связанной с сельской и провинциальной Англией, что отражает истинную народность писателя.

Таким образом, изучение функционирования ЭМ в тексте может послужить когнитивным инструментом в раскрытии нравственной силы и духовного богатства героев, способствуя лучшему пониманию идейного замысла писателя, его эстетических воззрений, общественной позиции, а также своеобразия его личности в контексте определенной исторической эпохи и литературных традиций.

Список литературы

- Аникина Э. М.** Интертекстуальность в лингвистическом ракурсе // Вопросы филологии. 2020. № 2(70). С. 71–78.
- Арнольд И. В.** Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2010. 383 с.
- Бент М. М.** Метафора в поэзии Томаса Стернза Элиота 1910–20-х гг. в свете его эстетической теории: Дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011. 287 с.
- Васильева В. В.** Акватическое мифотворчество в прозе писательниц британского модернизма. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т путей сообщения, 2021. 200 с.
- Гальперин И. Р.** Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1958. 460 с.
- Головко Е. В.** Стилистические приемы и собственно языковые средства создания образов сельских домов в романе Д. Г. Лоуренса «Радуга» / В сб. Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы // Материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2022. С. 93–100.
- Гончарова Н. Ю.** Образ английского сада в британском романе XX века как объект филологического анализа: Дис. ...канд. филол. наук. Самара, 2014. 175 с.
- Горжая А. А.** Психологическая женская проза как объект исследования // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 2. С. 175–181.

- Крючкова К. А.** Стилистические средства в создании образа Хитклифа Хиндли в романе Эмили Бронте «Грозовой перевал» // Студенческий форум. 2020. № 19-1 (112). С. 6–8.
- Кукарская О. В.** Способы создания дискурса модернизма (на материале рассказов С. Беккета) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-4 (54). С. 119–122.
- Макарова О. А.** Метафора в британской и американской литературе XX века в свете когнитивной лингвистики: Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 168 с.
- Оганьян А. М.** Метафора как основной троп поэтической речи (на материале англоязычной поэзии XX века): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 206 с.
- Сафонова Е. Б.** Образные средства как компонент структуры художественного текста: на материале метафор и метафорических эпитетов в произведениях Р. П. Уоррена: Дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1984. 188 с.
- Самородническая Е. И.** Викторианский роман как жанр: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2021. № 10. С. 173–186.
- Сафарова З. А. Г.** Пространство события в романах Генри Джеймса // Ученые записки Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2023. Т. 9. № 2. С. 73–82.
- Скребнев Ю. М.** Очерк теории стилистики. Горький: Горьковский гос. пед. ин-т иностр. языков им. Н. А. Добролюбова. 1975. 175 с.
- Скребнев Ю. М.** Основы стилистики английского языка. 2-е изд., испр. М., 2003. 222 с.
- Толстых О. А.** Английский постмодернистский роман конца XX века и викторианская литература: интертекстуальный диалог (на материале романов А. С. Байетт и Д. Лоджа): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.
- Чалая Ю. П.** Глобальный вертикальный контекст эпохи в переводе викторианских романов // Успехи гуманитарных наук. 2020. № 3. С. 201–205.
- Amaliyah N., Prastiwi Y.** Defense Mechanisms in Emily Bronte's *Wuthering Heights*: How Catherine Earnshaw Deals with Egocentricity // *Journal of Language and Literature*. 2022. No. 1. P. 73–82.
- Grimsditch Herbert B.** *Character and environment in the novels of Thomas Hardy*. New York: Haskell House, 1966. 188 p.
- Johnson A.** *Solving Stonehenge: the new key to an ancient enigma*. London: Thames & Hudson Ltd., 2008. 288 p.
- Kramer, D.** *Tess of the D'Urbervilles*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 127 p.
- Mosavat M.** Poetics of Love in Henry James's *The Beast in the Jungle* // *Journal of Language and Literature*. 2022. No. 1. P. 256–258
- Šejvlová K.** Space and its connection to characters in Thomas Hardy's novels. Prague: Charles University Press, 2022. URL: <https://invenio.nusl.cz/record/456444> (дата обращения: 05.01.2024).

Список источников

Hardy Th. *Tess of the D'Urbervilles*. New York: Penguin Books, 1986. 535 p.

Энциклопедии

Языческие божества Западной Европы. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. 800 с.

References

- Amaliyah N., Prastiwi Y.** Defense Mechanisms in Emily Bronte's *Wuthering Heights*: How Catherine Earnshaw Deals with Egocentricity. *Journal of Language and Literature*, 2022, no. 1, pp. 73–82.
- Anikina E. M.** Intertextuality: linguistic aspect. *Journal of Philology*, 2020, no. 2(70), pp. 71–78. (in Russ.)

- Arnold I. V.** Stylistics. Modern English: textbook for students. Moscow: Flinta Publ., 2010, 383 p. (in Russ.)
- Bent M. M.** Metaphor in the poetry of Thomas Stearns Eliot of the 1910s and 20s in the light of his aesthetic theory. Thesis Cand. Phil. Sci. Yekaterinburg, 2011, 287 p. (in Russ.)
- Chalaya Yu. P.** Global vertical context of the era in the translation of Victorian novels. *Modern Humanities Success*, 2020, no. 3, pp. 201–205. (in Russ.)
- Galperin I. R.** Essays on the style of the English language. Moscow, Publ.: House of Literature in Foreign Languages, 1958, 460 p. (in Russ.)
- Golovko E. V.** Stylistic means and language devices of creating the image of rural lodgings in the novel *The Rainbow* by D. H. Lawrence. In: *Higher Humanitarian Education in XXI Century: Problems and Perspectives. Papers from XVII-th International Conference*. Samara, 2022, pp. 93–100. (in Russ.)
- Goncharova N. Yu.** The image of the English garden in the British novel of the XX century as an object of philological analysis. Thesis Cand. Phil. Sci. Samara, 2014, 175 p. (in Russ.)
- Gorzhaya A. A.** Psychological female prose as an object of research. *Humanities and Law Research*, 2020, no. 2, pp. 175–181 (in Russ.)
- Grimsditch Herbert B.** Character and environment in the novels of Thomas Hardy. New York, Haskell House, 1966, 188 p.
- Johnson A.** Solving Stonehenge: the new key to an ancient enigma. London, Thames & Hudson Ltd., 2008, 288 p.
- Kramer D.** Tess of the D'Urbervilles. Cambridge University Press, 1991, 127 p.
- Kryuchkova K.** Stylistic devices in creating the image of Heathcliff Hindley in the novel *Wuthering Heights* by Emily Bronte. *Students Forum*, 2020, no. 19-1, pp. 6–8. (in Russ.)
- Kukarskaya O. V.** Ways of creating discourse of modernism (by the material of S. Becket's stories. *Philology. Theory&Practice*, 2015, no. 12-4 (54), pp. 119–122. (in Russ.)
- Makarova O. A.** Metaphor in twentieth-century British and American Literature in the light of cognitive linguistics. Thesis Cand. Phil. Sci. Samara, 2005, 168 p. (in Russ.)
- Mosavat M.** Poetics of Love in Henry James's *The Beast in the Jungle*. *Journal of Language and Literature*, 2022, no. 1, pp. 256–258.
- Oganyan A. M.** Metaphor as the main trope of poetic speech (based on the material of English-language poetry of the XX century). Thesis Cand. Phil. Sci. Moscow, 2006, 168 p. (in Russ.)
- Sazonova E. B.** Figurative means as a component of the structure of a literary text: based on the material of metaphors and metaphorical epithets in the works of R.P. Warren. Thesis Cand. Phil. Sci. Leningrad, 1984, 188 p. (in Russ.)
- Samorodnitskaya E. I.** The Victorian novel as a genre, an issue statement. *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, Series, 2021, no. 10, pp. 173–186. (in Russ.)
- Safarova Z. A. G.** The event space in Henry James novels. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 2023, vol. 9, no. 2, pp. 73–82. (in Russ.)
- Šejvlová K.** Space and its connection to characters in Thomas Hardy's novels. Prague: Charles University Press, 2022 [online]. URL: <https://invenio.nusl.cz/record/456444> (accessed: 05.01.2024).
- Skrebnev Yu. M.** An essay on the theory of stylistics. Gorky, 1975. Publ.: Gorky State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after N. A. Dobrolyubov. 175 p.
- Skrebnev Yu. M.** The basics of the English Stylistics. Moscow, Astrel Publ., ACT Publ., 2003, 222 p. (in Russ.)
- Tolstyh O. A.** English Postmodern novel of the late 20th century and Victorian literature: Intertextual dialogue (based on the novels by A. C. Bayett and D. Lodge). Thesis Cand. Phil. Sci. Ekaterinburg, 2008, 24 p. (in Russ.)
- Vasilieva Yu. Yu.** Aquatic mythmaking in the British modernist women's prose. Ekaterinburg: The Ural State University of Railway Transport Publ., 2021, 200 p. (in Russ.)

List of Sources

Hardy Th. Tess of the D'Urbervilles. New York, Penguin Books, 1986, 535 p.

Encyclopedias

Pagan deities of Western Europe. Moscow, Eksmo Publishing House; St. Petersburg: Midgard, 2005, 800 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Нуриева Наиля Сунгатовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Английский язык для приборостроительных специальностей» факультета «Лингвистика» МГТУ им. Н. Э. Баумана

Труфанова Наталия Олеговна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Английский язык для приборостроительных специальностей» факультета «Лингвистика» МГТУ им. Н. Э. Баумана

Information about the Authors

Nailya S. Nurieva, Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor of the Department of English for Industrial Engineering, Bauman Moscow State University

Natalia O. Troufanova, Cand. Sc. (Philolog.), Associate Professor, Head of the Department of English for Industrial Engineering, Bauman Moscow State Technical University

Статья поступила в редакцию 13.03.2024;

одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 05.07.2024

The article was submitted 13.03.2024;

approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 05.07.2024

Научная статья

УДК 811.512.3

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-60-73

Реализация семы вдохновения в корневой морфеме *ur-* в монгольских языках

Гунсэма Нимбуевна Чимитдоржиева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия

ch.gunsema@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3309-4280>

Аннотация

На материале монгольских языков сопоставляются и анализируются семантические связи слова *urm-a* ‘вдохновение, подъём (духа), хорошее настроение’ с лексическими единицами, имеющими общий корневой элемент *ur-/ür-*. Цель исследования – определить мотивирующие факторы, способствующие номинации такого эмоционального состояния, как вдохновение, и выявить ряд семантически взаимосвязанных смежных лексико-семантических групп. Так, в работе представлено осмысление фонетико-семантической корреляции в словах с общим корневым элементом *ur-/ür-*, которое позволяет объяснить звуковую сенсорную реакцию в ответ на внутреннее ощущение подъёма сил и энергии как проявление психофизиологии посредством звукоизобразительных номинаций и как перенос ощущений на эмоциональную сферу при номинации того или иного явления. Акустико-артикуляционные особенности дрожащего сонанта [r] (удар, энергия, сила, импульс, движение) явились мотивирующими для номинации физиологического ощущения движения внутренней силы, энергии в монгольских языках. В качестве фактического материала для исследования послужили данные словарей старописьменного монгольского (примеры представлены в словарях Kow., БАМРС), халха-монгольского, бурятского, калмыцкого языков.

Рассматриваются монгольские слова от основы *urta-* и круг словарных толкований ключевых слов, представленных в монголоязычной лексикографии, которые вербализируют такое эмоциональное состояние субъекта, как *вдохновение* (*сила, подъем духа, желание*), проиллюстрированы словообразовательные ряды для передачи богатой смысловой палитры этого состояния. Также в работе представлены синонимы понятия ‘вдохновение’ с сонантом [r] в корне: п.-мо. *sür* ‘величие; сила, мощь’; п.-мо. *ǰoriγ* ‘смелость; сила воли; стремление’, п.-мо. *ǰirüken* ‘сердце; душа; мужество, храбрость’. Подъем внутренних сил как один из факторов звуко-символической природы корневого согласного [r] стал основным в установлении и описании лексических единиц, которые своей звуко-смысловой оболочкой и содержанием взаимосвязаны и объединяются по тематическим группам: *подъем* (*рост, движение вверх* – *ergü-* ‘поднимать (вверх)’; *uru-* ‘расти’; *üre* ‘семя’; *orgi-* ‘бить ключом’; *orboyi-* ‘быть взъерошенным, топорщиться’ и др.), *перед* (*юг, прежде, вперед* – *uruγši* ‘вперед; на юг; успех, удача’; *urida* ‘прежде, раньше, вперед’), *быть первым* (*опережать* – *öris-* ‘опережать, предупреждать’), их соотношение друг с другом.

Ключевые слова

монгольские языки, фоносемантика, этимология, лексико-семантическая группа, корневая морфема, парные слова, эмоция

Финансирование

Исследование выполнено в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности» № 121031000258-9).

© Чимитдоржиева Г. Н., 2024

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2024, vol. 22, no. 4

Для цитирования

Чимитдоржиева Г. Н. Реализация семы вдохновения в корневой морфеме *ur-* в монгольских языках // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4. С. 60–73. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-60-73

Realization of the Seme Inspiration in the Root Morpheme *ur-* in Mongolian Languages

Gunsema N. Chimitdorzhieva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation

ch.gunsema@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3309-4280>

Abstract

The article compares and analyzes the semantic connections of the word *urm-a* ‘inspiration, uplift (of spirit), good mood’ in the Mongolian languages with lexical units that have a common root element *ur-/ür-*. The purpose of the study is to determine motivating factors that contribute to the nomination of such an emotional state as inspiration, and to identify a number of semantically interrelated adjacent lexical-semantic groups. Thus, the work presents an understanding of the phonetic and semantic correlation in words with the common root element *ur-/ür-*. It allows us to explain the sound sensory reaction in response to the internal feeling of rising strength and energy as a manifestation of psychophysiology through sound-descriptive nominations and as a transfer of feeling to the emotional sphere when nominating a particular phenomenon. The acoustic-articulatory peculiarities of the trembling sonant [r] (beat, energy, force, impulse, movement) have been motivating in the nomination of the physiological sensation of internal force and energy motion in the Mongolian languages. Lexicographic data from written Mongolian, Khalkha-Mongolian, Buryat and Kalmyk languages served as factual material for the study.

The author examines the Mongolian words derived from the stem *urma-* and the range of dictionary interpretations of key words presented in the Mongolian dictionaries, which verbalize such an emotional state of the subject as *inspiration* (*strength, uplifting spirit, desire*), illustrates word-formation series to convey a rich semantic palette of this state. The work also presents synonyms for the concept ‘inspiration’ with the sonant [r] in the root: WMo. *sür* ‘greatness; strength, power’; WMo. *joriy* ‘courage; strength of will; aspiration’, WMo. *jirüken* ‘heart; soul; courage, bravery’. The rise of internal forces as a factor of the sound-symbolic nature of the root consonant [r] has become the main one in the determining and description of lexical units, which by their sound-semantic form and content are interconnected and united into thematic groups: rise (growth, upward movement – *ergü-* ‘to raise (up)’, *uryu-* ‘to grow’, *üre* ‘seed’, *orgi-* ‘to hit with a spring’, *orboyi-* ‘to be disheveled, to puff up’, etc.), before (south, before, forward – *uruḡši* ‘forward; to the south; success, luck’, *urida* ‘before, forward’), to be first (to get ahead – *öris-* ‘to get ahead, to warn’), their relationship with each other.

Keywords

Mongolian languages, phonosemantics, etymology, lexico-semantic group, root morpheme, paired words, emotion

Acknowledgements

The article has been prepared within the framework of the state assignment (the project “The human world in the Mongolian languages: analysis of the means of expressing emotiveness”, No. 121031000258-9).

For citation

Chimitdorzhieva G. N. Realization of the Seme Inspiration in the Root Morpheme *ur-* in Mongolian Languages. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 60–73. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-60-73

Введение

Природа эмоций разнообразна по содержанию и ее проявлениям. Они выражают переживание человеком его взаимоотношений с окружающим миром. Эмоции как отражение внутренних психофизиологических потребностей проявляются в процессе когнитивной деятельности через язык. Язык располагает разнообразными средствами, способными выразить и называть

эмоции и чувства. Важное место в передаче эмоциональной сферы занимает лексика языка. Как в психологии, так и в лингвистике при описании эмоций нерешенным остается вопрос о единой классификации эмотивных состояний. В этом вопросе спорным является то, какие подходы или параметры необходимо принять в основе их разграничения: эмоция и иные синонимы (чувство, настроение, состояние, переживание), базовые и второстепенные, простые и сложные, стенические и астенические, положительные и отрицательные, активные и пассивные, по степени интенсивности, длительности и т. д. [Зуева, 2006. С. 150–151; Багдасарова, 2004. С. 6–7]. Еще больше перечень основных проблем, которые рассматриваются при разработке лингвистической концепции эмоций – от типологии эмотивных знаков до лексикографии эмотивности [Шаховский, 2009. С. 33–34].

Н. А. Багдасарова обращает внимание, что «наличие напряжения, возбуждения или противоположных им состояний вносит в эмоции существенную дифференциацию», таким образом принимая деление эмоций на два вида: возбуждающие, или повышающие (стенические), и угнетающие, или ослабляющие (астенические), жизнедеятельность организма. В подтверждение она отмечает крайние проявления сильных эмоций, которые либо сковывают человека, дезорганизуют его деятельность, и он в этом состоянии не способен что-либо сделать, либо вызывают такой подъем всех его сил, что человек становится «способным на такие достижения, до которых он никогда бы не поднялся без этого чувства. Радость, порожденная каким-нибудь значительным для личности переживанием, может вызвать прилив сил, при котором любая работа будет делаться легко» [Багдасарова, 2004. С. 6]. В настоящей работе представим вербализацию такого чувства, как вдохновение – источника позитивных переживаний.

Предметом настоящего исследования является семантическая связь круга слов, морфонологический облик в которых передает внутреннее состояние *вдохновения*, на материале монгольских языков. Вдохновение представляет собой сильное, яркое и редкое состояние подъема духовных и умственных способностей, активизации эмоционального и физического потенциала, прилив творческих сил. Оно характеризуется как возрастание внутренней активности, высокий эмоциональный подъем, творческое волнение, воодушевление, возбуждение, страсть, озарение. Это внутреннее состояние, когда поток разнообразных идей, мыслей, чувств возникает и охватывает человека, сознание проясняется и приходит понимание, каким именно образом можно решить те или иные вопросы. Прилив сил и энергии делает возможным процесс творчества быстрым, легким, однонаправленным и эффективным, нередко это состояние приводит к озарениям, инсайтам, не основанным на опыте прошлого. Традиционным считается восприятие вдохновения как приятного, облагораживающего душу состояния, которое приходит внезапно, нарушая привычное существование человека, и он более чутко начинает воспринимать окружающий мир. Человека в этом состоянии подъема внутренних ресурсов характеризуют как воодушевленного, увлеченного, окрыленного, страстного.

Цель

В настоящей статье семантико-мотивационному анализу подвергаются монгольские лексические единицы с корневой морфемой *ur-/ür-*, *or-/ör-*, фонетически и семантически связанные между собой и способствующие вербализации такого эмоционального состояния субъекта, как *вдохновение*. Мы рассмотрим специфику фоносемантической связи слов данной лексико-семантической группы с другими с привлечением словарей и исследований по монгольским языкам (с параллелями из других языков в качестве возможных диахронически тождественных соответствий или типологических параллелей). Анализ группы слов, объединенных между собой общей морфемой как общим компонентом значения (или общим семантическим ядром), позволит уточнить этимологию рассматриваемых слов, определить ряд семантически взаимосвязанных смежных лексико-семантических групп.

Изучение семантики слов как лексических единиц со своей звуко-смысловой оболочкой и содержанием, особенно объединенных общим элементом в корне и общностью родового значения, по тематическим группам ценно тем, что при семантической филиации можно будет проследить основные тенденции семантического развития и выделить лексико-семантические группы с одинаковым корневым элементом.

Материалы исследования

Для установления специфики семантической связи между монгольскими лексемами данной лексико-семантической группы мы обратились к работе Т. А. Бертагаева относительно корневых элементов *ur-* // *or-* // *ør-* и др. и их производных с категориальным этимологическим значением 'быть возведенным, выделенным, выдающимся; поднятым' [Бертагаев, 1974. С. 301–307], а также к собственным разработкам относительно корневой морфемы *bur-/pur-* и др. в монгольских языках [Чимитдоржиева, 2017]. Фактический материал для исследования был отобран из монголоязычных словарей – «Монгольско-русско-французский словарь», составленный О. Ковалевским [1849], «Большой академический монгольско-русский словарь» [Т. I–III, 2001; Т. IV, 2002], «Бурятско-русский словарь» в 2 т. [2010], «Калмыцко-русский словарь» [1977], по другим языкам алтайской группы языков – «Древнетюркский словарь» [1969], «Этимологический словарь тюркских языков» [1974], Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков [Т. I, 1975; Т. II, 1977], «Этимологический словарь алтайских языков» [2003].

Результаты

Непосредственный сенсорный опыт человека касается не только внешних тактильных проявлений, но и тех или иных внутренних ощущений при выражении эмоционального состояния денотата, как приятных, так и неприятных. В работе предлагается анализ монгольских лексем с общим корневым элементом *ur-/ür-*, *or-/ör-*, содержащим перцептивную информацию о внутреннем ощущении подъема или прилива сил и энергии. Акустико-артикуляционные характеристики дрожащего сонанта [r] корневого элемента способствуют вербализации этого сенсорного ощущения силы. С. В. Воронин определяет звук [r] как фреквентатив, который на акустическом уровне обозначает очень быструю последовательность (серию) ударов (импульсов), при этом воспринимается психоакустически как длительный дрожащий звук, а лингвистически – как вибрант [Воронин, 2004. С. 74]. При ударе (взаимодействии тел) происходит перераспределение энергии, обусловленной ее движением, а импульс есть, собственно, характеристика этого движения [Трофимова, 2013. С. 20, 40]. В биологии, физиологии импульс (нервный) (лат. *impulsus* 'удар, толчок') определяется как 'волна возбуждения, распространяющаяся по нервному волокну; единица распространяющегося возбуждения' [БМЭ]¹. Такие акустические особенности этого звука (удар, энергия, сила, импульс, движение) явились мотивирующими для номинации физиологического ощущения внутренней силы (или духа) в монгольских языках.

Т. А. Бертагаев в упомянутой работе приходит к выводу, что в корне **ur-* / *or-* содержится «интуитивное ощущение имплицитных значений» 'впереди, восходящее, возвышающееся, будущее, растущее, произрастающее', на основе которого представляет этимологическую связь лексем *урма* 'вдохновение', *ургах* 'расти', *урагш* 'юг, к югу', *уриа* 'призыв', *урьгих* 'подниматься, клубиться', *орой*, *оргил* 'вершина', *ørгөх* 'поднимать вверх' и др. [Бертагаев, 1974. С. 302–303]. Исследователь определяет смысловые ветви между словами и группами слов с одним и тем же корневым элементом, доказывая на примерах, что «фонематические дериваты созда-

¹ Большая медицинская энциклопедия. URL: https://бмэ.орг/index.php/НЕРВНЫЙ_ИМПУЛЬС (дата обращения: 13.03.2024).

ют большое количество производных, составляющих весьма солидную гнездовую, или этимологическую, дистрибуцию к данному корневному элементу. При этом все производные и непроизводные, входящие в данное гнездо, группируются вокруг общего гнездового значения, ... поскольку им в той или иной степени пронизаны все образования данного гнезда» [Бертагаев, 1974. С. 297–298]. В. И. Цинциус также отмечала в своей работе, что для этимологических исследований «...необходимо сочетание разработки лексики как по тематическим группам, так и по семантическим классам, т. е. по гнездам однокоренных слов» [Цинциус, 1979. С. 12].

В фоносемантическом исследовании лексем в монгольских языках Е. В. Сундуева приходит к заключению, что акустико-артикуляционные характеристики дрожащего сонанта [r] корневого элемента обозначают некоторые внутренние телесные ощущения ‘возбуждение, дрожь; напряжение, сила; вздрогнуть, встрепенуться, трепетать, содрогаться’, которые стали исходным значением для большого количества корней с данным согласным (VCr; CVCr; VCrC; CVCrC) и способствовали выражению психоэмоционального состояния денотата. Эти ощущения возникают в полярных состояниях, потому эти корни содержат семы достаточно обширного эмоционального спектра: блаженство, удовольствие, счастье, радость, веселье; сила, мощь; желание, охота, вдохновение, возбуждение, страсть, стремление; страх, ужас, испуг, стыд; гнев; ревность, зависть; жадность и др. [Сундуева, 2011. С. 266–285].

В качестве базовой лексемы с основным значением ‘вдохновение’ мы определяем слово *urm-a* для изучения семантики слов с корневым элементом *ur-/ür-, or-/ör-* в монгольских языках. Авторы «Этимологического словаря алтайских языков» для пмонг. **urma* ‘вдохновение, энтузиазм’ приводят параллели из птунг. **uri* ‘радоваться, веселиться; быть в хорошем настроении; восторгаться, восхищаться; прийти в восторг, получить удовольствие’ [ССТМЯ, II, 1977. С. 288], птюрк. **ira* ‘характер человека; нрав; образ мышления; духовные возможности человека; настроение; душевное состояние; проявление чувств’ [ЭСТЯ, 1974. С. 659–660] и пяп. **urià-* ‘веселый, радостный’ с пометкой, что это «один из многочисленных общих алтайских терминов для выражения эмоций» [EDAL, 2003. С. 621–622].

Монголоязычная лексикография содержит следующие лексические единицы: п.-мо. *urm-a* ‘сила; душевное расположение, охота’, *urmas* ‘сила, мужество, храбрость’ → *urmatai* ‘сильный, неутомимый’, *urmastai* ‘сильный, мужественный, смелый, храбрый’, *urmaši-* ‘быть сильным, мужественным, смелым, храбрым’, *urmašiγul-* ‘внушить мужество, ободрить’ [Kow., 1849. С. 468], ойр. *урма*, *урмад* ‘подъем духа, хорошее настроение; интерес к чему-л.’ [Тогаева, 2001. С. 357], орд. *urma*, *urmas*, дунс. *uruma* [EDAL, 2003. С. 621] ‘вдохновение; энтузиазм’; мо. *урам* ‘настроение; вдохновение; ободрение; увлечение; довольство; присутствие духа; охота, желание’ [БАМРС, III, 2001. С. 340], мо. *урамс* ‘присутствие духа, хорошее настроение; желание, охота’ [БАМРС, III, 2001. С. 341]; бур. *урма(н)*, *урмас* ‘подъем (духа), хорошее настроение; охота к чему-л.; жизнерадостность; присутствие духа, самообладание; фольк. благодать, слава, сила’ [БРС, II, 2010. С. 305]; калм. *урмд*, *урмдлнн* ‘вдохновение; стимул; интерес; влечение’ [КРС, 1977. С. 536; РКС, 1964. С. 55]. В монгольском толковом словаре приведены некоторые примеры из фольклорного фонда: *урмыг нь хугалахаар ууцыг нь хугалах* букв. ‘лучше кость сломать, чем дух сломить’; *урмын дөл дээр баярын тос нэмэх* букв. ‘добавить масла радости в пламя вдохновения’ [МХТТ, 2014. С. 1271].

Парные сочетания основной лексемы *урам* (*урма(н)*, *урмд*) с последующими *зориг* ‘смелость; сила воли; стремление’ и *баяр* ‘радость’ дополняют лексическую серию ‘вдохновение’: мо. *урам зориг* ‘воодушевление; уверенность’ (→ *урам зоригтон* ‘энтузиасты’), *урам зориг оруулах* ‘ободрять, поддерживать дух’, *урам зориг төрөх* ‘воодушевляться’ [БАМРС, III, 2001. С. 340], бур. *урма зориг*, *урма баяр* ‘подъем (духа), хорошее настроение’ [БРС, II, 2010. С. 305]. *Уулзана биз хэмээн санагдаж урам зориг нь бадрав* (Галбын говьд. Б. Чойндон, 1974)²

² Для примеров из монгольской художественной литературы использованы материалы сайта «Монгол хэлний их тайлбар толь». URL: <https://mongoltoli.mn/dictionary/detail/96518> (дата обращения: 13.03.2024).

‘Вспомнились слова о том, что наверняка встретимся, и оживился’ (здесь и далее перевод наш. – Г. Н.); *Шэг шарайнь урма баяраар дүүрэн (Хүлэг инсагаална. Д. Эрдынеев, 1974)*³ ‘Его лицо было преисполнено радости’. В корпусе бурятского языка встречается синонимичное парное сочетание *урма сэдхэл*, где *сэдхэл* ‘мысль; настроение; душа’: *Мун уншагшадайшые урма сэдхэл, ухаан бодолдо нангин мэдэрэл бүхөөр хадугадаха бэээ (Нангин мэдэрэл түрүүлнэ. Ц. Ж. Жамбалов)* ‘Также может крепко запасть в душу и разум читателей сакральное сознание’. В толковом словаре монгольского языка фиксируется редуцированное сочетание *урам турам* ‘подъём духа, хорошее настроение’ [МХТТ, 2014. С. 1271].

Чаще всего данная лексема в монгольском языке сочетается с глаголами *орох* ‘входить, заходить’ – *урам орох* ‘ободряться, становиться бодрым; получать стимул; воспрянуть духом, ободриться’ → *урам орсон* ‘вдохновенный’ и *оруулах* ‘вводить, вносить, впускать’ – *урам оруулах* ‘поднять дух, настроение’ → *урам оруулагч* ‘вдохновитель’. Семантические возможности лексической единицы возрастают в сочетаниях с другими глаголами, в значениях которых заложен в основном потенциал расширения, увеличения, приумножения – *урам нэмэх / урам хайрлах* ‘ободрять, вдохновлять, поддерживать дух’, где *нэмэх* ‘прибавлять, добавлять, дополнять’, *хайрлах* ‘любить; жалеть; беречь; жаловать, оказывать милость, даровать’; *урам засах* ‘поднять настроение’ с глаголом *засах* ‘устраивать, приводить в порядок; исправлять, поправлять, налаживать’; *урам сэргэх* ‘воспрянуть духом’, где глагол *сэргэх* означает ‘воспрянуть, оживиться; пробуждаться; ободряться; освежаться’, а в сочетании с его побудительной формой *сэргээх* ‘пробуждать; приводить в чувство; оживить; возбуждать; ободрять, веселить; восстанавливать, обновить’ и глаголом *хөгжөөх* ‘возбуждать охоту, усиливать, стимулировать, разжигать’ зафиксированы в языке устойчивые сочетания – *урам сэргээх / урам хөгжөөх* ‘воспарять, воспарить духом (душою, мыслью)’ [БАМРС, III, 2001. С. 340]. При этом в бурятском языке сочетания с перечисленными глаголами не обнаруживаются, а общее значение ‘поднять настроение, становиться бодрым’ реализуется в сочетании лексемы *урман* в форме совместного падежа со вспомогательным глаголом *болохо* ‘становиться, делаться’ (*урматай болохо* ‘получать стимул, загораться желанием’) и его побудительной залоговой формой *болгохо* ‘делать кого-л. кем-чем-л.; превращать что-л. во что-л.’ (*урматай болгохо* ‘поднимать чье-л. настроение; стимулировать’) [БРС, II, 2010. С. 305].

Смысловый ряд для выражения противоположного значения утраты вдохновения, интереса, духа дополняется в основном сочетанием лексемы *урам* с глаголами мо. *хугалах*, бур. *хухалха* ‘ломать’ и мо. *хугарах*, бур. *хухарха* ‘ломаться’ – *урам хугалах* ‘лишить присутствия духа’, *урмы нь хугалах* ‘сломить дух; отбить охоту у кого-л. к чему-л.; оскорбить чьи-л. чувства’, *урам хугарах* ‘разочаровываться; падать духом; отчаиваться; встать с левой (не с той) ноги’ [БАМРС, III, 2001. С. 340]. В бурятском языке присутствуют и другие фразеологические варианты в сочетании с основной лексемой: *урмаа* (или *урма зоригоо*) *хухарха* (или *таһарха* ‘рваться; прекращаться’) ‘расстраиваться, разочаровываться; падать духом, унывать, отчаиваться; портиться (о настроении)’, *урма (зориг) хухалха* (или *хосороохо, хосоруулха* побудит. от *хосорхо* ‘исчезать, пропадать; скончаться’) ‘портить настроение кому-л., разочаровывать’, *урма зориг мохоохо* ‘сломить дух; укротить, заставить покориться’, где *мохоохо* ‘тупить, притуплять; упрекать; выражать неудовольствие’ [БРС, II, 2010. С. 305; ФСБЯ, 2014. С. 331]. В калмыцком языке эти значения передаются в сочетании с глаголом *хэрх* ‘возвращаться; уменьшаться; слабость’ – *урмд хэрх* ‘потерять интерес; падать духом, быть подавленным; отчаиваться; разочаровываться’, а также сочетанием *урмдго болх* ‘падать духом, терять охоту к чему-л.’ (от *урмдго* ‘в подавленном настроении, разочарованный’) [КРС, 1977. С. 536–537].

Интерес вызывает сочетание с глаголом мо. *алдах*, бур. *алдаха* ‘лишаться, утрачивать, терять’. Если в мо. *урам алдах* ‘падать духом’ [БАМРС, III, 2001. С. 340], то в бурятском языке

³ Для примеров из бурятской художественной литературы использованы материалы сайта «Buryat Corpus». URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 13.03.2024).

негативный смысл исчезновения внутренней силы, настроения передается в сочетании с созвучной с *урма(н)* лексемой *ором* – бур. *оромоо алдаха* ‘безобразничать’. В БРС с основой *ором* представлены четыре словарные статьи: *ором* I диал., п.-мо. ‘след, отпечаток (напр., палец)’; *ором* II: *ором дүримгүй* ‘в беспорядке; беспорядочный, сумбурный; проказливый’; *ором тоолхогүй байдал* шутол. ‘лирический беспорядок’; *оромоо алдаха* ‘безобразничать’; *ором* III хорин. манок (для приманивания изюбра); а также *оромгүй* ‘чрезмерно, чересчур, слишком; шаловливый, шуточный’, *оромгүй хүн* ‘проказник, шутник’ [БРС, II, 2010. С. 42]. В БАМРС слово *ором* дается в значениях ‘след, отпечаток; оставшийся знак, знак от чего-л.; черта; ниша; тропа; струя, струйки (на воде); ход (в реке); основание, происхождение’ [БАМРС, II, 2001. С. 493]. Парное сочетание мо. *ором журамгүй* ‘не имеющий основания, необоснованный; беспорядочный’ соответствует бур. *ором* II и синонимичному сочетанию бур. *ором дүримгүй*, в то время как мо. *ором сураггүй* ‘бесследно; ни слуху, ни духу’ (букв. ‘ни следа, ни вестей’) соответствует *ором* I. Вероятно, здесь случай смешения омонимов, что может быть результатом формальной конвергенции – совпадения генетически не связанных лексических единиц («этимологической», или «истинной» омонимии) или семантической дивергенции – расщепления генетически единых фактов словаря (семантической, или ложной омонимии) [Аникин, 1986. С. 27–28]. Ж. Ж. Варбот отмечал, что при таком взаимовлиянии омонимов достаточно даже наличия неполного подобия – тождества консонантного состава исходных корней [Варбот, 1995. С. 61]. Ж. Колева-Златева считает, что в таких спорных и неясных случаях при этимологизации необходимо обратить внимание на роль звукоизобразительности в создании омонимов [Колева-Златева, 2009. С. 19–20].

Данный корень *urt-a* является продуктивным в словообразовательном плане: мо. *урамтай* ‘радостный, стимулирующий; сильный, крепкий духом, имеющий желание, охоту; бодрый, оживленный; разг. быть в ударе, в духе’; мо. *урамтай ажиллах* ‘с увлечением работать’; мо. *урамстай* ‘крепкий духом’ [БАМРС, III, 2001. С. 341]; бур. *урматтай* ‘в приподнятом настроении, бодрый, оживлённый; жизнерадостный; имеющий желание’. В бурятском языке интенсивность значения адъектива *урматтай* часто выражается в сочетании с *баяртай* ‘радостный’ [БРС, II, 2010. С. 305]: *Инаг хоёр хэды урматтай баяртайгаар тэндэ уулзадаг гээшэ нэм* (Зэд-элээтэ эбэнүүд. А. Бальбууров, 1972) ‘Как же радостно влюбленные встречались там’; *Хэһэн ажалайнгаа үрэ ехэтэй байһанда арад зон урматтай баяртайгаар ажаллана* (Сэлмэг тэнгэри. Ц. Шагжин, 1981) ‘Народ трудится в приподнятом настроении из-за высоких результатов проделанной работы’.

В монгольском и бурятском языках от основы **urt-a* отыменный глагол образован посредством аффикса мо. *ши-*, бур. *ша-* – мо. *урамших* ‘получать стимул; воодушевляться, вдохновляться; быть в хорошем расположении духа, настроении; чувствовать склонность, охоту, желать, разохотиться’ (→ *урамшил* ‘вдохновение, стимул; подъем духа; пафос’) [БАМРС, III, 2001. С. 341], бур. *урмашаха* ‘быть в хорошем настроении; радоваться чему-л.; загораться желанием, воодушевляться, стремиться’ (→ *урмашал* ‘подъем духа, энтузиазм, вдохновение; пафос’ → *урмашалга* ‘удовлетворение’) [БРС, II, 2010. С. 306]. Семантика глагола мо. *урамших* с формантом побудительного залога *-уул* в форме мо. *урамшуулах* дает ряд иных значений ‘вызвать охоту, желание к чему-л.; ободрять, поднимать чье-л. настроение; вдохновлять; заинтересовать; поощрять, ободрять, стимулировать; заинтересовать’; бур. *урмашуулха* ‘поднимать чье-л. настроение; подбодрять; поощрять, стимулировать’, от него возникло существительное мо. *урамшуулал*, бур. *урмашуулга* со значениями ‘стимулирование, поощрение’ [БАМРС, III, 2001. С. 341; БРС, II, 2010. С. 306]. В отличие от монгольского и бурятского языков, в которых глагол образуется от основы с помощью аффикса, лишь в калмыцком языке образован непосредственно от основы глагол *урмдх* ‘воодушевляться, стимулироваться’ и его побудительная форма *урмдулх* ‘заинтересовывать; поощрять, стимулировать’ [КРС, 1977. С. 537].

В бурятском языке от данной основы образованы *прилагательные* *урма-ша-лтай* ‘вдохновляющий, подбадривающий, бодрящий’, *урма-ша-маар* ‘вдохновенный, подбадривающий,

поднимающий настроение, радостный’, *урма-ш-уул-гын* ‘поощрительный (об оплате)’, *урма-ш-уул-хы* ‘ободрительный, поощрительный, поднимающий настроение’, *наречия* бур. *урма-тай-гаар*, *урма-ша-нги* ‘в хорошем настроении, с душевным подъемом, бодро, жизнерадостно’ [БРС, II, 2010. С. 306]; посредством аффиксов дательного-местного и орудного падежей *послелого* *урмада*, *урманда*, *урмаар*, которые с род. п. выступают в значении ‘для, благодаря, ради, из-за’ [БРС, II, 2010. С. 305]: *Танайнгаа ерэнэнэй урмада найр хэхэээ байналди, – гэжэ Эрхэйн Гомбо энэээнэн мэтээр нюураа бирбайлгаба (Мүнхэ ногоон хасуури. А. Ангархаев, 1982) ‘Мы собираемся устроить пир ради вашего приезда’, – скривил лицо будто в улыбке Эрхэйн Гомбо; Тарилгаяа саг болзор соонь дүүргэнэнэнгээ урманда булта хүхихэ байгаабди... (Хүлэг инсагаална. Д. Эрдынеев, 1974) ‘Благодаря завершению в срок посевных все должны были радоваться...’.*

Рассмотренные примеры демонстрируют смысловое наполнение выраженного словом *игт-а* понятия ‘вдохновение’, охватывающего и другие существенные признаки основного значения: ‘сила, подъём (духа), хорошее настроение, душевное расположение, охота, желание, страсть’. Понятийное содержание слова *игт-а* дополняется и обогащается производными от него словами: ‘воодушевление; ободрение; жизнерадостность; интерес к чему-л., увлечение; уверенность, храбрость; стимул, поощрение’; прилагательными ‘вдохновляющий, поднимающий настроение; сильный, крепкий духом, имеющий желание, охоту; радостный, бодрый, оживленный’; глаголами и глагольными сочетаниями ‘вдохновлять(ся), воодушевляться, радоваться чему-л.; поднять дух, воспрянуть духом; быть в хорошем настроении, поднять чье-л. настроение; загораться желанием, желать, стремиться; заинтересовать, стимулировать(ся), поощрять’ и др.

В монгольских языках синонимами понятия ‘вдохновение’ выступают некоторые слова с дрожащим сонантом [r] в корне (*CVCr-*, *CVCrC-*), в которых также содержатся такие физиологические ощущения, как ‘сила’, ‘дух’: п.-мо. *sür* [Kow., 1849. С. 1434], мо., калм. *сүр*, бур. *һүр* ‘величие, благолепие; сила, мощь, могущество’ [БАМРС, III, 2001. С. 143; БРС, II, 2010, с. 576; КРС, 1977. С. 465], калм. *сүрә* ‘воодушевление, вдохновение, подбадривание’, *сүрә өгх* ‘воодушевлять, вдохновлять’; п.-мо. *јорй*, мо., бур. *зориг*, калм. *зөрг* ‘смелость, храбрость; сила воли; стремление, намерение, желание’, мо. *зоригжих*, *зоригших*, бур. *зоригжохо*, *зоригшохо* ‘воодушевляться, вдохновляться; мужаться’ → бур. *зоригжол* ‘воодушевление, вдохновение’, мо. *зоригжуулах*, бур. *зоригжуулха* ‘воодушевлять, вдохновлять; стимулировать’ [БАМРС, II, 2001. С. 224; БРС, I, 2010. С. 402; КРС, 1977. С. 253]; бур. *зориг орохо* ‘собираться с духом’, *зориг түрэхэ* ‘осмеливаться, ободряться’, *зориг түрүүлхэ* ‘поднимать дух’ [БРС, I, 2010. С. 402], мо. *зориг алдах (шантрах, мохох)* ‘терять присутствие духа; падать духом; струсить’ [БАМРС, II, 2001. С. 224], калм. *зөрг орх* ‘собираться с духом’, *зөрг алдх* ‘терять присутствие духа’ [КРС, 1977. С. 253]; п.-мо. *јірікен* [Kow., 1849. С. 2363–2364], мо. *зүрх(эн)*, бур. *зүрхэн*, калм. *зүркн* ‘сердце; душа; воля, мужество, храбрость, решимость, смелость, отвага’; мо. *зүрх алдах (үхэх, шантрах)* ‘робеть, трусить, терять присутствие духа’, бур. *зүрхэ алдаха* ‘не иметь силы воли, не решаться; робеть, трусить; лениться’, калм. *зүркэн алдх* ‘потерять присутствие духа, пасть духом’ [БАМРС, II, 2001. С. 247–248; БРС, I, 2010. С. 416–417; КРС, 1977. С. 260].

Сема вдохновения наблюдается и в других словах с корневым элементом **ur-*, в которых проявляются обозначения ‘искусный’, ‘страсть’: п.-мо. *uran*, мо., бур. *уран*, калм. *урн* ‘искусный, мастерский, изящный; мастерство, художество, искусство, ловкость, умение; мастер, художник (своего дела), умелец’ → мо., бур. *урла-*, калм. *урл-* ‘искусно делать что-л.; мастерить; перен. редко красиво говорить’ → мо. *урлаг*, *урлал*, *урлахуй*, бур. *урлал(га)* ‘искусство, мастерство’ и п.-мо. *urin* ‘пылкая страсть, страсть, гнев, неудовольствие, сердце’, мо. *урин* ‘гнев; пылкая страсть’, калм. *урнь-* ‘злиться, сердиться’, *урньлһн* ‘злость, гнев’ [Kow., 1849. С. 438–439; БАМРС, III, 2001. С. 338, 346–347; БРС, II, 2010. С. 302, 305; КРС, 1977. С. 536–537].

Среди семантических компонентов монгольского слова *ирт-а* ‘вдохновение’ и его производных, помимо явного позитивного смысла, отчетливо прослеживается такой значимый мотивирующий признак, как *подъём, рост*, имеющий общее направление движения *вверх*. Выше мы уже отмечали, что вдохновение представляет собой подъем и активизацию внутреннего потенциала, прилив творческих сил и характеризуется как высокий эмоциональный подъем, а акустико-артикуляционные характеристики дрожащего сонанта [r] способствуют вербализации сенсорного ощущения внутренней силы (подъёма или прилива сил и энергии). Данный семантический признак позволяет рассмотреть слово *ирт-а* ‘вдохновение’ шире и интегрировать его при анализе в состав лексико-семантической группы монгольских слов с общим корневым элементом *ur-/ür-, or-/ör-*, в которых обнаруживается семантика **подъема, роста и движения вверх**:

п.-мо. *ergü-*, мо. *өргөх*, бур. *үргэхэ*, калм. *өргх* ‘поднимать (вверх); возносить, возвышать, возводить кого-л., воспитывать, растить’ [БАМРС, III, 2001. С. 39; БРС, II, 2010. С. 349; КРС, 1977. С. 424];

п.-мо. *urγu-*, мо. *ургах*, бур. *ургах*, калм. *урх* ‘расти, произрастать; всходить, давать ростки, прорасти; возрасти, увеличиваться’ [БАМРС, III, 2001. С. 343–344; БРС, II, 2010. С. 303; КРС, 1977. С. 535]; ср. п.-мо. *torni-*, мо. *торних*, бур. *торних* ‘расти, мужать, становиться на ноги’ [БАМРС, III, 2001. С. 230–231; БРС, II, 2010. С. 249];

п.-мо. *üre*, мо. *үр*, бур. *үрэ* ‘плод, семя, зерно; дитя; яйцо; эмбрион; результат, следствие; плоды; продукт’ [БАМРС, III, 2001. С. 419; БРС, II, 2010. С. 353]; бур. *үри* [БРС, II, 2010. С. 350], калм. *үрн* [КРС, 1977. С. 554] ‘ребенок, дитя, младенец’; бур. *үри* ‘воздаяние, следствие, результат; последствия, плоды’ [БРС, II, 2010. С. 350], бур. *үрэхэн* ‘семена’ [БРС, II, 2010. С. 354];

п.-мо. *orgi-*, мо. *оргих*, бур. *орьёхо* ‘звизгаться, подниматься; бить ключом, фонтаном, извергаться; обдавать (напр., жаром); отдавать *чем-л.*’; мо. *оргилох*, бур. *орьёлхо* ‘бурлить, хлопотать; подниматься клубами, клубиться; бить фонтаном; вспыхивать, загореться’ [БАМРС, II, 2001. С. 487; БРС, II, 2010. С. 52]; с бур. глаголом *урьяха* образуются фразовые глаголы: *тооһо урьяха* ‘подниматься, клубиться (*о пыли*)’; *халуу урьяха* ‘обдавать жаром’; *һэрюу урьяха* ‘веять прохладой’ и др. [БРС, II, 2010. С. 307]; бур. *үрхирхэ* ‘подниматься столбом, клубиться (*о пыли*)’; *разлетаться (*о пухе, шерсти*)*, *үрхидхэхэ* ‘возбуждать, подстрекать’ [БРС, II, 2010. С. 352];

п.-мо. *orböyi-*, мо. *орвойх*, бур. *орбойхо* ‘быть взерошенным, взерошиться, стоять дыбом (*о волосах* и т. п.), топорщиться’ [БАМРС, II, 2001. С. 487; БРС, II, 2010. С. 37] и п.-мо. *örbüyi-*, мо. *өрвийх*, калм. *өрвэх* ‘торчать, ерошиться, взлохмачиваться’, бур. *үрбыхэ* ‘быть взерошенным (*или жалким*)’; торчать, ерошиться’ [БАМРС, III, 2001. С. 36; БРС, II, 2010. С. 347; КРС, 1977. С. 423], бур. *үрзыхэ* ‘лохматиться, взлохмачиваться (*о волосах*)’; хохлиться’ [БРС, II, 2010. С. 350]; ср. другие фонетические варианты: мо. *цорвойх*, калм. *цорвах* ‘оттопыривать, надувать (губы); выступать, торчать’ [БАМРС, IV, 2002. С. 263; КРС, 1977. С. 637], мо. *цоройх*, бур. *соройхо* ‘становиться на дыбы (*о лошади*)’; становиться на задние ноги (*о животных*)’; тянуться вверх, подниматься вверх’ [БАМРС, IV, 2002. С. 264; БРС, II, 2010. С. 183], мо. *торойх*, бур. *торойхо* ‘торчать, вздыматься кверху вдали; виднеться среди многих; выделяться, отличаться’ [БАМРС, II, 2001. С. 231], мо. *сэрвийх*, *эрвийх* ‘торчать, топорщиться, взерошиться’ [БАМРС, III, 2001. С. 158, С. 420], бур. *һэрбы-* ‘топорщиться; качаться, колыхаться’ [БРС, II, 2010. С. 586] и др.;

п.-мо. *örni-*, мо. *өрнөх* ‘развиваться; развернуться; возрасти, расти; процветать; разгораться, пылать; пылать гневом, раздражаться, горячиться, возбуждаться’ [БАМРС, III, 2001. С. 40];

п.-мо. *örbis-* ‘вспыхнуть, запылать (*об огне*)’; разгорячиться, взбеситься’ [Kow., 1849. С. 587], мо. *өрвөсөх* ‘вспыхивать, разгораться; пылать, разжигать, разводить огонь; распро-

странять слухи’, мо. *өрвөтгөх* ‘разжигать, разводить огонь; возбуждать, подстрекать’ [БАМРС, III, 2001. С. 37].

К данной группе слов с общей семой ‘подниматься, расти, двигаться вверх’ также можно отнести и ряд других слов, в которых имеются интересующие нас значения: мо., бур. *орой*, калм. *ора* ‘вершина, верхушка; крыша’ [БАМРС, II, 2001. С. 491; БРС, II, 2010. С. 40–41; КРС, 1977. С. 400]; мо. *оргил*, бур. *орьёл*, калм. *өргл* ‘вершина’ [БАМРС, II, 2001. С. 487; БРС, II, 2010. С. 52; КРС, 1977. С. 423]; мо. *өрх*, бур. *урхэ*, калм. *өрк* ‘дымовое отверстие (в крыше юрты)’ [БАМРС, III, 2001. С. 44; БРС, II, 2010. С. 352; КРС, 1977. С. 424]; мо., бур. *оргой* ‘шаманский головной убор’ [БАМРС, II, 2001. С. 488; БРС, II, 2010. С. 37]; мо. *оройвч* ‘тюбетейка’ [БАМРС, II, 2001. С. 491]; мо. *өрлөг*, бур. ист. *үрлэг* ‘маршал’ [БАМРС, III, 2001. С. 40; БРС, II, 2010. С. 351]; мо. *өрөм*, бур. *үрмэн*, калм. *өрм* ‘пенка (загустевшая); сливки, молочная пенка’ [БАМРС, III, 2001. С. 41; БРС, II, 2010. С. 351; КРС, 1977. С. 424]; мо. *орхойх*, бур. *орхойхо*, калм. *орхах* ‘приподниматься, возвышаться; быть громоздким; громоздиться’ [БАМРС, II, 2001. С. 501; БРС, II, 2010. С. 50; КРС, 1977. С. 406].

Следующая группа слов с корневым элементом **ur-* представляет слова со значением ‘юг; перед; вперед; прежде’, которая семантически соотносится с предыдущей группой по признаку ‘движение вверх’. Вероятно, эти значения отражают один из вариантов пространственного освоения монгольскими народами в виде бинарной оппозиции ‘вверх/вперёд – вниз/назад’, а *юг* как сторона света обозначает полдень, когда солнце в зените, и ассоциируется с верхом. От основы *ур-* образовано несколько групп производных слов:

1) с формантом *-гш*, *-гша*: п.-мо. *уруүш*, мо. *урагш*, бур. *урагша*, калм. *уралан* ‘вперёд; на юг, к югу; успех, счастье, удача, продвижение’ – мо., бур. *урагшаа* ‘вперёд’ – мо. *урагшлах*, бур. *урагшалха* ‘двигаться, продвигаться вперёд; идти вперёд; идти к югу’ – мо. *урагштай*, бур. *урагшатай* ‘удачный, удачливый, успешный; успешно, удачно’; калм. *уралх* ‘кричать «ура»; вдохновлять; идти впереди всех’ [БАМРС, III, 2001. С. 339–340; БРС, II, 2010. С. 301; КРС, 1977. С. 534–535];

2) с аффиксом *-д*, *-да*: п.-мо. *urid*, *urida*, мо. *урьд* ‘прежде, раньше, вперёд; ранее, до, перед’, бур. *урда* ‘юг; перед, передняя (*или* лицевая) сторона; южный; передний; предыдущий; прежде, раньше; перед, впереди’; бур. *урид* ‘прежде, (за)ранее’; калм. *урд* ‘прежде, раньше; вперёд; накануне; впереди, перед’ [БАМРС, III, 2001. С. 352–353; БРС, II, 2010. С. 303–304; КРС, 1977. С. 536].

В рассматриваемое семантическое поле вполне вписывается следующая группа слов с общим значением ‘быть первым, опережать’: п.-мо. *öris-*, мо. *өрсөх* ‘опережать, предупреждать, поспевать раньше кого-л.; бороться за что-л.’ // мо. *үрсэх* ‘предупреждать, спешить сделать первым; гнаться, догонять’; мо. *үрс* ‘ссора, драка; состязание, схватка (в борьбе)’ [БАМРС, III, 2001. С. 43, С. 423]; бур. *уртиха* ‘опережать, обгонять; предупреждать’ // *үрдихэ* ~ *урьдэхэ* ‘опережать; успевать’ [БРС, II, 2010. С. 306, С. 350].

Заключение

Таким образом, в работе представлен семантический континуум лексемы *urt-a* с основным значением ‘вдохновение’ с лексическими единицами, содержащими общий корневой элемент *ur-/ür-*, и объединяемыми в лексико-семантические группы: *подъём* (рост, верх), *перед* (юг, прежде, вперед), *быть первым* (опережать) в монгольских языках.

Проведенный анализ монголоязычной лексикографии позволил раскрыть весь спектр значений монгольской лексемы *urt-a* ‘сила; душевное расположение’, ‘подъём (*духа*), вдохновение; воодушевление; хорошее настроение; интерес к чему-л.’, ‘ободрение; увлечение; довольство; присутствие духа; охота, желание, страсть’, ‘жизнерадостность; энтузиазм’, ‘стимул; поощрение; влечение’. Семантические возможности лексической единицы возрастают благо-

даря продуктивности в словообразовательном плане (существительные, прилагательные, глаголы, послелог; в сочетаниях с другими словами: парные сочетания, сочетания с глаголами, редуцированное сочетание). Примеры слова *ирт-а* и его производных, а также в сочетании с другими словами демонстрируют соответствующую палитру смыслового наполнения понятия 'вдохновение': **прилагательные** 'вдохновляющий, поднимающий настроение; сильный, крепкий духом, имеющий желание, охоту; радостный, бодрый, оживленный; подбадривающий, стимулирующий, поощрительный'; **глаголы и глагольные сочетания** 'вдохновлять(ся), воодушевляться, радоваться чему-л.; поднять дух, воспрянуть духом; быть в хорошем настроении, поднять чье-л. настроение; загораться желанием, желать, стремиться; заинтересовать, стимулировать(ся), поощрять', **наречия** 'в хорошем настроении, с душевным подъемом, бодро, жизнерадостно', **послелог** 'для, благодаря, ради, из-за' и др.

В монгольских языках синонимами понятия 'вдохновение' выступают некоторые слова с дрожащим сонантом [r] в корне, в которых также содержатся такие физиологические ощущения, как 'сила', 'дух': п.-мо. *sür* 'величие, благолепие; сила, мощь, могущество'; п.-мо. *јоріу* 'смелость, храбрость; сила воли; стремление, намерение, желание', бур. *зоригжол* 'воодушевление, вдохновение'; п.-мо. *јирікен* 'сердце; душа; воля, мужество, храбрость, решимость, смелость, отвага'. Сема вдохновения наблюдается и в других словах с корневым элементом *ur-, в которых проявляются обозначения 'искусный', 'страсть': п.-мо. *уран* 'искусный, мастерский, изящный; мастерство, художество, искусство, ловкость, умение; мастер, художник (своего дела), умелец' и п.-мо. *урип* 'пылкая страсть, страсть, гнев, неудовольствие, сердце'.

Мотивирующий признак *подъём, рост, движение вверх*, заложенный при номинации монгольского слова *ирт-а* 'вдохновение' и его производных, позволяет интегрировать его при анализе в составе лексико-семантической группы монгольских слов с общим корневым элементом *ur-/ür-* (*or-/ör-*, *er-*), значение которых явно обнаруживает указанный семантический признак: *ergü-* 'поднимать (вверх)'; *уруу-* 'расти'; *üre* 'семя; дитя; результат'; *orgi-* 'подниматься; бить ключом'; *orboyi-* 'быть взерошенным, топорщиться'; *örbüyi-* 'торчать, ерошиться', *örni-* 'возрастать; разгораться; раздражаться; возбуждаться'; *örbis-* 'вспыхнуть; разгорячиться, взбеситься' и др. Признак *движение вверх* образно связано с движением на юг и вперед, что обуславливает семантическую взаимосвязь с группами слов с элементом *ur- в корне с общим значением 'перед' (*уруји* 'вперёд; на юг; успех, удача'; *урида* 'прежде, раньше, вперёд') и 'быть первым' (*өрис-* 'опережать, предупреждать').

Список литературы

- Аникин А. Е.** Некоторые теоретические аспекты этимологизации омонимов в связи с реконструкцией праславянского лексического фонда // Этимология. 1984 / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1986. С. 27–33.
- Багдасарова Н. А.** Лексическое выражение эмоций в контексте разных культур. АКД. М., 2004. 24 с.
- Бертагаев Т. А.** Лексика современных монгольских литературных языков. М.: Наука, 1974. 383 с.
- Варбот Ж. Ж.** Морфо-семантическое поле лексемы в этимологическом словаре и возможности его реконструкции // Известия АН СССР. Серия: Литература и язык. 1995. № 4. С. 60–65.
- Воронин С. В.** Английские ономотопы. Фоносемантическая классификация. СПб.: Геликон Плюс, 2004. 192 с.
- Зуева Е. А.** Эмоции как объект лингвистических исследований // Материалы межвузовской науч.-практ. конф. (г. Белгород, 17–18 мая 2006). Белгород: Кооперативное образование, 2006. С. 148–154.
- Колева-Златева Ж.** О смешивании этимологических гнезд омонимичных слов звукоизобразительного происхождения // Slavica XXXVIII. 2009. С. 19–34.

- Сундуева Е. В.** Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [г/м] в монгольских языках. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 344 с.
- Цинциус В. И.** Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л.: Наука, 1979. С. 3–17.
- Чимитдоржиева Г. Н.** Корневая морфема *bu-/pu-* в монгольских языках // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 232–245.
- Шаховский В. И.** Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29–42.

Список источников

- БАМРС, II** – Большой академический монгольско-русский словарь [Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев]. В 4 т. М.: Academia, 2001–2002. Т. II. Д-О. 2001, 536 с.
- БАМРС, III** – Большой академический монгольско-русский словарь [Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев]. В 4 т. М.: Academia, 2001–2002. Т. III. Э-Ф. 2001, 440 с.
- БАМРС, IV** – Большой академический монгольско-русский словарь [Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев]. В 4 т. М.: Academia, 2001–2002. Т. IV. Х-Я. 2002, 532 с.
- БМЭ** – Большая медицинская энциклопедия [Электронный ресурс: <https://бмэ.орг/>].
- БРС, I** – Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. Т. I. А-Н. 636 с.
- БРС, II** – Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. Т. II. О-Я. 708 с.
- ДТС** – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.
- КРС** – Калмыцко-русский словарь. Хальмг-орос толь / Под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- РКС** – Русско-калмыцкий словарь. Орс хальмг толь / Под ред. И. К. Илишкина. М.: Советская энциклопедия, 1964. 803 с.
- ССТМЯ** – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. II. / Отв. ред. В.И. Цинциус. Л.: Наука., 1977. 471 с.
- Тодаева** – Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангара» и полевым записям автора). Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2001. 493 с.
- ФСБЯ** – Фразеологический словарь бурятского языка / Сост. Т. Б. Тагарова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 565 с.
- ЭСТЯ** – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 767 с.
- EDAL** – Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages [Старостин С. А., Дыбо А. В., Мудрак О. А. Этимологический словарь алтайских языков]. Leiden; Boston: Brill, 2003. 2096 p.
- Kow.** – Kowalewski J. E. Dictionnaire Mongol-Russe-Français / J. E. Kowalewski. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. Vol. I-III. 2690 p. [Монгольско-русско-французский словарь, составленный профессором О. Ковалевским. Казань, 1849. Т. I–III. 2690 с.]
- МХТТ** – Монгол хэлний тайлбар толь. Улаанбаатар: Монсудар, 2014. 1890 х.

References

- Anikin A. E.** Some theoretical aspects of the etymologization of homonyms in connection with the reconstruction of the Proto-Slavic lexical fund. *Etymology*. 1984. Executive editor O.N. Trubachev. Moscow, Science publ., 1986, pp. 27–33. (in Russ.)
- Bagdasarova N. A.** Lexical expression of emotions in the context of different cultures. PhD Thesis Abstr. Moscow, 2004, 24 p. (in Russ.)

- Bertagaev T. A.** Lexicon of the modern Mongolian literary languages. Moscow, Science publ., 1974. 383 p. (in Russ.)
- Varbot Zh. Zh.** Morpho-semantic field of the lexeme in the etymological dictionary and the possibility of its reconstruction. *Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series*, 1995, no. 4, pp. 60–65. (in Russ.)
- Voronin S. V.** English Onomatopoes: A Phonosemantic Classification. St. Petersburg, Gelikon Plus publ., 2004, 192 p. (in Russ.)
- Zueva E. A.** Emotions as an object of linguistic research. *Materials of the crossuniversity scientific and practical conference* (Belgorod, 17–18 of May, 2006). Belgorod, Cooperative education publ., 2006, pp. 148–154. (in Russ.)
- Koleva-Zlateva Zh.** On mixing etymological nests of homonymous words of sound figurative origin. *Slavica XXXVIII*, 2009, pp. 19–34. (in Russ.)
- Sundueva E. V.** Sounds and images: phonosemantic research of words with root consonants [r/m] in the Mongolian languages. Ulan-Ude, Publishing of the Buryat Scientific Center SB RAS, 2011, 344 p. (in Russ.)
- Cincius V. I.** Problems of comparative historical study of the lexicon of Altai languages. *Research in the field of etymology of Altai languages*. Leningrad, Science publ., 1979, pp. 3–17. (in Russ.)
- Chimitdorzhieva G. N.** Root morpheme bur-/pur- in the Mongolian languages. *Siberian Philological Journal*. No. 3. 2018. p. 232–245. (in Russ.)
- Shahovskij V. I.** Emotions as an object of research in linguistics. *Questions of psycholinguistics*, 2009, no. 9, 2009, pp. 29–42. (in Russ.)

Dictionaries

- БАМРС, II** – *Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'* [Big Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Executive editor G. Ts. Pyurbееv. In 4 volumes. Moscow, Academia Publ., 2001–2002. Volume II. Letters D-O. 2001, 536 p. (In Mong., in Russ.)
- БАМРС, III** – *Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'* [Big Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Executive editor G. Ts. Pyurbееv. In 4 volumes. Moscow, Academia Publ., 2001–2002. Volume III. Letters Ө-F. 2001, 440 p. (In Mong., in Russ.)
- БАМРС, IV** – *Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'* [Big Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Executive editor G. Ts. Pyurbееv. In 4 volumes. Moscow, Academia Publ., 2001–2002. Volume IV. Letters Kh-Ya. 2002, 532 p. (In Mong., in Russ.)
- БМЭ** – Big Medicine encyclopedia [electronic resource: <https://бмэ.орг>] (In Russ.)
- БРС, I** – Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkij slovar' . Buryaad-orođ toli* [Buryat-Russian Dictionary]. In 2 volumes. Ulan-Ude, Izdatel'stvo OAO «Respublikanskaya tipografiya». Volume I. Letters A-N. 2010, 636 p. (In Buryat, in Russ.)
- БРС, II** – Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkij slovar' . Buryaad-orođ toli* [Buryat-Russian Dictionary]. In 2 volumes. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya. Volume II. Letters O-Ya. 2010, 708 p. (In Buryat, in Russ.)
- ДТС** – *Drevnetjurkskij slovar'* [Old Turkic Dictionary]. Leningrad, Science publ., 1969, 677 p. (In Turk., in Russ.)
- КРС** – *Kalmytsko-russkij slovar' . Khal'mg-orođ tol'* [Kalmyk-Russian Dictionary]. Editor B.D. Muniyev Moscow, Russian Language Publ., 1977, 768 p. (In Kalmyk, in Russ.)
- РКС** – *Russko-kalmytskij slovar' . Ors khal'mg tol'* [Russian-Kalmyk Dictionary]. Editor I.K. Ilishkin. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1964, 803 p. (In Russ., in Kalmyk)
- ССТМЯ** – *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov*. [Comparative Dictionary of Tungus-Manchu Languages]. Volume II. Executive editor V.I. Cincius. Leningrad, Science Publ., 1977, 471 p. (In Tung.-Ma., in Russ.)

- Тодаева** – Todaeva B.H. *Slovar' jazyka ojratov Sin'czjana (po versijam pesen "Dzhangara" i polevym zapisjam avtora)* [Dictionary of the Oirat Language of Xinjiang (according to versions of "Dzhangar" songs and the author's field notes)]. Elista, Kalmyk Publishing House, 2001, 493 p. (In Oirat, in Russ.)
- ФСБЯ** – *Frazeologičeskij slovar' burjatskogo jazyka* [Phraseological Dictionary of the Buryat Language]. Editor T.B. Tagarova. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2014, 565 p. (In Buryat, in Russ.)
- ЭСТЯ** – Sevortyan Je.V. *Jetimologičeskij slovar' tjurkskih jazykov. Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na glasnye* [Etymological Dictionary of the Turkic Languages]. Moscow, Science Publ., 1974, 767 p. (In Turk., in Russ.)
- EDAL** – Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Leiden; Boston: Brill, 2003, 2096 p.
- Ков.** – Kowalewski J. E. *Dictionnaire Mongol-Russe-Français / J. E. Kowalewski*. Kasan, Imprimerie de l'Université, 1849. Volume I-III. 2690 p.
- МХТТ** – *Mongol hjelnij tajlbar tol'* [Explanatory Dictionary of the Mongolian Language]. Ulaanbaatar: Monsudar Publ., 2014, 1890 p. (In Mong.)

Список сокращений

- бур. – бурятский
 калм. – калмыцкий
 лат. – латинский
 мо. – халха-монгольский
 ойр. – язык ойратов Синьцзяна
 орд. – ордосский
 п.-мо. – старописьменный монгольский
 пмонг. – протомонгольский
 птунг. – прототунгусо-маньчжурский
 птюрк. – прототюркский
 пяп. – протояпонский
 хорин. – хоринский диалект бурятского языка
 id. – то же
 WMo – Written Mongolian

Информация об авторе

Чимитдоржиева Гунсэма Нимбуевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Information about the Author

Gunsema N. Chimitdorzhieva, Candidate of Philology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS

*Статья поступила в редакцию 13.03.2024;
 одобрена после рецензирования 18.06.2024; принята к публикации 21.06.2024*

*The article was submitted 13.03.2024;
 approved after reviewing 18.06.2024; accepted for publication 21.06.2024*

Научная статья

УДК 81'33

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-74-88

**Специфика речевого поведения градоначальников
в условиях пандемии:
лингвокультурные и кросс-культурные аспекты**

**Татьяна Александровна Ширяева¹
Вероника Викторовна Катермина²**

¹Пятигорский государственный университет
Пятигорск, Россия

²Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

¹shiryaevat@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5508-8407>

²veronika.katermina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>

Аннотация

Статья посвящена выявлению и анализу речевого поведения градоначальников в условиях пандемии с точки зрения лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Целью статьи является изучение специфики речевого поведения представителей исполнительной власти в различных лингвокультурах, выявление и систематизация особенностей речевого поведения градоначальников крупнейших мировых мегаполисов в период пандемии. Поставленная цель достигается посредством обращения к современным научным отечественным и зарубежным исследованиям политической коммуникации, в частности: парламентскому дискурсу, языковым особенностям дискурса представителей власти (президентов, премьер-министров), а также общественных деятелей в блогосфере. Изучение языковых стратегий и тактик, применяемых представителями власти, позволяет выявить, каким образом они убеждают людей следовать правилам и ограничениям, объясняют сложные концепции и регулируют конфликты и противоречия. Настоящее исследование сфокусировано на проблеме речевого поведения градоначальника, в качестве эмпирического материала используются речи мэров Лондона, Вашингтона, Москвы, в частности интервью, их видео- и текстовые обращения на муниципальных порталах и личных страницах, а также на других информационных платформах (YouTube, VK, Telegram, новостные каналы ТВ). Новизна данного исследования заключается в том, что в нем выявлены и проанализированы языковые особенности речи мэров, рекуррентно используемые ими в обращениях. Результатом проведенного исследования является наблюдение о том, что использование в речи мэров различных языковых средств выразительности способствует гармонии дискурса и активации у слушателей необходимых эмоций. В зависимости от событий на политической арене или социальной сфере города мэры меняют тональность и употребляют определенные языковые средства, чтобы вызвать сочувствие или возмущение у слушателей. Более того, авторы доказывают, что речевое поведение мэров неразрывно связано с культурными и социальными факторами в их странах, с одной стороны, а с другой – обусловлено характеристиками личности самого градоначальника.

Ключевые слова

речевое поведение, мэр, лингвокультурология, кросс-культурная коммуникация, пандемия, политический дискурс

Для цитирования

Ширяева Т. А., Катермина В. В. Специфика речевого поведения градоначальников в условиях пандемии: лингвокультурные и кросс-культурные аспекты // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4. С. 74–88. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-74-88

© Ширяева Т. А., Катермина В. В., 2024

Specifics of Speech Behavior of Mayors during a Pandemic: Linguocultural and Cross-cultural Aspects

Tatiana A. Shiryayeva¹, Veronika V. Katermina²

¹Pyatigorsk State University
Pyatigorsk, Russian Federation

²Kuban State University
Krasnodar, Russian Federation

¹shiryayevat@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5508-8407>

²veronika.katermina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>

Abstract

The article is devoted to identifying and analyzing speech behavior of mayors during a pandemic from the point of view of linguoculturology and intercultural communication. The aim of the article is to study the specifics of speech behavior of representatives of the executive branch in various linguocultures, to identify and systematize the features of mayor speech behavior based on the world's largest megacities during the pandemic. To achieve the goal we turned to modern studies of political communication, both domestic and foreign, in particular: parliamentary discourse, government officer discourse (presidents, prime ministers), as well as public figure speech in the blogosphere. Studying the language strategies and tactics used by government officers reveals how they persuade people to follow rules and restrictions, explain complex concepts, and manage conflicts and contradictions. This study is focused on the problem of the mayor speech behavior; speeches of the mayors of London, Washington, and Moscow, in particular interviews, their video and text messages on municipal portals, personal pages, other information platforms (YouTube, VK, Telegram, TV news channels) are used as material. The novelty of this study lies in identifying and analyzing specific features of the mayors' speech, which they recurrently use in their addressing the public. The study shows that the use of various linguistic means of expression by mayors contributes to the harmony between discourse and activation of certain emotions in listeners. Depending on the events in the political arena or city social sphere, mayors change their tone and use certain linguistic means to evoke sympathy or indignation with listeners. Moreover, the authors argue that speech behavior of mayors is, on the one hand, linked with cultural and social factors in their countries, and, on the other, is determined by the personality characteristics of the mayor himself/herself.

Key words

speech behavior, mayor, linguoculturology, cross-cultural communication, pandemic, political discourse

For citation

Shiryayeva T. A., Katermina V. V. Specifics of Speech Behavior of Mayors during a Pandemic: linguocultural and cross-cultural aspects. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 74–88. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-74-88

Введение

Первая четверть XXI в. ознаменовалась активным развитием новой модели сетевого общества, связанного с процессами цифровизации и активным интегрированием информационно-коммуникационных технологий в повседневную жизнь каждого. Данные процессы были усилены условиями пандемии COVID-19, начавшейся в 2019 г., что привело к значительным изменениям многих процессов, происходящих в современной медиасфере, а именно: произошло параллельное становление информационных потоков со стороны новых медиа, субъектов политики, блогеров, представителей общественности. Помимо этого, указанный период сопровождался появлением новых акторов и инструментов, которые способны транслировать наиболее актуальные темы (Сизоненко, Гнедаш, Катермина, 2021). Стоит отметить, что столь радикальные трансформации в той или иной степени затронули и все дискурсивные сферы, включая массмедийные и политические коммуникации, как на макро-, так и на микроуровнях.

В российской научной литературе существует значительное количество работ, которые посвящены в целом исследованию политической коммуникации [Базылев, 2005; Зюбина, 2021; Зюбина, Матвеева, 2022; Миронова, 1998; Михалева, 2009; Чудинов, 2006; Sorcoran,

1979; Joslyn, 1986; Pomper, 2001; Wodak, 2006 и др.], языковым особенностям дискурса того или иного президента [Гаврилова, 2012; Моргун, 2009; Седых, 2011], анализу конкретных жанров внутри президентского дискурса [Бабич, 2015; Шейгал, 2000], парламентскому дискурсу [Зюбина, Матвеева, 2022; Карпухина, Кузнецова, 2017; Ширяева, 2020], речевому портретированию премьер-министров, общественных деятелей в блогосфере [Матвеева, Мясичев, 2020]. Однако при всем многообразии исследований, посвященных изучению речевого поведения (РП), проведенный анализ позволяет утверждать, что специфика речевого поведения градоначальников недостаточно разработана.

Целью данной работы является устранение исследовательской лакуны в анализе речевого поведения представителей исполнительной власти в различных лингвокультурах, выявление и систематизация особенностей речевого поведения градоначальников крупнейших мировых мегаполисов в период пандемии.

Здесь, безусловно, нужно оговориться, что речевое поведение политиков в кризисные моменты значительно отличается от привычных коммуникативных моделей, однако именно критические периоды, такие, например, как глобальная пандемия, позволяют выявить и проанализировать как универсальное, присущее всей коммуникации, так и специфическое, обусловленное национальным менталитетом, традициями, культурно-социальными реалиями. На примере определенного набора языковых средств, включающих эпитет, анафору, эпифору, метафору, гиперболу, рекуррентно используемых англоязычными и русскоязычными градоначальниками, показана специфика речевого поведения чиновников, обозначены доминантные приемы и их прагматика. Выбор указанного набора средств обусловлен результатами анализа эмпирического материала и определяется частотностью их употребления в речах мэров Лондона, Вашингтона и Москвы. Именно в данной последовательности осуществлялась реализация настоящего эксперимента: на начальном этапе при изучении обращений мэра Лондона был сформирован перечень наиболее частотных приемов, которые далее послужили отправной точкой для сопоставительного анализа, включающего речи мэров Вашингтона и Москвы.

Теоретико-методологической основой исследования послужили фундаментальные идеи ученых о сущности РП, о специфике политического дискурса, о роли РП в дискурсе политиков (Винокур, 2017; Катермина, Вульфович, 2019; 2021; Стернин, 2015; Харченко, 2003; 2006 и др.).

Эпидемия, получившая название COVID-19, вспыхнула в декабре 2019 г. и вызвала чрезвычайную ситуацию, имеющую международное значение. В период кризиса и социально-экономической нестабильности люди, как никогда, нуждаются в лидере, который владеет информацией и готов нести ответственность не только за себя, но и за благополучие общества. Именно политическим деятелям в подобные критические моменты приходится заново выстраивать коммуникацию с социумом для воздействия на общественное настроение и контроля над ситуацией, а также стабилизации общественного мнения и порядка. Несомненно, глобальные изменения, подобные COVID-19, не могли не оставить свой след и на языке, так как речевое поведение и индивида, и массы людей – это тот социальный фактор, который активно участвует в формировании языковой культуры социума, отражая его изменения. Таким образом, речевое поведение политических деятелей, в том числе и в критические периоды жизни социума, принимает глобальные масштабы, обуславливая стремительно растущий исследовательский интерес к данной проблеме.

Речевая деятельность языковой личности политика в зависимости от занимаемой дискурсивной позиции находится в центре исследовательского внимания с конца XX в. Весомый вклад в развитие теории речевого поведения в целом и политических деятелей в частности внесли труды как отечественных, так и зарубежных исследователей [Винокур, 2017; Власян, Кожухова, 2018; Гукосьянц, Алимуратов, 2023; Карасик, 2019; Стернин, 2015; Чеботникова, 2011; Vodoc, 2018; Higgins, 2017; Wodak, 2006; Wodak, Forchner, 2017]. В процессе изучения речевого поведения политиков исследователи, как правило, сосредоточивают свое внимание

на таких аспектах, как стиль речи, выбор слов, тональность, экспрессивные языковые средства, стилистические характеристики речи и т. д. Анализ может также включать оценку элементов невербальной коммуникации, таких как жесты, мимика, интонация и др.

Однако, несмотря на растущий интерес к речевой деятельности представителей различных профессий, на сегодняшний день анализ речевого поведения сотрудников исполнительной власти, глав администраций, локальных руководителей и чиновников в центр исследовательского внимания попадают чрезвычайно редко и эпизодично.

1. Материал и методы

Материалом для исследования послужили речи мэров Лондона, Вашингтона, Москвы, в частности интервью, видео- и текстовые обращения на муниципальных порталах и личных страницах, таких как “Standard”, “The Guardian”, “London Government UK”, “Mos.ru”, “Sobyanin.ru”, а также на других информационных платформах, таких как YouTube, VK, Telegram, новостные каналы ТВ. В целом, собранная фактическая база РП градоначальников включает в себя 96 обращений мэра Лондона – Садика Хана, 64 речи Мюриел Баузер – мэра Вашингтона, 102 выступления Сергея Семеновича Собянина – мэра Москвы. Общий объем исследуемого материала – 2 п. л.

2. Результаты исследования

2.1. Речевое поведение С. Хана

Речевое поведение градоначальников в кризисные периоды жизни отличается значительным разнообразием коммуникативных приемов и стратегий, реализуемых при участии широкого спектра языковых средств, речь о которых пойдет далее. Однако неизменным для политического дискурса всех мэров остается убеждение населения в предложенной точке зрения, придание речи аргументированности и эмоциональности с целью увещевания аудитории в правильности принимаемых решений и действий.

Использование в речи мэров различных языковых средств выразительности способствует гармонии дискурса и активации у слушателей необходимых эмоций. Изменение тональности речи и практическое применение градоначальниками определенных языковых средств обусловлены в том числе динамикой событий в политической и социальной сферах жизни города.

Проанализировав 96 обращений мэра Лондона Садика Хана, мы выявили, что в них встречаются эпитеты, зачастую с негативной семантикой, нацеленные на решение различных задач. Например:

1) *...one of the most testing, traumatic and turbulent periods in our city's history* [<https://www.newham.gov.uk/>].

2) *Terrible economic impact of the coronavirus pandemic ...* [<https://www.investopedia.com/>].

3) *to support London's businesses through these difficult times ...* [<https://www.london.gov.uk/>].

Данными высказываниями мэр показывает свое негативное отношение к ситуации, вызванной COVID-19, а также стремится донести до слушателей информацию о пагубном влиянии вируса на жизнь, используя прилагательные отрицательной семантики (Пример 1 – *testing, traumatic, turbulent*; Пример 2 – *terrible*; Пример 3 – *difficult*).

Помимо эпитетов, в обращениях градоначальника Лондона используются эпитифора и анафора для акцентирования внимания на конкретном эмоционально заряженном слове, например:

4) *The good news is...the numbers in London are pretty stable, the transmission rate is stable, the case rate is stable...* [<https://www.theguardian.com/>].

5) *We still struggle with this terrible Covid-19, we still need to wear masks and be careful* [<https://www.npr.org/>].

6) *Covid is unpredictable, Covid is dangerous, Covid is powerful* [<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/>].

С помощью эпитеты, выраженной лексемой *stable*, мэр столицы Великобритании подводит людей к тому, что ситуация не стоит на месте, а их старания не напрасны, поскольку наблюдается положительная динамика. В примерах (5) и (6) для подчеркивания значимости проблемы мэр использует анафору (*we still, Covid is*), дает оценку происходящему, тем самым воздействует на аудиторию, призывает к бдительности, дальнейшим совместным усилиям в решении имеющейся проблемы.

В обращениях С. Хана также фигурируют метафоры, основанные на аналогии между тем или иным явлением, предметом и вирусом. Так, зачастую в выборке коронавирус отождествляется с врагом, борьба с ним – с войной, а излечение – с дорогой. Приведем пример:

7) *We are not being complacent about the continued threat from coronavirus, but the economic, health and social challenges arising from both the virus itself and from the lockdown are far-reaching, and London's recovery will be a long and complex road that will take many months, if not years* [<https://www.gov.uk/>].

Согласно тексту, *вирус* – это все еще существующая угроза, и до полного восстановления и выздоровления необходимо пройти долгий и сложный путь, полагаем, что значение метафоры реализуют словосочетания *continued threat* и *complex road*, задающие эмоциональный тон в сообщении.

Также С. Хан нередко прибегает к гиперболам, так как гиперболизация несет эмоциональную нагрузку, а эмоциональность может дать слушателям возможность лучше понять и принять позицию оратора. Приведем пример:

8) *We know there are countless struggling businesses across London that are working hard to get back on their feet* [<https://www.london.gov.uk/>].

Здесь посредством гиперболы мэр фокусирует внимание на массовом характере последствий пандемии, затронувшей огромный сектор малого бизнеса, очевидно, что комбинация *countless struggling businesses* передает интенцию автора и подчеркивает масштабность происходящего.

Как видим, в обращениях градоначальника Лондона используется ряд стилистических средств, придающих особую выразительность сообщениям и оказывающих речевое воздействие на целевую аудиторию. Частоту использования конкретных стилистических приемов можно схематично изобразить в виде диаграммы (рис. 1).

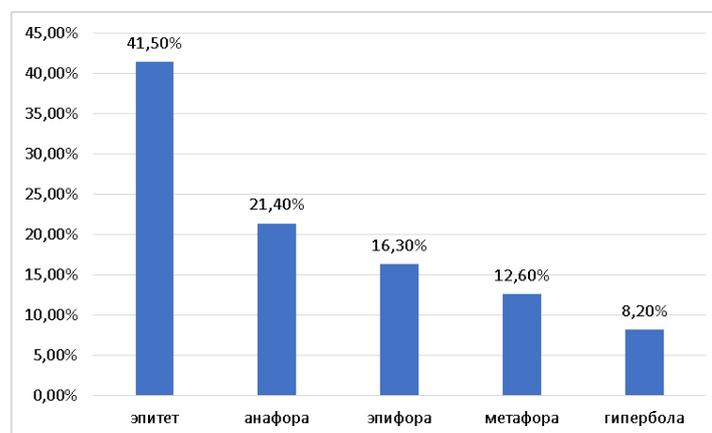

Рис. 1. Стилистические средства в речи мэра Лондона

Fig. 1. Stylistic means of speech of the mayor of London

Проведенное исследование показало, что РП мэра Лондона эмоционально окрашено и ориентировано на адресата, в период пандемии в нем преобладают оценочные суждения, прежде всего, эпитеты негативной семантики, а также другие стилистические приемы, придающие экспрессию и реализующие посыл градоначальника.

2.2. Речевое поведение М. Баузер

Изучив обращения Мюриел Баузер, мэра Вашингтона, мы выявили специфику РП градоначальника. Анализ языкового материала показал, что рассматриваемые в работе стилистические средства также активно применяются и мэром столицы США, однако их частотность и распределение в масштабе выборки имеют несколько иной характер.

В обращениях М. Баузер периода пандемии превалируют эмоционально маркированные языковые средства, при помощи которых адресат доносит необходимую информацию до аудитории, подчеркивая серьезность и остроту проблемы. Так, одним из самых распространенных приемов, зафиксированных в речи мэра, выступает метафора, в основе которой – идея постоянной и бескомпромиссной борьбы и аналогия с войной и боевыми действиями. Приведем примеры:

9) *We haven't finished fighting this virus yet.* We still need to vaccinate tens of millions of Americans, we are still making significant progress [<https://www.whitehouse.gov/>].

10) *We know a critical part of fighting this disease and ultimately reopening our city is expanded testing,* particularly among our most vulnerable populations [<https://mayor.dc.gov/>].

11) Very clearly, a lot of Washingtonians, a lot of Americans are not only suffering with the anxiety and health implications of this virus, but economic devastation as well. And we know *many people are struggling, and will struggle to get to the end of the year* [<https://afro.com/>].

В представленных выше примерах употребляются метафоры, указывающие на непрекращающуюся борьбу с вирусом, подобно противостоянию с врагом на поле боя. Примечательно, что значение метафоры в контексте и в целом в выборке вербализуется, как правило, семантикой лексем *fight* и *struggle*.

Помимо метафоры, в обращениях М. Баузер активно используется анафора, которая помогает мэру ритмизировать речь и подчеркнуть важность проблемы борьбы с COVID-19, например:

12) *Look at what we've done. Look at what we've done, America. Look at what you've achieved, America. There is nothing in this country that goes beyond our capabilities when we decide to do it, and we do it together*" [<https://www.whitehouse.gov/>].

В примере (12) отмечаем употребление анафоры (*Look at what we've*), с помощью которой мэр фокусирует внимание горожан на том, сколько работы пришлось и предстоит проделать для того, чтобы пандемия отступила и город вернулся к привычной жизни. Очевидно, что прагматически анафора призвана оказать речевое воздействие на эмоции и чувства аудитории.

Не менее значимым стилистическим средством в РП градоначальника американской столицы выступают эпитеты. Используя эпитеты, М. Баузер экспрессивно характеризует сложившуюся ситуацию, призывает людей к здравому смыслу и конкретным действиям во благо всей страны. Приведем примеры:

13) *Now it's time for important and life-saving actions* ... [<https://skoll.org/>].

14) *Preventing the spread of the novel coronavirus (COVID-19) requires that everyone in our community be mindful and vigilant about staying safe. This means finding ways to protect yourself, your family, and community,* while also making sure that your frontline healthcare workers and first responders have the supplies they need (such as N95 respirators and medical face masks) *to keep themselves and the community safe* [<https://metrohealthdc.org/>].

15) *We are in a critical phase of this health crisis, and we need everyone doing their part to blunt the spread of the virus. We need people following the guidance of our public health officials,*

staying at home, and not doing anything to put themselves or our community at risk [<https://mayor.dc.gov/>].

Здесь отмечаем употребление целого ряда эпитетов, выраженных преимущественно именами прилагательными (*important, life-saving, mindful, vigilant, safe* и др.), а также перечисление эффективных и оптимальных мер предосторожности и защиты здоровья родных и близких, обеспечивающих благополучие всего населения страны. Очевидно, что прилагательные наделяют высказывание особой экспрессией и передают адресату необходимый посыл.

В выборке также отмечены случаи употребления М. Баузер гиперболы с целью усиления и придания масштабности тем или иным фрагментам информации. Следует сказать, что подобного рода преувеличения касаются в основном предпринимаемых усилий и возможных необратимых последствий конкретных действий или бездействия. Приведем пример:

16) This tragic milestone is a reminder that ***this pandemic has forever changed families and communities***. Even when the pandemic ends, for many, the pain and loss will still be there. ***We will never know just how many lives have been saved*** through our shared commitment to wearing masks and social distancing, but we continue to make these efforts because we know that every single life saved is precious [<https://coronavirus.dc.gov/>].

Согласно тексту, пандемия *навсегда* (*forever*) изменила быт как отдельно взятых семей, так и общества в целом, и с учетом прилагаемых усилий *мы не узнаем никогда количество спасенных человеческих жизней* (*We will never know just how many lives have been saved*), поскольку эта цифра не поддается подсчетам. Полагаем, что градоначальник целенаправленно использует в контексте гиперболу, стремясь подчеркнуть масштаб проблемы и обратить внимание аудитории на действия властей и ответственных граждан.

Отметим, что случаев употребления эпифоры в анализируемых обращениях мэра Вашингтона зафиксировано не было.

Таким образом, мы видим, что М. Баузер искусно прибегает к стилистическим средствам с целью воздействия на массового адресата и его эмоциональное состояние для дальнейшей манипуляции его поведением, критичным в период пандемии. Количественные показатели частотности языковых средств в РП градоначальника столицы США представлены ниже в диаграмме (рис. 2).

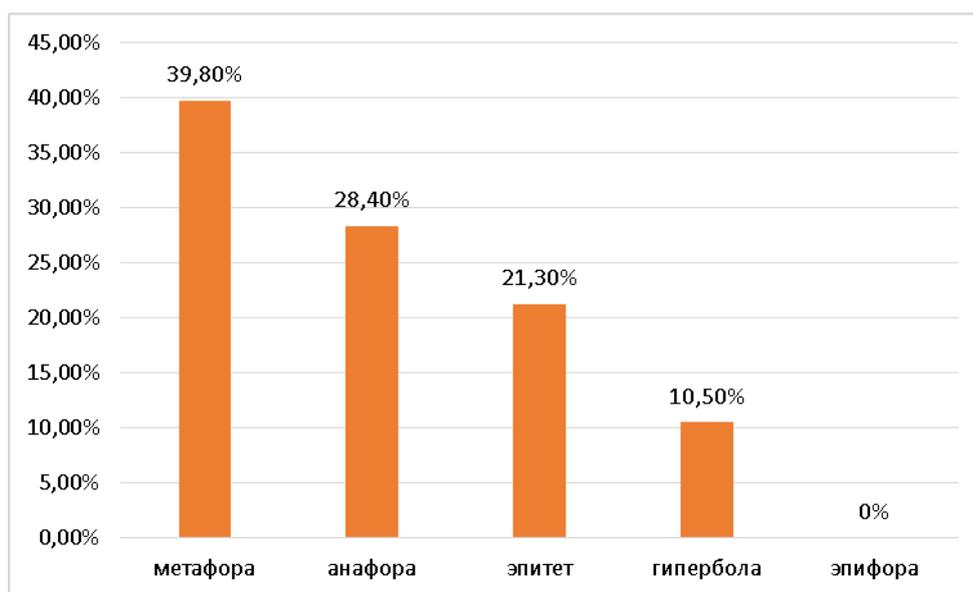

Рис. 2. Стилистические средства в речи мэра Вашингтона
Fig. 2. Stylistic means of speech of the mayor of Washington

Исходя из данных рис. 2 и принимая во внимание результаты практического анализа языкового материала, РП М. Баузер, мэра Вашингтона, характеризуется высокой частотностью метафор, указывающих на борьбу с вирусом, а также распространенностью анафор и эпитетов, актуализирующих наиболее значимую для адресанта информацию. Доминирование данных стилистических средств в речи градоначальника коррелирует с целями и задачами политической коммуникации и направлено на оказание речевого воздействия на массового адресата.

2.3. Речевое поведение С.С. Собянина

Далее перейдем к анализу РП представителя русскоязычной лингвокультуры, Сергея Семёновича Собянина, мэра Москвы. Изучив обращения С. С. Собянина, мы выделили наиболее типичные стилистические средства, свойственные РП мэра.

В силу того, что гиперболизация – прием, часто используемый в политическом дискурсе, который не только придает яркий акцент тексту, но и подводит слушателей к мысли о том, что ситуация чрезвычайная и необходимо принять неотложные меры, он рекуррентно применяется и российским градоначальником. Обратимся к примерам:

17) *К сожалению, рост больных ковидом достиг **невообразимо высокой отметки*** [<https://rusexpert.ru/>].

18) *Мы переживаем **бесконечные потери** с января этого года* [<https://rusexpert.ru/>].

19) ***Нескончаемые больные пациенты**, поступающие ежедневно в больницы* [<https://rusexpert.ru/>].

В приведенных примерах, говоря о масштабах проблемы и серьезности последствий, градоначальник задействует гиперболы, репрезентируемые в контексте именами прилагательными (*бесконечные, нескончаемые*), а также словосочетанием наречие + прилагательное (*невообразимо высокой*). Очевидно, что прагматически указанные гиперболы нацелены на оказание воздействия на получателей информации для осознания ими обязательности вакцинации и иных мер защиты.

Следующим распространенным стилистическим средством, зафиксированным в обращениях С. С. Собянина, выступают эпитеты, придающие контексту особую экспрессию и эмоциональность. Приведем пример:

20) *у нас **первоклассная вакцина** ..., ... у нас **лучшая вакцина** в Европе ...* [<https://www.rbc.ru/>].

В примере (20) давая оценку вакцине, мэр Москвы использует положительно окрашенные лексемы (*первоклассная, лучшая*) для убеждения горожан в безопасности и надежности вакцины, что, безусловно, имеет эффект и способствует возникновению доверия и уверенности у населения.

Наряду с другими градоначальниками, мэр Москвы также стремится ярко и экспрессивно охарактеризовать пандемию и для усиления убедительности своих слов использует метафору. Следует также отметить, что в большинстве случаев метафоры, выявленные в выборке, подчеркивают воинственный характер борьбы с вирусом и содержат аналогию с реальным врагом на поле боя. Приведем примеры:

21) ***Пока враг не будет повержен**, нам придется подстраиваться под новые реалии жизни* [<https://www.socio.msu.ru/>].

22) ***Борьба с COVID-19**, которую мы с вами начали весной этого года, была успешной и эффективной. Мы спасли тысячи жизней людей и во много раз уменьшили число случаев заражения. Решающую роль в этом сыграли дисциплина и сознательное выполнение санитарных ограничений со стороны миллионов москвичей. **Но вместе с первыми победами** пришло и чувство самоуспокоенности. Наверняка каждый из нас ловил себя на мысли, что теперь мож-*

но расслабиться и не обращать внимания на опасность заражения ковидом. К сожалению, это не так. **Вирус пока не побежден**, пандемия еще продолжается [https://www.sobyanin.ru/].

Полагаем, что метафора в примерах (21) и (22) служит мощным активатором эмоций у аудитории. Называя пандемию врагом, С.С. Собянин одушевляет пандемию. Помимо лексемы *враг*, для реализации метафорического значения мэр также использует следующие языковые единицы, семантически коррелирующие с боем, военными действиями и т. д.: *беспощадная болезнь*, *опасный и невидимый враг*, *борьба*, *победа* и др. Используя глагольные формы, мэр усиливает негативный образ ковида с целью воздействия на население и побуждения к вакцинации.

В свою очередь, в выборке единичны образцы употребления анафоры и не зафиксированы случаи использования градоначальником Москвы эпитеты, что, полагаем, свидетельствует о наличии в русском языке более эффективных, явных и типичных способов речевого воздействия. Частотность рассматриваемых стилистических средств в речи С. С. Собянина показана в диаграмме ниже (рис. 3).

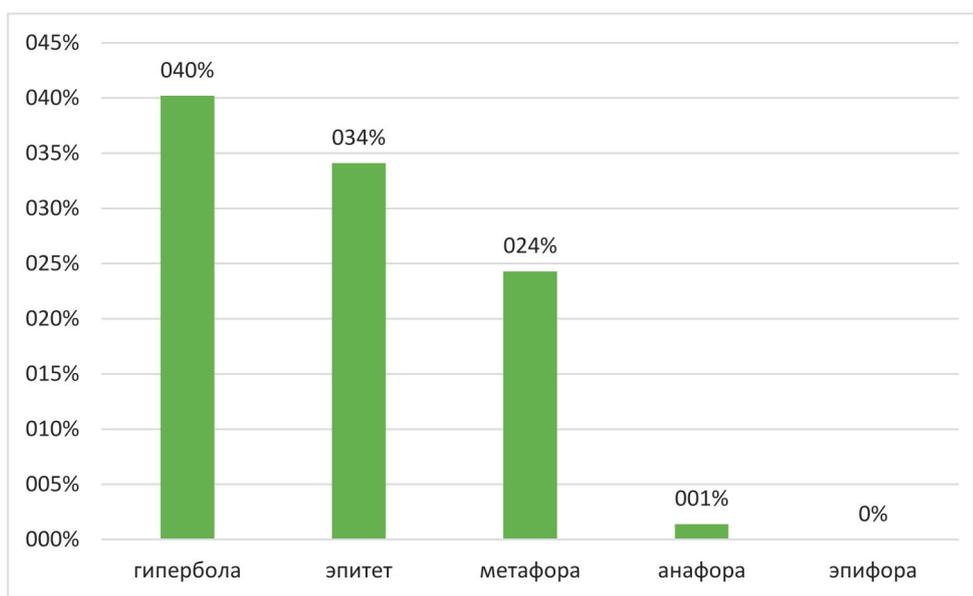

Рис. 3. Стилистические средства в речи мэра Москвы
Fig. 3. Linguistic means of speech of the mayor of Moscow

Согласно диаграмме, самыми распространенными приемами, которыми активно пользуется мэр российской столицы, являются гиперболы, эпитеты и метафоры, совместно позволяющие адресанту достичь целей и задач коммуникации, оказав необходимое воздействие на аудиторию.

Особо стоит отметить, что, помимо анализируемого в работе набора стилистических средств, РП мэра столицы РФ характеризуется наличием специфических особенностей, отсутствующих у зарубежных коллег из Лондона и Вашингтона. К числу данных средств нами отнесены *обращения* и *риторические вопросы*. Полагаем, что подобная тенденция обусловлена национальным менталитетом, открытостью, сопереживанием и состраданием россиян, их стремлением сблизиться и оказать всяческую помощь в трудной ситуации, в то время как в англоязычной культуре общение мэра и горожан тяготеет к официальному и сдержанному стилю. Так, большая часть выборки содержит обращения типа «Дорогие друзья!», «Дорогие наши бабушки и дедушки!», «Берегите себя, друзья!», которые позволяют С. С. Собянину установить эмоциональный контакт с целевой аудиторией.

Зачастую в своих речах С. С. Собянин использует риторические вопросы, например: «Подумайте, что будет, если не следовать данным правилам?», «Как много людей были госпитализированы? Сколько человек из этого количества наши с вами друзья, близкие, коллеги?», которые убедительно показывают, что воздействие на аудиторию осуществляется с помощью интерактива. Людям нет необходимости отвечать на риторические вопросы, однако эмоциональная окраска подобных фрагментов привлекает внимание слушателей и заставляет их задуматься о происходящем.

Таким образом, в речевом поведении С. С. Собянина основной вектор обращений направлен, с одной стороны, на воздействие людей с целью принятия срочных мер по борьбе с пандемией, а с другой – на стремление подчеркнуть, что худшее позади, сняв тем самым напряженность и волнение населения.

4. Обсуждение

В целом, как показал проведенный анализ, средства выразительности в речи мэров как в Англии, Америке, так и в России являются неотъемлемой частью политического дискурса. Они позволяют донести до широкой аудитории информацию о текущих проблемах и перспективах развития города, а также сформировать общественное мнение в нужной государственными властям форме. Языковые средства выразительности в кризисном политическом дискурсе градоначальников служат как для привлечения и удержания внимания горожан, создания возможности выразить свою оценку по отношению к сложившейся ситуации, воздействия на эмоциональное состояние адресата, так и для генерирования определенных реалий, побуждения к действию, мотивации. Использование в речи языковых средств выразительности в политическом дискурсе мэров не только позволяет решить коммуникативные задачи, но и свидетельствует о высоком уровне речевых навыков политических деятелей.

В кризисное для человечества время именно политические деятели играют ключевую роль в регулировании общественных волнений, разъяснении ситуации, информировании, поддержании постоянной коммуникации с гражданами. Несмотря на значимость первых лиц государств, в ходе анализа было выявлено, что в период пандемии именно градоначальники чаще всего поддерживали связь с народом, формируя как «повестку дня» в мегаполисе, так и понимание жителями происходящих, вызванных COVID-19, событий.

Проведенное исследование речевого поведения мэров доказало, что речевая деятельность градоначальников отражает не только их личность, языковое сознание, культурную принадлежность, но и способность преодолевать трудные кризисные этапы в жизни города, управляя настроением и поведением жителей мегаполисов. Обращения мэров в критических ситуациях являются важным средством поддержки и общения с жителями города. Они могут поднять моральный дух населения и снять напряжение в обстановке кризиса. Кроме того, обращения мэров могут содержать информацию о действиях властей и направлении усилий на решение проблем. Продуманная и тщательно реализованная коммуникативная политика исполнительной власти, безусловно, может способствовать повышению доверия граждан к местным властям и созданию позитивного впечатления о работе руководства города в условиях кризиса.

5. Выводы

Как показало проведенное исследование, речевое поведение мэров имеет свою специфику, обусловленную как культурными и социальными факторами, так и прагматикой коммуникации, и сводится к манипулированию сознанием и оказанию речевого воздействия с целью достижения определенных задач, требуемых к выполнению в кризисный период развития страны, в том числе в условиях пандемии. В ходе исследования было установлено, что любую социально значимую цель в кризисный период градоначальники реализуют в своих выступлениях,

используя различные языковые средства выразительности. Насыщая текст языковыми тропами, фигурами речи, мэры получают возможность окрасить происходящее в нужные тона, придать сказанному необходимый оттенок, усилить определенные части высказываний, вызвать необходимые эмоции у аудитории, что, безусловно, оказывает непосредственное воздействие на сознание горожан. Так, у мэра Лондона превалируют эпитеты и анафоры, выполняющие прагматическую функцию формирования определенного эмоционального состояния и мотивации горожан к совершению определенных действий. Мэр Вашингтона, насыщая свою речь метафорами и анафорами, придает образность речи, ярко и экспрессивно передает необходимую информацию населению. В речевом поведении мэра Москвы характерно доминирование гипербола и употребление эмоционально окрашенных эпитетов, выполняющих эстетическую функцию усиления выразительности и придания убедительности сказанному.

Список литературы

- Бабич Н. Г.** Президентское интервью как жанр политического дискурса и его лингвопрагматические характеристики (на материале английского и русского языков): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. 256 с.
- Базылев В. Н.** Политический дискурс в России // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2005. Вып. 15. С. 5–32.
- Винокур Т. Г.** Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М.: URSS, 2017. 176 с.
- Власян Г. Р., Кожухова И. В.** Глобализация, коммуникативное поведение и вежливость // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 111–115.
- Гаврилова М. В.** Некоторые черты речевого портрета первого президента России Б. Н. Ельцина // Политическая лингвистика. 2012. № 4(42). С. 17–22.
- Гукосьянц О. Ю., Алимуратов О. А.** Тактики развертывания конфликта в интернет-коммуникации периода пандемии COVID-19 // Вестник Москов. гос. областн. ун-та. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 58–66.
- Зюбина И. А.** Национальная специфика доминирования в речевом поведении политиков // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. №. 4. С. 51–61.
- Зюбина И. А., Матвеева Г. Г.** Неэкологичное доминирование в политическом дискурсе // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. 2022. № 3(166). С. 264–268.
- Карасик В. И.** Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019. 422 с.
- Карпухина Т. П., Кузнецова Н. В.** Основания формирования политкорректного современного политического дискурса (на материале французского языка) // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2017. № 3(71). С. 180–186. DOI 10.21603/2078-8975-2017-3-180-186
- Катермина В. В., Вульфович Б. Г.** Лингвопрагматика комментариев пользователей в политическом интернет-дискурсе: Монография. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2021. 170 с.
- Катермина В. В., Вульфович Б. Г.** Лингвопрагматический потенциал политического интернет-дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 2. С. 19–26.
- Матвеева Г. Г., Мясичев Г. И.** Прагмалингвистические исследования речевого портрета общественных деятелей в блогосфере // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2020. № 25-1. С. 236–239.
- Миронова Н. Н.** Структура оценочного дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 355 с.
- Михалева О. Л.** Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 256 с.
- Моргун Е. А.** Инаугурационный дискурс: понятийно-терминологические и когнитивно-прагматические основания (на материале инаугурационных речей американских президентов)

// Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (4). С. 192–194.

Седых А. П. Специфика речевого воздействия Жака Ширака // Политическая лингвистика. 2011. № 1(35). С. 24–29.

Сизоненко А. Ю., Гнедаш А. А., Катермина В. В. Сетевой дискурс и российский мэр: формирование цифровой социально-политической повестки дня в социальных сетях (опыт сетевого и лингводискурсивного анализа) // Вестник Чуваш. гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. 2021. № 3. С. 100–111.

Стернин И. А. Основы речевого воздействия. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 289 с.

Харченко Е. В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. 336 с.

Харченко Е. В. Моделирование речевого поведения в профессиональном общении // Вестник Южно-Ураль. гос. ун-та. Серия: Лингвистика. 2006. № 6(61). С. 103–106.

Чеботникова Т. А. Речевое поведение как один из способов актуализации языковой личности // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2011. № 28 (243). Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 59. С. 138–143.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.

Ширяева Т. А. Парламентский дискурс: социокультурные практики и языковое воплощение. Казань: Бук, 2020. 148 с.

Bodoc A. Linguistic instruments employed in political discourses. Manipulation tools or expressions of human universal behaviour? // Bulletin of the Transilvania University of Braşov Series IV: Philology and Cultural Studies, 2018, vol. 11 (60), no. 2, p. 49–70.

Corcoran P. Political language and rhetoric. University of Queensland Press, St Lucia, Queensland, 1979.

Higgins M. Mediatisation and political language // The Routledge handbook of language and politics / ed. by R. Wodak and B. Forchtner. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2017, p. 383–397.

Joslyn R. Keeping Politics in the Study of Political Discourse // Form, Genre, and the Study of Political Discourse. Columbia: Univ. of S. Carol Press, 1986, p. 301–338.

Pomper G. M. The Presidential Election // The Election of 2000: Reports and Interpretations. Chatham House Publishers of Seven Bridges Press, LLC, 2001, p. 125–155.

Wodak R. Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA // Discourse and society, 2006, no. 8, p. 179–190.

Wodak, R., Forchner, B. Introducing the language-politics nexus // The Routledge handbook of language and politics / ed. by R. Wodak and B. Forchtner. New York: Routledge, 2017, p. 1–14.

Источники примеров

<https://www.newham.gov.uk/news/article/748/mayor-of-london-and-mayor-of-newham-host-the-keynote-london-living-wage-event>

<https://www.investopedia.com/special-economic-impact-of-pandemics-4800597>

<https://www.london.gov.uk/talk-london/topics/recovery-covid-19/life-during-lockdown/discussions/489?page=1#comment-22327>

<https://www.theguardian.com/global-development/2021/feb/19/the-number-of-people-in-need-is-frightening-we-need-a-global-response>

<https://www.npr.org/2023/02/10/1155516547/are-there-places-you-should-still-mask-in-forever-three-experts-weigh-in>

<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7282311>
<https://www.gov.uk/government/news/plans-announced-for-london-s-covid-19-recovery>
<https://www.london.gov.uk/press-releases/mayoral/mayor-of-london-calls-for-covid-recovery-visa>
<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/09/remarks-by-president-biden-on-fighting-the-covid-19-pandemic-3>
<https://mayor.dc.gov/release/mayor-bowser-and-first-lady-obama-encourage-residents-covid-19-symptoms-get-tested>
<https://afro.com/d-c-coronavirus-update-bowser-announces-second-stimulus-for-eligible-residents/>
<https://skoll.org/2020/08/25/what-to-do-during-a-pandemic-in-a-world-of-water-inequality>
<https://metrohealthdc.org/mayor-bowsers-latest-guidance-on-covid-19/>
<https://mayor.dc.gov/release/dc-health-announces-second-covid-19-related-death>
<https://coronavirus.dc.gov/release/mayor-bowser-proclaims-day-remembrance-lives-lost-covid-19>
<https://rusexpert.ru/public/knigi/26.RusYazKornvirusEpor2021.pdf>
<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fdcf2869a79472c68e6602f>
https://www.socio.msu.ru/documents/20200115_sbornik.pdf
<https://www.sobyanin.ru/koronavirus-obraschenie-k-starshemu-pokoleniyu-i-udalennaya-rabota>

References

- Babich N. G.** Presidential interview as a genre of political discourse and its linguistic and pragmatic characteristics (based on the material of English and Russian languages): dis. ... cand. philol. sci. Moscow, 2015, 256 p. (in Russ.)
- Bazylev V. N.** Political discourse in Russia. *Linguistics. Bulletin of the Ural Linguistic Society*, 2005, iss. 15, pp. 5–32. (in Russ.)
- Bodoc A.** Linguistic instruments employed in political discourses. Manipulation tools or expressions of human universal behaviour? *Bulletin of the Transilvania University of Braşov Series IV: Philology and Cultural Studies*, 2018, vol. 11 (60), no. 2, pp. 49–70.
- Chebotnikova T. A.** Speech behavior as one of the ways to actualize a linguistic personality. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2011, no. 28 (243), vol. 59, pp. 138–143. (in Russ.)
- Chudinov A. P.** Political linguistics. Moscow, Flinta: Nauka publ., 2006, 256 p. (in Russ.)
- Corcoran P.** Political language and rhetoric. University of Queensland Press, St Lucia, Queensland, 1979.
- Gavrilova M. V.** Some features of the speech portrait of the first President of Russia B. N. Yeltsin. *Political Linguistics*, 2012, no. 4(42), pp. 17–22. (in Russ.)
- Gukosyants O. Yu., Alimuradov O. A.** Tactics of conflict deployment in Internet communications during the COVID-19 pandemic. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 1, pp. 58–66. (in Russ.)
- Higgins M.** Mediatisation and political language. In: *The Routledge handbook of language and politics* / ed. by R. Wodak and B. Forchtner. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York, Routledge, 2017, pp. 383–397.
- Joslyn R.** Keeping Politics in the Study of Political Discourse. In: *Form, Genre, and the Study of Political Discourse*. Columbia: Univ. of S. Carol Press, 1986, pp. 301–338.
- Karasik V. I.** Language spiral: values, signs, motives. Moscow, Gnosis publ., 2019, 422 p. (in Russ.)
- Karpukhina T. P., Kuznetsova N. V.** The foundations of the formation of a politically correct modern political discourse (based on the material of the French language). *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017, no. 3(71). pp. 180–186. DOI 10.21603/2078-8975-2017-3-180-186 (in Russ.)
- Katermina V. V., Vulfovich B. G.** Linguistics and pragmatics of user comments in political Internet discourse: monograph. Krasnodar, Kuban State univ., 2021, 170 p. (in Russ.)

- Katermina V. V., Vulfovich B. G.** Linguistic and pragmatic potential of political Internet discourse. *Current problems of philology and pedagogical linguistics*, 2019, no. 2, . 19–26. (in Russ.)
- Kharchenko E. V.** Models of speech behavior in professional communication. Chelyabinsk, SUSU Publishing House, 2003, 336 p. (in Russ.)
- Kharchenko E. V.** Modeling speech behavior in professional communication. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 2006, no. 6(61), pp. 103–106. (in Russ.)
- Matveeva G. G., Myasishchev G. I.** Pragmalinguistic studies of the speech portrait of public figures in the blogosphere. *Linguistic and rhetorical paradigm: theoretical and applied aspects*, 2020, no. 25-1, pp. 236–239. (in Russ.)
- Mironova, N. N.** The structure of evaluative discourse: Dis. ... dr. philol. sci. Moscow, 1998, 355 p. (in Russ.)
- Mikhaleva, O. L.** Political discourse. Specifics of manipulative influence. Moscow, Book house “LIBROKOM”, 2009, 256 p. (in Russ.)
- Morgun E. A.** Inaugural discourse: conceptual, terminological and cognitive-pragmatic foundations (based on the material of the inaugural speeches of American presidents). *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. Tambov, Publishing house “Literacy”, 2009, no. 2 (4), pp. 192–194. (in Russ.)
- Pomper G. M.** The Presidential Election. In: *The Election of 2000: Reports and Interpretations*. Chatham House Publishers of Seven Bridges Press, LLC, 2001, pp. 125–155.
- Sedykh A. P.** Specificity of the speech influence of Jacques Chirac. *Political linguistics*, 2011, no. 1(35), pp. 24–29. (in Russ.)
- Sheigal E. I.** Semiotics of political discourse: Dis. ... dr. philol. sci. Volgograd, 2000, 431 p. (in Russ.)
- Shiryaeva T. A. et al.** Parliamentary discourse: sociocultural practices and linguistic embodiment. Kazan, Buk, 2020, 148 p. (in Russ.)
- Sizonenko A. Yu., Gnedash A. A., Katermina V. V.** Network discourse and the Russian mayor: formation of a digital socio-political agenda in social networks (experience of network and linguistic-discursive analysis). *Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Yakovleva*, 2021, no. 3, pp. 100–111. (in Russ.)
- Sternin I. A.** Fundamentals of speech influence. M.-Berlin, Direct-Media, 2015, 289 p. (in Russ.)
- Vinokur T. G.** Speaker and listener: variants of speech behavior. Moscow, URSS, 2017, 176 p. (in Russ.)
- Vlasyan G. R., Kozhukhova I. V.** Globalization, communicative behavior and politeness. *Political linguistics*, 2018, no. 5 (71), pp. 111–115. (in Russ.)
- Wodak R.** Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA. *Discourse and society*, 2006, no. 8, pp. 179-190.
- Wodak R., Forchner B.** Introducing the language-politics nexus. In: *The Routledge handbook of language and politics*. R. Wodak and B. Forchner (Eds). New York, Routledge, 2017, pp. 1–14.
- Zyubina, I. A.** National specificity of dominance in the speech behavior of politicians. *Current problems of philology and pedagogical linguistics*, 2021, no. 4, pp. 51–61. (in Russ.)
- Zyubina, I. A., Matveeva, G. G.** Non-ecological dominance in political discourse. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 2022, no. 3(166), pp. 264–268. (in Russ.)

Corpus Materials

- <https://www.newham.gov.uk/news/article/748/mayor-of-london-and-mayor-of-newham-host-the-keynote-london-living-wage-event>
- <https://www.investopedia.com/special-economic-impact-of-pandemics-4800597>
- <https://www.london.gov.uk/talk-london/topics/recovery-covid-19/life-during-lockdown/discussions/489?page=1#comment-22327>

<https://www.theguardian.com/global-development/2021/feb/19/the-number-of-people-in-need-is-frightening-we-need-a-global-response>
<https://www.npr.org/2023/02/10/1155516547/are-there-places-you-should-still-mask-in-forever-three-experts-weigh-in>
<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7282311>
<https://www.gov.uk/government/news/plans-announced-for-london-s-covid-19-recovery>
<https://www.london.gov.uk/press-releases/mayoral/mayor-of-london-calls-for-covid-recovery-visa>
<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/09/remarks-by-president-biden-on-fighting-the-covid-19-pandemic-3>
<https://mayor.dc.gov/release/mayor-bowser-and-first-lady-obama-encourage-residents-covid-19-symptoms-get-tested>
<https://afro.com/d-c-coronavirus-update-bowser-announces-second-stimulus-for-eligible-residents/>
<https://skoll.org/2020/08/25/what-to-do-during-a-pandemic-in-a-world-of-water-inequality>
<https://metrohealthdc.org/mayor-bowsers-latest-guidance-on-covid-19/>
<https://mayor.dc.gov/release/dc-health-announces-second-covid-19-related-death>
<https://coronavirus.dc.gov/release/mayor-bowser-proclaims-day-remembrance-lives-lost-covid-19>
<https://rusexpert.ru/public/knigi/26.RusYazKornvirusEpor2021.pdf>
<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fdcf2869a79472c68e6602f>
<https://www.sobyanin.ru/koronavirus-obraschenie-k-starshemu-pokoleniyu-i-udalennaya-rabota>

Информация об авторах

Ширяева Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета

Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета

Information about the Authors

Tatiana A. Shiryaeva, Doctor of Philology, Full Professor, Department of the English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Veronika V. Katermina, Doctor of Philology, Full Professor, English Philology Department, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 07.12.2023;
одобрена после рецензирования 14.06.2024; принята к публикации 21.06.2024*

*The article was submitted 07.12.2023;
approved after reviewing 14.06.2024; accepted for publication 21.06.2024*

Научная статья

УДК 821.133.1, 82-9

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-89-100

О некоторых заимствованиях из русского языка во франкоязычных графических романах о России и россиянах

Мишель Дебрэнн

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

micheledebrenne@gmail.com

Аннотация

В статье представлен новый этап исследования образа России во франкоязычных графических романах, а именно роль русского языка в них. Рассмотрены два класса явлений – ненормативные лексические заимствования и речевые формулы, используемые для реализации речевых актов (главным образом «клятва») или их имитации в виде дискурсивов. Материалом для исследования послужили 550 графических романов («комиксов») о России и/или россиянах, написанных во Франции и Бельгии с 1929 г. по настоящее время. Насыщенность текста ненормативной лексикой невелика – она была найдена лишь в 11,7 % анализируемых книг. Рассмотрена роль ненормативной лексики в них, степень ее освоения русским языком, типы и функционирование. Ненормативная лексика может быть представлена как кириллицей, так и в транслитерации в пропорции 30/70 %, при этом авторы прибегают, скорее, к «бытовой», чем к научной транслитерации, стараясь приблизиться к реальному произношению русских слов. В словах, написанных кириллицей, нередки орфографические ошибки. Ненормативная лексика переведена лишь в 15,6 % случаев, переводы могут быть как внизу панели, так и внизу страницы. Не все слова и выражения используются в качестве оскорблений или выражения ярких отрицательных эмоций, они также могут характеризовать стиль речи персонажа. Среди речевых формул клятвы и проклятия встречаются как имитации русских общеупотребительных, так и «намекающие на Россию» изобретения авторов, отличающиеся от нормативной лексической наполняемости. Особенно интересна речевая реализация «третьего актанта» прагматической ситуации «клятвы» – свидетель или залог, гарантирующий истинность намерения говорящего. В статье выдвигаются гипотезы относительно того, откуда авторы черпают русские слова и выражения, а также почему они позволяют себе нередкие речевые ошибки, в особенности лексического и стилистического характера. Если автор не владеет русским языком и не прибегает к помощи переводчика, он использует специализированные словари: выбирая перевод ненормативной лексики французского языка, он чаще всего лишен возможности проверить его адекватность для выражения экспрессии, в качестве инвективы, или с точки зрения лексической сочетаемости для выражения экспрессии, в качестве инвективы, что приводит к ошибкам.

Ключевые слова

графические романы, французский язык, образ России, ненормативная лексика, идиоматические перформативы

Для цитирования

Дебрэнн М. О некоторых заимствованиях из русского языка во франкоязычных графических романах о России и россиянах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4. С. 89–100. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-89-100

© Дебрэнн М., 2024

Some Borrowings from Russian Language in Francophone Graphic Novels about Russia and Russians

Michèle Debrenne

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation
micheledebrenne@gmail.com

Abstract

This article pursues a new direction in the study of the image of Russia in French-language graphic novels: their use of the Russian language itself. Two classes of Russian language use are considered: non-normative lexical borrowings (profanity) and speech formulas used to implement speech acts (mainly “oaths”) or their imitation in the form of discourse markers. The study is based on 550 graphic novels (“comic books”) about Russia and/or Russians, written in France and Belgium from 1929 to 2023. This kind of profanity wasn’t particularly common – it was found only in 11.7% of the analyzed books. The role of profanity in these books, the degree to which the profanity conforms to the grammar of the Russian language, as well as its types and functions are all examined in this article. Profanity could be found in the form of Cyrillic letters (about 30% of the time) or in the form of a French transliteration (about 70% of the time). While transliterating, the authors tended to use “casual” transliterations, rather than systemic ones, in an attempt to better imitate the real pronunciation of Russian words. Spelling errors were common in the words written in Cyrillic. Profanity was translated only in 15.6% of contexts in which case the translations were placed either at the bottom of the panel or at the bottom of the page. Not all the words and expressions were used as insults or expressions of strong negative emotions; they could also be used to characterize a personage’s speech style. For the speech acts of oaths and curses, imitations of commonly used Russian words were used along with “Russian-adjacent” words: words invented by the author that differed from normative words in terms of their lexical content. Of particular interest were speech realizations of the “third actant” in the context of an “oath”: the witness or pledge that guarantees the honesty of the speaker. The article puts forward several hypotheses as to where the authors find Russian words and expressions, as well as to why they make frequent errors, particularly lexical and stylistic ones, while doing so. If the author does not speak Russian and does not consult a translator, they might use a specialized dictionary when looking for a translation of a non-standard lexeme into the French language. When using such a dictionary, the author often cannot be sure of the word’s suitability as an expletive or injective or of its lexical compatibility with other words, which can lead to errors.

Keywords

graphic novels, comics, French language, image of Russia, profanity, performative utterances

For citation

Debrenne M. Some Borrowings from Russian Language in Francophone Graphic Novels about Russia and Russians. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 89–100. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-89-100

Введение: русский язык во франкоязычных графических романах о России и россиянах

В ходе нашего исследования франкоязычных графических романов о России и россиянах были рассмотрены графические романы (комиксы, банд-десине) (далее – ГР), действие которых происходит в царской России, в СССР или в современной России и/или в которых принимают участие персонажи, определяемые читателями как «русские». Анализировались как изобразительные средства представления образа России, так и отдельные языковые аспекты, например антропонимы, топонимы, русизмы [Дебренн, 2021, 2023]. В дальнейшем мы предполагаем более детально изучить роль русского языка в создании этого образа на страницах 550 книг, опубликованных во Франции, Бельгии, Швейцарии или Канады с 1929 по 2024 г. В настоящей работе мы остановимся на двух специфических явлениях, характерных для ГР – ненормативная лексика и идиоматические перформативы.

1. Ненормативная лексика на русском языке в графических романах

1.1. Ненормативная лексика в графических романах

Проблема определения слов, «в принципе осуждаемых обществом по самым разным причинам, но прежде всего в силу их резкости, грубости, сознательного направления на нарушение приличий», была подробно рассмотрена в работах А. И. Жельвиса, в том числе в цитируемой здесь статье «Грубость, проблемы классификации лексики» [Жельвис, 2008]. В настоящей работе наша цель не в том, чтобы предложить всеобъемлющую классификацию, поэтому мы будем использовать самое широкое понятие – «ненормативная лексика», т. е. «слова, отклоняющиеся от принятой нормы» [Там же. С. 111].

Наличие ненормативной лексики во французских «рисованных полосках» (*bandes dessinées*) – факт давно замеченный, это регулярно осуждалось, особенно в те времена, когда комиксы, главным образом, адресовались детям. Популярное приключение «*Les Pieds Nickelés*» (никелированные ножки – о банде мелких хулиганов [1]), публиковавшееся с 1908 г., часто становилось объектом критики в том числе за то, что персонажи выражались на арго. Однако ГР никогда не запрещались (за исключением периода Второй мировой войны, когда оккупационные власти закрыли почти все ГР и публикации для детей, как в Бельгии, так и во Франции). Принятый в июле 1949 г. Закон о публикациях для молодежи относился к содержанию, а не к форме изложения [Loi № 49]. В нем запрещались «иллюстрации, рассказы, рубрики, вставки, представляющие в выгодном цвете бандитизм, ложь, воровство, лень, трусость, ненависть, разврат и всякие действия, определяемые как преступления или правонарушения, или угрожающие нравственности детей и подростков»¹.

Несмотря на то что ненормативная лексика не была официально запрещена, в период с 1949 по 1968 г. в графических романах она все же чаще всего заменялась специфическими графическими символами, изображающими бурные эмоции говорящего (бомба, череп с костями, кинжал, свинья и т. д.) или иносказательными выражениями вроде *Rogntudjuu!*, в котором можно угадать проклятие *nom de Dieu* в устах Прюнеля, персонажа, придуманного Франкеном [2]. О ненормативной лексике капитана Хаддока в приключениях Тинтина написаны многочисленные исследования, издан словарь всех инвектив известного холерика [Algoud, 2004]. Их особенность состояла в том, что данный персонаж использовал в качестве инвектив редкие, звучные, но вполне цензурные слова (вроде *australopithèque* – австралопитек, *moule à gaufre* – форма для выпечки вафель или *ornitorhynque* – утконос [3]), которые становились инвективами только в ходе реализации соответствующего речевого акта. Начиная с семидесятых годов XX в. всякие ограничения были сняты и речь персонажей БД стала менее эвфемистична.

По этим же причинам не приходится удивляться наличию ненормативной лексики в ГР о России и россиянах. В этих книгах встречаются слова на разных языках, в зависимости от персонажей. Даже в том случае, когда все персонажи романа – россияне, их речь чаще всего записана на французском, как, например, в серии «Слава» [4], действие которого происходит в перестроенной России: в этом ГР встречаются как русизмы, так и слова, написанные кириллицей, в том числе ономотопы, но для ругательств и оскорблений используется французский язык. В некоторых случаях межъязыкового контакта возможны заимствования из английского, немецкого, испанского языков, чаще всего без перевода. Так, например, в книге «Дубль-7» [5], действие которого происходит среди членов интернациональной бригады во время граждан-

¹ Закон действует и по сей день, однако претерпевал множество изменений. На данный момент запрещены публикации, содержание которых «представляет опасность для молодежи в силу порнографического характера или подталкивает к дискриминации или ненависти конкретного лица или группы лиц, к унижению человеческого достоинства, к потреблению, владению или распространению наркотиков или психотропных веществ, к жестокости и ко всяким действиям, определяемым как преступления или правонарушения, или способным навредить физическому, психическому или нравственному развитию молодежи. <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000878175/>

ской войны в Испании, или в серии «Инсайдеры» [6], главный герой которого Нажах – колумбийка. В данном разделе мы ограничимся анализом ненормативной лексики русского происхождения, поскольку нас интересует присутствие этого языка в ГР.

Стоит оговориться, что насыщенность этих книг ненормативной лексикой невелика: в 550 книгах было насчитано 4794 разных примера применения русского языка (заимствования, написанные кириллицей и транслитерацией, русизмы, а также 20 украинизмов). Ненормативная лексика среди них представлена в 3,6 %. Мы не относим существительное *dourak* к ненормативной лексике, но можем отметить следующее: это один из 94 найденных в нашем материале русизмов.

Ненормативная лексика на русском языке найдена в 63 книгах (11,7 % всех анализируемых книг), чаще всего по одному или два примера, хотя бывают исключения. Так, в третьем томе серии «Восточный» [7] найдено 13 примеров, т. е. половина всех заимствований из русского языка в данной книге. В отличие от испанских и английских ругательств здесь русские переведены на французский язык. По 10 примеров в уже упомянутом «Дубль-7» и втором томе серии «Секреты – Змея подо льдом» [8].

1.2. Ненормативная лексика на русском языке в графических романах

Нецензурная лексика на русском языке – подгруппа заимствований из этого языка во франкоязычных ГР. Для описания этой подгруппы лексем можно применить следующие критерии:

А. Степень освоения

Поскольку рядовой носитель французского языка не владеет кириллицей, заимствования, написанные с помощью букв этого алфавита, остаются непонятными большинству читателей. Если перевода нет, только контекст (рисунок, размер букв, пунктуация, остальная часть реплики, реакция других персонажей) может дать понять, что произошло. Пропорция кириллицы и транслитерации среди ненормативной лексики существенно не отличается от общей по всему корпусу (для реплик): 30 % кириллицей и 70 % транслитерацией, против 35/65 % по всем репликам персонажей. Заметим, что одна и та же лексема может, в зависимости от авторов, быть представлена кириллицей или транслитерацией. В целом, авторы придерживаются принципа единообразия на протяжении всей книги или серии и не переходят от кириллицы к транслитерации и обратно. В большинстве случаев авторы используют «бытовую», а не научную транслитерацию [Aslanoff, 1986]. При этом наблюдается колеблющееся использование диакритики, ср. *svôlôtch / svolotch / svôlatche*.

Варианты транслитерации встречаются иногда на страницах одной и той же книги. Наибольшее разнообразие представлено в словах *tchort / tchiort / tchiorte vazmi / vozmi / voz'mi / vosmi u pizdec / pisdiet / pizdiet / pizdiets / pizdets*. Первая, наиболее частотная, орфография может объясняться аналогичной формой в польском языке.

В некоторых случаях мы сталкиваемся с промежуточными вариантами, со смесью алфавитов. Результат порой не удается расшифровать, как в примерах *pokhouçdrili* или *ui kouçhud sebye* [7], *йолуп останніп* [9].

Б. Наличие перевода

Переводом могут сопровождаться как заимствования, написанные кириллицей, так и те, которые транслитерировались. Перевод может быть приведен как в нижней части той же панели, так и в нижней части страницы, и лишь в одном случае все переводы собраны в конце книги. В одних случаях автор приводит аналогичное выражение на французском языке (что не обязательно является дословным переводом), в других он предлагает дефиницию, как в словаре, ср:

Да пошел ты [10] переведенный *va te faire foutre!* (что дословно звучит более грубо, но соответствует по смыслу);

Oh non, blyadyouga [6] получает следующее объяснение: *expression argotique russe: femme aux mœurs légères* (русское грубое выражение: женщина легкого поведения).

Интересно заметить, что авторы иногда «комментируют» ненормативную лексему в сноске, меняя пунктуацию: так, в примере *Ces podonki ont détruit tous systèmes com mais j'ai solution* (эти подонки разрушили все системы коммуникации, но у меня есть решение) [11], написанном с ошибками во французском языке, чтобы показать слабое владение английским языком русского персонажа (действие происходит среди носителей английского языка), заимствованное *podonki* – в правильной форме множественного числа – переводится в сноске: *raclures, en russe...* с многозначительным многоточием, в котором автор, видимо, передает свое отношение к данному слову.

Заметим, что в большинстве случаев ненормативная лексика – так же, как и в целом русский язык в ГР, – не переведена. Мы насчитали 29 случаев переводов, то есть 15,6 % всех примеров, что сопоставимо с долей случаев перевода в корпусе в целом (17 %).

В. Функциональные типы

В большой класс ненормативной лексики объединены разные вещи. С одной стороны, встречаются простые заимствования, не несущие оскорбительной функции, лишь маркирующие стиль речи персонажа: *pire que des guemaroï* (хуже геморроя) [12], *j'ordonne que le boukhlo coule à flots* (велю, чтобы бухло текло рекой)[7].

Вторую группу составляют восклицания, выражающие яркие эмоции: *Холера* встречается 3 раза в данной книге [9], или реплика *tchiort vozmi Tvoïou mat', nou i diela!* [13].

В третью группы вошли оскорбления, как прямые, так и косвенные: в первом случае адресат присутствует и слышит оскорбления в свой адрес, во втором – о нем говорят в его отсутствии – лексемы при этом одни и те же – *мразь, сука, собака, придурок* и другие, кириллицей или в транслитерации. Всего обнаружено 15 разных оскорбительных лексем, относящихся к самым распространенным в русском языке.

Г. Ошибки

Русский язык во франкоязычных ГР часто представлен с ошибками, которые рядовой читатель вряд ли заметит. Ранее мы отмечали, что авторы ГР о России порой могут себе позволить использовать странные имена и фамилии для русских персонажей, не удосуживаясь проверить правдоподобность созданного ими антропонима. Так, появляются фамилии *Miranovna, Charianine* или *Bonaskaïova* (для мужчины), имена *Youria* и *Vaniva* (для девушек), *Vedianim* и *Vladen* [Дебрэнн, 2023. С. 88]. Среди ненормативных заимствований представлен как бы в миниатюре весь спектр ошибок, встречаемых в нашем корпусе в целом:

- орфографические ошибки: в тех случаях, когда слово написано кириллицей, оно может быть написано неправильно, например, *звиня, хрунь, блёч* или различные варианты «женщины легкого поведения», оканчивающиеся то на *-ть*, то на *-дь*, и с вариациями корневой гласной буквы – то *а*, то *ая*, то *я*. Помимо этого, форма букв не всегда соответствует нормам русского языка, ведь лetterингом занимаются люди, не знакомые с прописями на кириллице;
- для транслитерированных слов говорить об ошибках (т. е. отклонениях от нормы) нельзя, поскольку, как отмечалось, авторы прибегают к бытовой транслитерации, в которой норма не фиксирована. К орфографическим ошибкам можно отнести разве что *zuka*, или странные переносы в словах, например, *stoiïï, svolotch!!! Stoï niémiéde-lièna!!!* [8]. Возможно текст, который передавался каллиграфисту для переписывания, содержал перенос, и он решил, что именно так пишется данное слово. В данной книге подобных примеров несколько;
- лексические и стилистические ошибки.

Мы предполагаем, что в некоторых случаях автор текста вставляет то или иное заимствование из русского языка, заглянув в словарь, однако при этом он не обращает внимания на частеречную принадлежность найденного слова. Так, во французском языке слово *idiot* может быть и существительным, и прилагательным, тогда как *идиот* и *идиотский* – разные слова в русском, и только первое синтаксически подходит в качестве инвективы. Этим, видимо, объясняется ошибка в *идиотский tu veux donc mourir?* (досл. «идиотский, что ли ты хочешь умереть») [14] или *занудный* (вместо «зануда») [15].

Те авторы, которые не прибегают к советам русскоязычных коллег, рискуют также выбрать слово, которое хоть и принадлежит русскому языку, тем не менее не является инвективой или восклицанием. Так, существительное *бордел* (с орфографической ошибкой) не используется в той же роли, что и *bordel!* во французском, где оно может служить эмоциональным выражением неудовольствия. Не перепроверили выбранное существительное в качестве перевода *merde* авторы эпизода «Ирина» серии XIII [16]: в результате восклицание *Зй... помет* (с неправильно сформированной буквы Э, ставшей похожей на З) директрисы детского дома, констатировавшей смерть изнасилованной воспитанницы, вместо подразумеваемого *Eh merde!* может вызвать улыбку у русскоговорящей читательской публики – на которую, разумеется, книга и не рассчитана. Франкоговорящая же публика и без перевода легко догадалась о чувствах директрисы.

В книгах, написанных Франком Жиру [8; 13; 17], мы регулярно находим выражение *nou i dela!*. Оговоримся сразу, что мы не считаем данную формулу «ненормативной», но наш интерес к ней как раз и вызван тем, что автор явно применяет ее там, где по сценарию требовалось бы гораздо более крепкое выражение. Учитывая обилие довольно крепких слов на остальных страницах этих книг, мы не думаем, что данный автор решил подвергать себя цензуре. Скорее всего, он не знал, что чередование *da svidania, svolotch, oublioudki* и *nou i diela* в устах бандитов с пистолетом в руке производит забавный стилистический эффект. К сожалению, нам не удалось выяснить, владел ли русским языком автор, написавший немалое количество ГР (17) о России и россиянах.

Также неуместна реплика *bit' bakouchki!* в устах генерала КГБ, отвечающего на вопрос *Vous n'allez tout de même pas interdire les dominos dans l'escadrille dont l'emblème est le double six, camarade commissaire?! (Товарищ комиссар! Вы ведь не собираетесь запретить играть в домино эскадрилье, эмблема которой – дубль-6?)* [5]. С одной стороны, в прагматическом смысле ответ странный – ожидалось что-то в роде «да-нет-пошел к черту». В следующей реплике этот же персонаж «переводит» себя: *Vous n'êtes pas ici pour fabriquer des cuillères en bois ou jouer aux dominos, mais pour combattre l'ennemi fasciste!* (вы тут не для того собрались, чтобы изготавливать деревянные ложки или играть в домино, но для того, чтобы драться с фашистскими врагами). Но читатель так и не узнает, что данный устаревший и милый фразеологизм стилистически совершенно не вяжется с привычными матерными выражениями данного персонажа.

В связи с этим возникают следующие вопросы: откуда авторы берут эти слова и по какой причине возникают ошибки. Рассмотрим данные слова в контексте остальных заимствований из русского языка. Из 550 книг, посвященных России или россиянам, русский язык появляется в 475, и в 410 из них ненормативной лексики не содержится. Анализ всех проявлений русского языка в этих книгах еще предстоит, но мы можем предложить следующие сценарии (за исключением книг, написанных в последние годы, для которых авторы могли прибегать к онлайн-переводческим программам):

- автор сценария – носитель русского языка. Это, должно быть, редкое явление. Кроме «рожденных в СССР» Николая Маслова, Юрия Жигунова, Игоря Баранко и Гиедре Баранкайте (*Giedrė Barauskaitė*), у нас таких сведений нет. Так, например, Ги Мумину (псевдоним Димитри), автор 22 книг, действие которых проходит в России, в молодости служил на стороне гитлеровской армии на территории СССР, что он описал в своих воспоминаниях [Сайер, 2010]. В его ГР мы находим большое количество заимствований

из русского языка, то кириллицей, то транслитерацией, часто с ошибками. Создается впечатление, что он в молодости запомнил или даже записал отдельные слова со слуха и использует их в своих произведениях. Но о полноценном знании языка не приходится говорить;

- автор обращался к русскоязычным консультантам: в девяти случаях таким консультантам-переводчикам выражена благодарность в начале или конце книги. По меньшей мере в одной из них переводчик великолепно справился с задачей. В книге «Последняя граница: остров Крузенштерна» [18] двадцать реплик на русском языке, написанные кириллицей, без единой ошибки. В трех случаях они переведены, с большой лексической и прагматической точностью. Автор Марк Бурнь выражает благодарность некоей Елене Серой за ее переводы. Как это часто бывает в ГР, изображение контакта между русским и английским языком персонажей не всегда единообразно [Дебрэнн, 2024. С. 38]. Здесь реплики русских персонажей представлены то на русском языке (кириллицей) без перевода, то с переводом (на желтом фоне), но на французском с пометой «говорят по-русски», то, наконец, на французском. В данной книге откровенно ненормативной лексики нет, можно заметить *придурки, заткнись, шкет! черт поберу! идите к черту!* На стилистическом уровне данные реплики сочетаются с остальными репликами на французском языке, в которых также отсутствует явная ненормативная лексика;
- автор использовал словари. Русская ненормативная, нецензурная, табуированная лексика всегда интересовала французских лексикографов, и нет недостатка в словарях, особенно в последнее время [Мокиенко, Никитина, 2000, 2004; Boutler 2012, Khachinyan L. 2023, Le Guevellou 2002,]. Однако словарь – это еще не все, и перечисленные выше ошибки показали, что нужно еще выбрать подходящий вариант. Так, ни наличие словарей, ни жена по имени Тамара и переводчица Патриция не уберегли Франка Жиру от забавного «ну и дела» там, где явно по сценарию требовалось что-то гораздо более сильное.

2. Идиоматические перформативы

Помимо заимствований русской ненормативной лексики, авторы ГР также прибегают, для создания русского колорита, к калькированию отдельных устойчивых выражений, выполняющих определенную прагматическую функцию, а именно к речевым формулам – «идиомы разных структурных типов (преимущественно законченные высказывания) с фиксированной иллокутивной силой или определяющие иллокутивные характеристики речевого высказывания» [Баранов, Добровольский, 2008. С. 78]. Среди них в данной работе мы выделим идиоматические перформативы – «законченные высказывания, реализующие речевой акт» [Баранов, Добровольский, 2000], и подробнее остановимся на перформативах клятвы [Андрюшенко, 2011] и, в меньшей степени, пожелания/проклятия.

2.1. Семантика клятвы

Клятва – речевой акт, (или, согласно Т. Г. Рабенко, «фидеистический речевой жанр» [Рабенко, 2010]), состоящий в торжественном уверении в чем-либо. Это своего рода обещание, подкрепленное упоминанием чего-либо священного для того, кто уверяет, обещает. Отличие «клятвы» от простого обещания состоит в том, что в ситуации присутствует третий актант, исполняющий роль свидетеля и гаранта искренности человека, произносящего клятву (*Богом клянусь!*). В некоторых случаях эту третью позицию занимает не то или иное божественное начало, а дорогой говорящему предмет, или даже часть его собственного тела: в таком случае третий актант выполняет функцию залога. Так, в Академическом словаре русской фразеологии [Баранов, Добровольский, 2020] идиома-перформатив *зуб даю* трактуется следующим образом:

«Выражение искренности в форме сообщения о готовности лишиться одного из элементов жевательного аппарата, если он говорит неискренне». Там же указывается, что эта же формула может служить и «выражением уверенности в сказанном, способном вызвать удивление собеседника в форме сообщения о готовности лишиться одного из элементов жевательного аппарата, если сказанное окажется ложным или не сбудется» [курсив – авторов словаря. С. 250]. Для нас важно отметить, что формула-перформатив может использоваться и в не-перформативной функции, служить простым выражением удивления, словом-паразитом или дискурсивом [Викторова, 2013. С. 12].

Во французском языке для обозначения данного речевого акта используются существительное *serment* (клятва) и глагол *jurer* (клянется). При этом соответствующие однокоренные лексемы либо вышли из употребления (глагол *sermenter* и существительные *jurement*), либо имеют другой оттенок значения (существительное *juron*, означающие «ругательство»). В речевых формулах третий актант (гарант или залог) вводится предлогами *devant* (перед), *par* (с помощью), *sur* (на). Прямое дополнение без предлога *je jure Dieu, je jure le ciel* в настоящее время архаично и встречается лишь в выражении *jurer ses grands dieux* [Cusin-Berche, 2003]. Восклицание «(sacré) nom de Dieu», используемое для выражения большого удивления, также восходит к клятвам и имеет некоторое количество эвфемистических вариантов (*nom d'un petit bonhomme, nom d'une pipe*) вплоть до неузнаваемых *sacrebleu, palsambleu*.

Как мы видели выше, употребление данных речевых формул не всегда означает, что говорящий в настоящий момент на полном серьезе, взывая к богам, произносит торжественную клятву и готов лишиться глаза или зуба в случае невыполнения обещанного. Чаще всего данные выражения служат для выражения экспрессивности, и неудивительно, что они часто встречаются на страницах графических романов.

2.2. Идиоматические перформативы со значением «клятва» во франкоязычных графических романах о России и россиянах

Методом сплошной выборки из 550 книг были отобраны 120 речевых формул, имеющих значение клятвы, пожелания, проклятия. Поскольку в них перформативный глагол отсутствует и остается лишь третий актант, выраженный предлогом *par*, можно считать эти формулы имплицитными перформативами. При этом можно выделить две подгруппы:

– выражения, выглядящие как перевод с русского, например, *par les saintes icônes* («[клянусь] святыми иконами»², 15 раз), *par saint Georges* («святым Георгием») или другим святым с более или менее «русским» именем – *Basile, Dimitri, Stanislas* и т. д., всего 15 раз. К святым нужно добавить и одну святую, *par Sainte Sophie*. Встречаются и другие правдоподобные формулы, например *par le Tsar* (царем), *par tous les saints* (всеми святыми), *par la Vierge de Kiev* (Киевской Богородицей);

– выражения, построенные по аналогичным моделям, но с неподходящей лексической наполняемостью. Сравним *par (saint) Vladimir* и *par (saint) Trotsky* (святым Владимиром vs Троцким). Помимо этого политического деятеля, в подобных формулах в роли третьего актанта-свидетеля выступают и иные «русские» персоны, известные носителям французской культуры: Бакунин, Баланчин, Потемкин, Гоголь.

Как мы вывели выше, в функции третьего актанта-залога могут выступить понятия, которые считаются дорогими «клянущемуся». Используя их в этой позиции, авторы графических романов намекают, что русские дорожат ими: *par le plan quinquennal* (пятилеткой), *par le tombeau / le mausolée de Lénine* (гробницей/мавзолеем Ленина), *par le rutilant sceptre d'Ivan le Terrible* (сверкающим скипетром Ивана Грозного), *par la Rodina* (родиной – при этом данное заимствование сопровождается сноской с переводом).

² В дальнейших переводах мы опускаем глагол «клянусь», отсутствующий во французском тексте.

В некоторых случаях третий актант вводится оборотом «nom d'un N» (именем N): *nom d'un boyard, nom d'un barzoï* (боярином, борзым), как в иных традиционных французских формулах.

Отдельную группу составляют формулы, в которых «залогом» выступает часть тела «святого» (или выдаваемого за такого персонажа), и, в особенности, его бородой. Прообразом таких формул является популярная формула *par la barbe du Prophète* (бородой пророка), выражение, которое и во французской, и в русской культурных традициях приписывается исламу. Так, например, оно встречается во французских сборниках рассказов о Ходже Насреддине [Eddin, 1990], а «русский» старик Хоттабыч часто клянется своей бородой [Ларин, 1938]. Во франкоязычных графических романах распространены формулы этого типа, однако вместо пророка мы встречаем то Маркса, то Ленина, то Распутина, а вместо *barbe* (борода) может выступить *barbiche* (бородка) или *moustache* (усы). При этом стоит подчеркнуть, что подобные формулы появляются в речи персонажей, не имеющих отношения к исламу.

Аналогичные процессы, когда лексическая наполняемость «классической» формулы намекает на Россию, наблюдаются и в формулах, служащих выражением других речевых актов или чувств:

- в речевом акте «пожелание», построенном по схеме «que + глагол в сослагательном наклонении»: *que la Vierge de Kazan vous protège* (да хранит вас Казанская Богородица) VS *que Lénine vous assiste* (да поможет вам Ленин). Пожелание может при этом быть и недобрым: *que les mânes de Staline l'emportent* (да унесут его маны Сталина), по аналогии с известной формулой *que le diable l'emporte* (букв. да унесет его дьявол, т. е. пошел он к черту);
- в выражениях сильного удивления:
 - *doux Lénine* (милый Ленин), *Lénine tout puissant* (Ленин всемогущий), в которых Ленин замещает собой имя Иисуса;
 - *mille+N* (тысяча N) с вариантами *mille millions, mille milliards*, в которых N могут выступить такие русизмы, как *kopeck* (копейка), *knout* (кнут). Как мы отмечали ранее [Дебрэнн, 2023. С. 107], с легкой руки графини де Сегюр (урожд. Ростопшиной), написавшей популярнейшие в XIX и начале XX в. романы для детей, носители французского языка знакомы с существительным «кнут» и считают его распространенным, тогда как в современном русском языке оно относится к устаревшей лексике и встречается только в сочетании с пряником.

Заключение

Для создания образа России на текстовом уровне авторы графических романов о России и россиянах прибегают не только к различным пластам лексики – топонимам, антропонимам, вкраплениям и русизмам, но также к имитации русской речи на синтаксическом уровне, обогащая реплики своих персонажей формулами, намекающими на русский язык. Заимствование из русской ненормативной лексики в ГР на французском языке позволяет как бы в миниатюре увидеть весь спектр использования русского языка в них, от правильно написанных и уместно использованных лексем и выражений до совершенно нерасшифруемых, о которых можно лишь по контексту приблизительно догадаться, о чем речь.

Анализ идиоматических перформативов со значением «клятва» во франкоязычных графических романах о России и россиянах показал, что в большинстве случаев авторы не стремятся к созданию правдивой картины о России, а лишь предлагают читателям ее забавную имитацию. При этом, как мы видели, возможны две тактики. В одних случаях автор калькирует реальные русские выражения, или, по крайней мере, приводит такие, которые носитель русского языка мог бы произносить: *que Saint Méthode nous protège* (да охранит нас святой Мефодий), *par les saintes écritures* (священным писанием). Даже в таких, «правдоподобных», восклицаниях иногда попадаются вымышленные слова, лишь формально намекающие на Россию: *par la*

vierge d'Ozyrgetzsky, par la vierge de Lomotiévo (Озыржетской vs Ломотьевской Богородицей). Видимо, авторы полагают, что читатель «проглотит» предложенный топоним и не станет проверять, существует ли такой город на самом деле на карте России.

В других случаях авторы обыгрывают распространенные во французском языке формулы, меняя их лексическое наполнение: *que la grande Catherine me pince* (да ущипнет меня Екатерина Великая), *par les trois cloches de Tarkovski* (три колокола Тарковского), *par tous les chamanes de la Turukhanta* (всеми шаманами Туруханты). При этом авторы, скорее всего, не собираются убедить читателя в том, что реальные русские именно так говорят. Поскольку чаще всего выражения этого типа используются в юмористических приключениях, можно их рассматривать как дополнительные комические средства выражения.

Как в случае ненормативной лексики, так и в случае идиоматических перформативов, авторы не особо заботятся о правильности (с точки зрения русского языка) предложенных решений: в любом случае владеющих русским языком в достаточной степени для того, чтобы распознать ошибки, среди читательской публики очень мало. По данным сайта fr.statista.com, в 2024 г. во Франции проживало 53,5 тысячи человек, эмигрировавших из СССР и России за все годы, однако невозможно знать, сколько из них читает графические романы, тем более – о России. Количество носителей французского языка, изучающих русский язык как иностранный, постоянно снижается: в 1988 г. их было 27 000, в 2022 г. отмечалось, что оно достигло стабильного уровня – около 11 000 человек в год выбирают русский язык в качестве второго или третьего иностранного языка [Richard, 2023]. Очевидно, что авторы ГР о России делают ставки не на них, и лишь пытаются выдавать свои находки за настоящий русский язык, полагая, что читатель этого не заметит.

Список литературы

- Андрюшенко О. К.** Идиоматическое содержание понятия «клятва» в русском языке // Вестник ПГУ. 2011. № 2. С. 81–85.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О.** Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О.** Академический словарь русской фразеологии. М.: Институт русского языка, 2020. 896 с.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О.** Речевые формулы в диалоге // Материалы Международ. конф. «Диалог 2000». URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/baranov/>
- Викторова Е. Ю.** Дискурсивные слова: единство в многообразии // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Филология и журналистика. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 10–15.
- Дебрени М.** Образ России во франкоязычных комиксах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, вып. 4. С. 167–180.
- Дебрени М.** Отражение ситуации полилингвального общения на примере приключений Тинтина Эрже // Мир комиксов. Москва – Екатеринбург: Фабрика комиксов Кабинетный учебный, 2024. Вып. 8: Женские комиксы, маньхуа, нарратив. С. 321–340.
- Дебрени М.** Россия во франкоязычных графических романах. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2023. 196 с.
- Жельвис В. И.** Грубость: проблема классификации лексики // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингво-методический аспект): Международ. науч.-практ. конф., посвященная юбилею д-ра филол. наук, проф. А. М. Мелерович. М., Кострома, 2008.
- Ларин Л.** Старик Хоттабыч. М.: Детиздат, 1940. 178 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.** Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.** Словарь русской брани: матизмы, обсценизмы, эвфемизмы. СПб.: Норинт, 2004.
- Рабенко Т. Г.** Клятва как фидеистический речевой жанр // Вестник Челябин. гос. ун-та. Серия: Филология, искусствоведение. 2010. № 13 (194). Вып. 43. С. 122–126.

- Сайер Г.** Последний солдат Третьего рейха / Пер. с англ. С. А. Данилина. М.: Центрполиграф, 2010. 447 с.
- Agamben G.** Le sacrement du langage, archéologie du serment Vrin. Bibliothèque des Textes Philosophiques. 2009, 120 p.
- Algoud A.** Le Haddock illustré : L'intégrale des jurons du capitaine Haddock, Casterman 2004.
- Aslanoff S.** Manuel typographique du russiste. Institut des études slaves, 1986.
- Boutler C.** Похуй! Dictionnaire d'argot russe. Lulu, 2012.
- Cusin-Berche F.** Le serment: des mots pour le faire // Les mots et leurs contextes. Presses Sorbonne Nouvelle. Paris, 2003.
- Eddin H. N.** Sublimes paroles et idioties de Nasr Eddin Hodja, trad. J.-L. Maunoury, Phébus, coll. «Libretto», 1990.
- Khachinyan L.** Petit dictionnaire français – russe de l'argot français. E-published, 2023.
- Le Guevellou F.** Dictionnaire des gros mots russes. Paris, L'Harmattan, 2002. 97 p.
- Loi n°49-956 sur les publications destinées à la jeunesse // Journal officiel de la République française : Lois et décrets, n°169, 18–19 juillet 1949.
- Richard H.** Pouchkine victime de Poutine // Le Monde diplomatique. 2023. № 2. P. 20.

Цитируемые графические романы / Sources

1. Forton L. La bande des Pieds Nickelés (réédition). Azur, 1965.
2. Hergé Les aventures de Tintin t. 19 Coke en stock. Casterman, 1958.
3. Gomont P.-H. Slava t. 1, Après la chute. Dargaud, 2022.
4. Juillard A. Double 7. Dargaud, 2018.
5. Bartoll J.-C., Garreta R. Insiders saison 1, O.P.A. sur le Kremlin. Dargaud, 2006.
6. Boisserie P., Héloret. Eastern, t. 03 Oural. Dargaud, 2007.
7. Giroud F., Jovanovic M. Secrets : Le serpent sous la glace. t. 02. Dupuis, 2005.
8. Swolfs, Griffio, Vlad t. 03 Zone Rouge. Le Lombard, 2001.
9. Herzet E., Queireix A. Alpha premières armes t. 04 Matriochkas. Le Lombard, 2017.
10. Formoza G., Zumbiel F. Buck Danny t. 56, Vostok ne répond plus. Dupuis, 2018.
11. Yann, Hugault R. Le Grand Duc. t. 1, Les sorcières de la nuit. Paquet, 2008.
12. Giroud F., Baruti B. Mandrill, t. 7, La nasse. Glénat, 2007.
13. de la Fuente V. La Sibérienne. Albin Michel, 1986.
14. Legrain, Benec, Sisco t. 12 Roulette russe. Le Lombard, 2021.
15. Berthet P., Corbeyan E., XIII Mystery, t. 2, Irina. Dargaud, 2009.
16. Giroud F., Stalner J.-M. Le cercle de Minsk t. 01 Le maillon perdu. Glénat 2007.
17. Bourgne M. Dernière Frontière : Little Diomède. Théloma, 2004.

References

- Andriushenko O. K.** Idiomatic content of the concept of oath in Russian language. *Vestnik PGU*, 2011, № 2, pp. 81–85. (in Russ.)
- Baranov A. N., Dobrovolsky D. O.** Aspects of the theory of phraseology. Moscow, Znak publ., 2008, 656 p. (in Russ.)
- Baranov A. N., Dobrovolsky D. O.** Russian Academy Dictionary of Idioms. Institute of Russian Language, 2020, 896 p. (in Russ.)
- Baranov A. N., Dobrovolsky D. O.** Speech formula in dialogue. In: *Materialy mezhdunarodnoj konferentsy Dialog 2000*. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/baranov/> (in Russ.)
- Viktorova E. Yu.** Discursive words: unity in diversity. *Izvestia Saratovskogo Universiteta Novaya Seria Filologia I zhurnalistika*, 2014, vol. 1, iss. 14, pp. 10–15. (in Russ.)

- Debrenne M.** The image of Russia in francophone comics. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta; Seria Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsia*, 2021, vol. 19, iss. 19, pp. 167–180. (in Russ.)
- Debrenne M.** Reflection of the situation of multilingual communication on the example of Hergé's adventures of Tintin. In: *Mir komiksov. Vyp. 8: Zhenskie komiksy, manhua, narrativ. Fabrika komiksov Kabinetnyj uchenyj*. Moscow; Ekaterinburg, 2024, pp. 321–340. (in Russ.)
- Debrenne M.** Russia in francophone graphic novels. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publishing house, 2023, 196 p. (in Russ.)
- Zhelvis, V. I.** Roughness: the problem of lexical classification. In: *Frazeologizm i slovo v natsionalno-kulturnom diskurse (lingvisticheskij i lingvo-metodicheskij aspekt) : Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, posvyashennaya yubileyu d.f.n., prof. A.M. Melerovich*. Moscow, Kostroma, 2008. (in Russ.)
- Larin L.** Old Khottabych. Moscow, Detizdat, 1940, 178 p. (in Russ.)
- Mokienko V. M., Nikitina T. G.,** The big Dictionary of Russian Jargon. Saint-Petersburg, Norint publ., 2000. (in Russ.)
- Mokienko V. M., Nikitina T. G.,** The Dictionary of Russian Jargon: mat, obscenity jargon. Saint-Petersburg, Norint publ., 2004. (in Russ.)
- Rabenko T. G.** Oath as a fideistic speech genre. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya Filologiya, iskusstvovedenie*, 2010, № 13 (194), vol. 43, pp. 122–126. (in Russ.)
- Agamben G.** Le sacrement du langage, archéologie du serment Vrin, «Bibliothèque des Textes Philosophiques – Poche», 2009, 120 p.
- Algoud A.** Le Haddock illustré : L'intégrale des jurons du capitaine Haddock. Casterman, 2004.
- Aslanoff S.** *Manuel typographique du russiste*. Institut des études slaves, 1986.
- Boutler C.** Похуй! Дикционаре д'аргот руссе. Lulu, 2012.
- Cusin-Berche F.** Le serment : des mots pour le faire. In: *Les mots et leurs contextes*. Presses Sorbonne Nouvelle, 2003.
- Eddin H. N.** Sublimes paroles et idioties de Nasr Eddin Hodja, trad. J.-L. Maunoury, Phébus, coll. «Libretto», 1990.
- Khachinyan L.** Petit dictionnaire français – russe de l'argot français. E-published, 2023.
- Le Guevellou F.** *Dictionnaire des gros mots russes*. Paris, L'Harmattan, 2002, 97 p.
- Loi n°49-956 sur les publications destinées à la jeunesse. Journal officiel de la République française : Lois et décrets, n°169, 18-19 juillet 1949.
- Richard H.** Pouchkine victime de Poutine. *Le Monde diplomatique*, 2023, № 2, p. 20.
- Sajer G.** Le Soldat oublié. Robert Laffont, Paris, 1967.

Информация об авторе

Дебрени Мишель, доктор филологических наук, доцент Новосибирского государственного университета

Information about the Author

Michèle Debrenne, Doctor of Philology, Associate Professor, Novosibirsk State University, Institute for Humanities

*Статья поступила в редакцию 30.04.2024;
одобрена после рецензирования 18.07.2024; принята к публикации 19.07.2024*

*The article was submitted 30.04.2024;
approved after reviewing 18.07.2024; accepted for publication 19.07.2024*

Научная статья

УДК 81`33

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-101-122

Лингвокогнитивный аспект формирования образа России в контексте репрезентации СВО в неинституциональном медиадискурсе на китайском языке

Олег Игоревич Калинин^{1,2,3}
Константин Николаевич Мироненко¹

¹Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
Москва, Россия

²Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия

³ Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет),
Челябинск, Россия

okalinin.lingua@gmail.com
mirkotofei@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-5836-1152>

Аннотация

Статья посвящена выявлению концептуальных характеристик образа России, формируемых в неинституциональных медиа КНР в ходе репрезентации российско-украинского конфликта. Опираясь на когнитивно-дискурсивный подход и используя методы количественного и качественного контент-анализа и критического дискурс-анализа, авторы изучили корпус медиатекстов объемом в 480 публикаций и 444 024 знака, собранных в китайской социальной сети Zhihu. На основании полученных в результате анализа дискурса особенностей описания СВО были смоделированы потенциальные изменения в концептуальном образе России в сознании носителей китайской лингвокультуры: негативные – «агрессивная нация», «безответственная страна», положительные – «борец за справедливость», «опора традиционализма».

Ключевые слова

образ России в КНР, неинституциональные медиа КНР, когнитивно-дискурсивный подход, концептуальные характеристики, репрезентация СВО

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>

Для цитирования

Калинин О. И., Мироненко К. Н. Лингвокогнитивный аспект формирования образа России в контексте репрезентации СВО в неинституциональном медиадискурсе на китайском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4. С. 101–122. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-101-122

© Калинин О. И., Мироненко К. Н., 2024

Linguocognitive Aspect of Russia's Image Formation in the Context of Ukrainian Conflict Representation in Chinese Non-Institutional Media Discourse

Oleg I. Kalinin^{1,2,3}, Konstantin N. Mironenko¹

¹Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation

okalinin.lingua@gmail.com

mirkotofei@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-5836-1152>

Abstract

The article studies the conceptual characteristics of Russia's image formed in the non-institutional media of the People's Republic of China through the representation of the Russian-Ukrainian conflict, which fills a gap in Russian applied linguistics. The study develops a cognitive-discursive approach to analyzing information impact and contributes to the theory of mass communication within which the formation and adjustment of events' image is considered as a result of its conceptualisation, categorisation and interpretation in the recipient's consciousness. The two main research methods were the quantitative density and qualitative content analysis, in which key words and collocations with them were studied; another one was a critical discourse analysis. A corpus of 480 media texts collected from the Chinese social network Zhihu was studied. Based on the description of the Russian-Ukrainian conflict obtained as a result of discourse analysis, potential changes in the conceptual image of Russia formed in the Chinese linguoculture have been modelled: negative – “an aggressive nation”, “an irresponsible country”, positive – “a fighter for justice”, “a pillar of traditionalism”. The results obtained can be used for prognostic purposes and for further study of the mechanisms of modelling the image of public institutions and the formation of public opinion in general.

Keywords

image of Russia in China, non-institutional media, cognitive-discursive approach, conceptual characteristics, representation of the Russian-Ukrainian conflict

Acknowledgments

The research is financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>

For citation

Kalinin O. I., Mironenko K. N. Linguocognitive Aspect of Russia's Image Formation in the Context of Ukrainian Conflict Representation in Chinese Non-Institutional Media Discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 101–122. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-101-122

Введение

Самым значимым событием в мире начиная с 2022 г. и по настоящее время можно считать специальную военную операцию Вооруженных сил Российской Федерации на территории Украины (далее – СВО). По оценкам многих экспертов, СВО во многом будет определять архитектуру будущего мироустройства, так как представляет собой критически важный шаг по переходу к многополярному мировому устройству [Послание Президента, 2023]. Как утверждает Президент Российской Федерации В. В. Путин, «Нынешнее положение вещей чревато глобальными конфликтами или целой цепью конфликтов, что представляет собой угрозу для человечества... Смена вех – процесс болезненный, но естественный и неизбежный. Будущее мировое устройство формируется на наших глазах» [Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2023].

Сразу после начала боевых действий не менее ожесточенное «сражение» развернулось среди лидеров мнений мировой общественности, в результате которого информационная война вышла за пределы своего уже привычного формата, а СМИ превратились из средств «артиллерийской поддержки» в «оружие массового поражения». В условиях мирового политического

и экономического кризиса, невозможности решения возникающих проблем в рамках международных организаций на первый план вышли двусторонние отношения между государствами, а «СВО стала своего рода лакмусовой бумажкой для определения отношений между странами и формирования образа России и ее будущего среди народов других стран» [Информационная война..., 2024, С. 6].

На фоне массовой критики действий России в западных СМИ особый интерес представляют альтернативные мнения в других частях мира, среди которых одним из наиболее значимых представляется оценка СВО со стороны КНР, второй крупнейшей экономики мира, постоянно члена Совета Безопасности ООН и страны, принимающей все более активное участие в решении глобальных проблем. Отметим, что Россия с Китаем официально состоят в отношениях «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху» [Совместное заявление], а в публичном медиапространстве России часто постулируется мнение о всесторонней поддержке со стороны Китая [Риа Новости, 2024]. Этот вывод представляется не в полной мере обоснованным, так как отражает лишь частные интерпретации российских журналистов отдельных высказываний китайских политических деятелей и не содержит настоящего анализа общественного мнения.

Специальная военная операция как предмет описания китайских СМИ представлена в работах О. И. Калинина, Д. В. Мавлеевой [Калинин, Мавлеева, 2022], Сюй Минло [Сюй, 2022], Р. Д. Шемякина [Шемякин, 2023]. Отметим, что часть исследователей подтверждает своими научными изысканиями официальную позицию о всесторонней поддержке Китаем действий России. Так, Р. Д. Шемякин утверждает, что «в большинстве случаев настроение в СМИ к России дружественное. Россия выступает как мощный стратегический, военный и экономический союзник, ее народ предстает как неукротимый и сохраняющий свои культурные недостатки. Также часто подчеркивается, что и Россия, и Китай совместно борются с США и НАТО» [Шемякин, 2023. С. 348]. Сюй Минло также подтверждает дружественную риторику китайских официальных СМИ, объясняя это прямым указанием китайских властей «ограничить освещение СВО в рамках усилий по укреплению мира и поддержке права России на защиту своих интересов» [Сюй 2022. С. 214]. В работах О. И. Калинина и Д. В. Мавлеевой на основании проведенных корпусного контент-анализа и содержательного дискурс-анализа дается более сдержанная оценка: «...в медиадискурсе КНР скорее отсутствует стремление сформировать оценочный компонент концептуального знания о ситуации на Украине. При этом мы видим, что значительное внимание уделяется историческому контексту взаимоотношений России и Украины и внешнему социально-экономическому фону» [Калинин, Мавлеева, 2022. С. 143].

При этом мы полагаем, что позиция, которая транслируется официальными СМИ, при ее безусловной значимости не отражает всей полноты картины формирования общественного мнения об СВО, и, следовательно, конструирования образа ВС РФ и России в целом. Современное медиапространство формально можно разделить на институциональные и неинституциональные сегменты масс-медиа, где первые представлены официальными СМИ и традиционными средствами распространения информации (телевидение, газеты, радио, Интернет), а вторые – социальными сетями информационно-развлекательного характера, где новостные сообщения преподносятся как частные мнения отдельных блогеров. При этом в СМИ обоих типов формируется концептуальный образ СВО, который оказывает воздействие на восприятие России в целом, и это значит, что в результате прагматических особенностей репрезентации в СМИ событий на Украине, под влиянием, прежде всего, оценочного и эмоционально-чувственного компонентов, происходят содержательные изменения в признаках концепта РОССИЯ в китайской картине мира.

В этой связи предметом данного исследования полагаются концептуальные характеристики образа России, формируемые в неинституциональных медиа КНР в ходе репрезентации российско-украинского конфликта. Основной целью мы ставим выявление лингвокогнитивных характеристик формирования образа России в контексте репрезентации СВО в китайской

социальной сети Zhihu. Достижение этой узконаправленной цели связано с насущной необходимостью мониторинга и прогнозирования состояния общественного мнения о России и ее базовых общественных институтах, как, например, Вооруженные силы, в зарубежных странах.

Теоретические основания исследования

Изучение репрезентации в СМИ определенных общественных институтов или событий представляется одним из направлений современной прикладной лингвистики, которое во многом базируется на когнитивно-дискурсивном подходе к анализу масс-медиа, а также на теории массовой информации и информационного воздействия. Понятие информационного воздействия базируется на пресуппозиции, что «передача информации на современном этапе развития общества является перманентным процессом, что создает реальность постоянной вовлеченности аудитории в информационную среду, которая становится основой для формирования мировоззренческих установок и определения базовых аксиологических констант картины мира человека» [Иванов, Калинин, 2023. С. 100]. Отсюда следует, что всякий речевой акт в контексте развиваемого дискурса мотивирован социокультурной средой и приобретает черты комплексного информационного воздействия, т. е. речевого воздействия на реципиента посредством рационально-логических и образно-метафорических языковых средств.

Более того, отсюда также следует, что любое *упоминание* определенного объекта действительности в СМИ предстает перед нами как акт, потенциально формирующий в сознании массовой аудитории **когнитивные** признаки данного объекта. Будучи помещенным в дискурсивную среду, слово-репрезентант определенного концепта либо в очередной раз «подтверждает» весь комплекс своих коннотаций, т. е. свое значение, детерминированное прагматически, либо приобретает новые коннотативные оттенки и ассоциации, связанные с формированием оценки. В теории информационной войны полагается, что подобное внесение дополнительных оценочных значений к понятийному содержанию лексемы есть средство информационного воздействия на инструментальном уровне, которое, будучи повторенным многократно в разных контекстах, в конечном счете может привести к появлению нового устойчивого оценочного значения [Информационная война, 2024. С. 35], принимаемого невнимательным читателем за истину. Если просто, то данный эффект подтвержден известным экспериментом Валерии Мухиной про белые и черные пирамидки, когда взрослые люди под воздействием мнения окружающих начинали называть белое черным [Мухина, 2010].

Лингвистические аспекты информационного воздействия изучаются лингвистикой информационной войны – междисциплинарного направления науки, совмещающего в себе теоретические основы лингвистики, психологии, социологии, теории массовой коммуникации [см. Копнина, 2018; Кушнерук, Чудинов, 2019; Сковородников, Копнина, 2016; Колмогорова, Калинин, Талдыкина, 2016; Красовская, 2016].

Согласно С. Л. Кушнерук, существует два основных направления исследований феномена информационной войны, и, следовательно, информационного воздействия: коммуникативно-прагматическое и когнитивно-дискурсивное. В рамках коммуникативно-прагматического подхода центральное место занимают «речевые тактики и приёмы речевого воздействия, благодаря которым актуализируется коммуникативная/речевая стратегия» [Кушнерук 2023. С. 115], а когнитивно-дискурсивное рассматривает «особую роль когнитивных факторов, влияющих на объективацию имиджа в медиакommunikации»; оно придает «значимую роль имагологическим основаниям, поскольку они могут объяснять механизмы формирования и функционирования национальных стереотипов» [Кушнерук, 2023; Красовская, 2016].

В этом контексте, рассматривая дискурс как «единство языковой формы, значения и действия в социальном контексте» [Калинин, 2018. С. 13], мы можем постулировать, что одна из основных функций дискурса – это продуктивная репрезентация представлений об окружа-

ющем мире в формально-языковых структурах, что делает дискурс одним из инструментов познания мира и конструирования концептуальной картины мира человека, а значит и воздействия на человека. Т. ван Дейк также подчеркивал, что «взаимодействие между дискурсивными и социальными структурами – не просто корреляционное или каузативное, а <...> сложный социокогнитивный процесс» [ван Дейк, 2014. С. 21]. При этом он, как никакой другой, подвержен манипуляциям различного рода, включая фейки, цель которых состоит в том, чтобы преднамеренно создать не правдивую (истинную), а правдоподобную картину некоторого важного международного события, выгодную отправителю, что уже подтверждалось данными лингвистических исследований языковых маркеров манипуляции [Колмогорова, Калинин, Талдыкина, 2016].

Когнитивная природа формирования медиаобраза в рамках дискурса СМИ очевидна, поскольку любой процесс обмена информацией связан с репрезентацией знаний о социально-политическом устройстве. Так, конструирование и изменение образа реализуется через концептуализацию, категоризацию и интерпретацию. Концептуализация как «осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов, т. е. сформированных в сознании человека единиц знания» [Болдырев, 2021. С. 48] является наиболее очевидным механизмом формирования или изменения медиаобраза, что, по сути, представляет собой структуризацию или реструктуризацию представлений об окружающем мире за счет формирования нового или изменения имеющегося знания об объектах и явлениях окружающей социополитической действительности. С. Л. Кушнерук, например, отмечает, что «манипуляция в процессе тесно связана с фреймированием, процессом структурирования информации относительно геополитически значимых явлений жизни, что становится возможным за счет СМИ» [Кушнерук, 2019, С. 17].

Формирование медиаобраза также реализуется посредством механизма категоризации как «соотнесения полученных результатов познания с определенными рубриками опыта» [Болдырев, 2021. С. 45]. Если основной формой конструирования медиаобраза можно считать «внесение изменения в концептуальные структуры индивида, группы людей или общества в целом» [Калинин, Приходько, 2023. С. 32], то также можно полагать, что целенаправленная категоризация и перекатегоризация концептов-мишеней – это действенный способ формирования общественного мнения. Например, в настоящее время в рамках политического дискурса целенаправленно формируются и навязываются специальные «искусственные категории», например, «список государств – спонсоров терроризма», санкционный список или, например, «ось зла» [Правда.ру, 2024], которые имплицитно обвиняют и осуждают. Будучи помещенным с умыслом или случайно в подобный перечень, общественно-политический субъект как бы автоматически приобретает концептуальные признаки всей категории. А настойчивые упоминания в западной прессе о «шпионском» прошлом В. В. Путина призваны подспудно дискредитировать его как человека, способного честно выполнять свои функции главы государства. Вокруг этого момента давно уже идет своеобразная медийная игра, некоторые детали которой описаны в работе А. Ф. Боголюбова [Боголюбов, 2020].

Что касается механизма интерпретации, описываемого Н. Н. Болдыревым как «процесс субъективного понимания человеком мира <...>, процесс и результат субъективной репрезентации мира, основанной на существующих общечеловеческих представлениях о мире и на личном опыте взаимодействия с ним» [Болдырев, 2011. С. 11], то он также непосредственно связан с формированием медиаобраза, так как современное медиапространство, создающее персонализированный контент, формирует заданные алгоритмы интерпретации и за счет унификации опыта взаимодействия человека с окружающим миром как бы предопределяет направление и результат субъективной интерпретации поступающей информации.

Все эти теоретические положения в конечном счете сводятся к тому, что современный человек, фактически перманентно включенный в мировые информационные процессы, постоянно подвержен информационному воздействию различных игроков, суть которого состо-

ит, в том числе, в целенаправленном или нецеленаправленном формировании концептуальных представлений о политической и идеологической реальности, называемом нами медиаобразом, что в конечном счете влияет на мировоззрение и константы картины мира у получателя информации. Изучение процессов репрезентации тех или иных политических, экономических или социальных событий, реалий, происшествий представляется, поэтому, крайне важным для определения состояния общественного мнения, подвергающегося воздействию, и его прогнозирования. Кроме того, накопление эмпирического знания о таких процессах в разных лингвокультурах и относительно разных объектах репрезентации может быть полезным для понимания природы информационного воздействия как когнитивно-дискурсивного явления вообще. Как мы указывали ранее, «исследование репрезентации тех или иных значимых социально-политических событий в средствах массовой информации является важным и актуальным с точки зрения сразу нескольких аспектов:

1) с теоретической точки зрения оно позволяет выявить механизмы формирования общественного мнения;

2) с практической точки зрения демонстрируют *hic et nunc* состояние общественного мнения относительно того или иного события» [Калинин, 2022. С. 42].

Для того чтобы обе эти утилитарные исследовательские задачи можно было реализовать, следует разработать простую и понятную последовательность применяемых исследовательских шагов.

Материал и методы исследования

Методологической основой проведенного исследования является когнитивно-дискурсивный подход, а ведущим методом исследования – корпусный анализ, т. е. использование собственно собранного корпуса медиатекстов для выявления конститутивных и прагматических характеристик медиаобраза России.

Материал отбирался методом сплошной выборки из публикаций в китайской социальной сети Чжиху (知乎 Zhihu), которая является крупнейшей платформой представления пользовательского контента в форме вопросов и ответов в Китае, а также одной из пяти наиболее популярных социальных сетей. Zhihu не только накапливает большую базу данных вопросов пользователей и ответов на них, которые даются другими ее пользователями, но и классифицирует материал по разделам. В качестве источника отбора материала нами была выбрана именно эта платформа, так как авторы Zhihu, как правило, являются исследователями с соответствующим профессиональным опытом и любителями с широким кругом интересов. Неформальным экспертам Zhihu доверяют, потому что они проходят процедуру допуска со стороны администрации сервиса с обязательной загрузкой своих дипломов и сертификатов.

Выборка текстов проводилась в период с февраля 2022 по декабрь 2023 г., объем корпуса медиатекстов составил 480 публикаций, всего 444 024 иероглифических знака. Учитывая формально-лингвистическую специфику понятия иероглифического знака, аналога слов и лексем в индоевропейских языках, отметим, что согласно исследованию Д. С. Коршунова, использование статистических мер в их отношении вполне возможно и целесообразно, если они трактуются как иероглифические биграмммы и, конечно же, при учете соответствия их специфики исследовательской задаче [Коршунов, 2022, С. 64], что подтверждает релевантность выбранного материала исследования его методологии.

На наш взгляд, корпусный подход позволяет снизить потенциальные неточности в интерпретации, что свойственно исследованию отдельных текстов, и повысить репрезентативность исследовательской выборки. Там, где есть большие данные, остается мало пространства для субъективной интерпретации. При этом очевидным недостатком количественного контент-анализа корпуса текстов является невозможность до определенной степени детализировать получаемые выводы, т. е. их некоторая абстрактность. В этой связи мы полагаем, что важ-

ным является совмещение двух подходов: количественного и качественного контент-анализа, где первый опирается на выявление и тематическую сегментацию ключевых слов с их последующим анализом для понимания общих закономерностей, что позволяет идентифицировать базовые понятийные компоненты концепта-мишени, а второй является по сути критическим дискурс-анализом, который нацелен на подтверждение общих выводов частными примерами и на поиск тех скрытых закономерностей, которые выпали из внимания на первом этапе, что часто позволяет выявлять оценочный и образный компоненты концепта-мишени.

Технически методология анализа медиаобраза России в контексте репрезентации российского-украинского конфликта в основном базируется на корпусном контент-анализе, который включает:

1. Количественный контент-анализ – использование программного обеспечения для создания списка ключевых слов, объединение часто встречающихся слов в тематические блоки и выявление закономерностей в использовании ключевых слов и коллокаций. Контент-анализ проводился с использованием программы-конкордансера AntConc (версия 3.5.8) [Anthony, 2013], поскольку она позволяет изучать большие объемы текстовой информации и выявлять характерные лексические элементы и их сочетания. При количественном подсчете наиболее употребительной лексики в собранных корпусах учитывались только те лексические единицы, которые имели в выборке более 30 вхождений.

2. Количественный анализ коллокаций – использование специального сервиса для выявления наиболее частотных коллокаций с целевыми лексемами-репрезентантами, что позволяет уточнить содержание понятийного компонента, а также изучить оценочные коннотации концептов-мишеней. В практической плоскости этот этап исследования проводился посредством сервиса Sketch Engine, который не только выделяет частотную сочетаемость, но и структурирует коллокации по грамматическим категориям, что позволяет исследователю получать более детализированную информацию. Мы рассмотрели коллокации для ключевых слов лексико-тематической группы НОМИНАЦИЯ КОНФЛИКТА (战争 «война», 冲突 «конфликт», 特别军事行动 «СВО», 入侵 «вторжение»); а также коллокации к словам 俄罗斯 «Россия» и 普京 «Путин». Коллокации каждого изученного ключевого слова были рассмотрены с позиций грамматической роли данного ключевого слова как субъекта, объекта и детерминатива.

3. Качественный контент-анализ – рассмотрение отдельных контекстов для уточнения полученных данных, что позволяет в полной мере выявить оценочный потенциал изученных текстов. Под качественным мы понимаем интегральный сбор данных из текстов посредством контекстуального проникновения в смысл исследуемого текстового массива, т. е., по сути, извлечение смыслов относительно исследуемого концепта-мишени. Качественный контент-анализ во многом базируется на подходах критического анализа дискурса, так как основывается в том числе на выявлении взаимосвязи дискурсивной и социальной реальности, а также на лингвопрагматическом анализе, так как основной его целью является выявление авторской интенции относительно формирования медиаобраза.

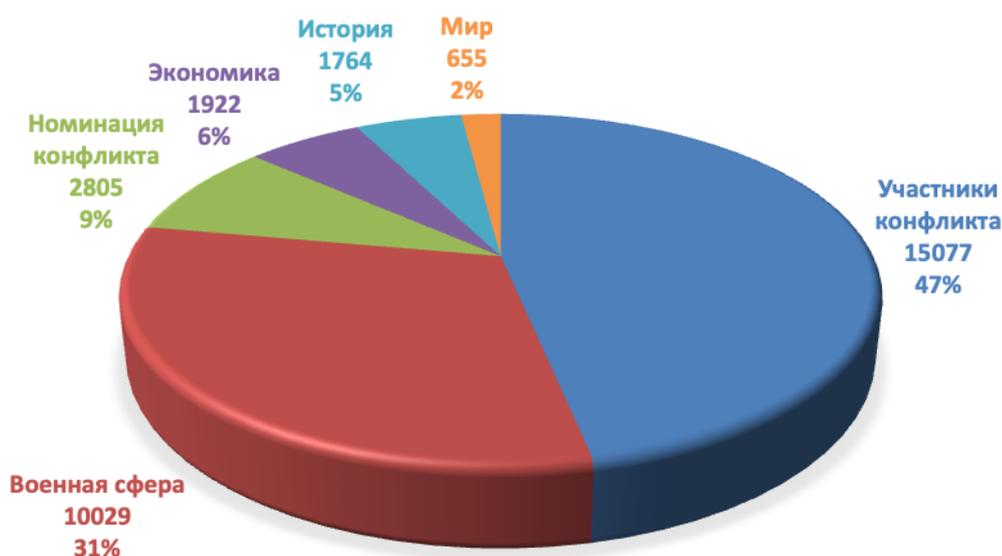
Результаты исследования

Количественный контент-анализ ключевых слов

Сплошной анализ ключевых слов позволил выделить 6 тематических групп, связанных с образом России как частью репрезентации конфликта на Украине: «Военная сфера», «История», «Мир», «Номинация конфликта», «Участники конфликта» и «Экономика».

Отметим, что на первом этапе исследования мы отбирали из списка частотной лексики только прагматически значимые лексические единицы, и поэтому служебные слова, местоимения, существительные со значением времени и другая лексика, семантика которой не отражает

тематического содержания речевого сообщения, не принималась во внимание. В результате было отобрано 225 лексических единиц с общим количеством 32 252 текстопотребления, в рамках которых и рассматривался образ России, что представлено на рисунке.

Количественное распределение ключевых слов по тематическим группам
Thematic distribution of keywords

Как видим, данные о частотности употребления лексических единиц различных тематических групп однозначно указывают на то, что наиболее значительными по количеству текстопотреблений являются группы «Участники конфликта» и «Военная сфера», что закономерно и потому предсказуемо, так как именно эти тематические группы концептуально отражают содержательную доминанту медиатекстов об СВО как о вооруженном конфликте.

Разнообразие лексем в тематической группе «Номинация конфликта» показывает, как представляется, различия в прагматическом аспекте репрезентации российско-украинского конфликта. Что касается группы «Экономика» и «История», то они отражают, как будет показано, дополнительные смысловые аспекты освещения СВО, тогда как тематическая группа «Мир» сигнализирует обсуждение перспектив завершения конфликта.

Рассмотрим результаты количественного анализа более подробно.

Наиболее многочисленной оказалась тематическая группа «Участники конфликта», она составила 15 077 словоупотреблений, то есть 47 % от общего количества словоупотреблений, причем доминируют лексемы 俄罗斯 «Россия» (3 982) и 乌克兰 «Украина» (3 768). Очевидными выглядят причины высокой частотности употребления и номинаций 美国 «США» (1 588), 西方 «Запад» (651) и 北约 «НАТО» (775), и это значит, что Соединенные Штаты Америки и их союзники фактически признаются одной из сторон конфликта. Также стоит отметить, что номинация «Китай» тоже употребляется довольно часто (778 вхождений), что, по всей вероятности, отражает тенденцию рассматривать Китай в качестве активного участника во внешнеполитических вопросах вообще, и в этом конфликте, в частности. Высокая частотность употребления лексем 欧盟 «ЕС» (318) и 联合国 «ООН» (152) косвенно свидетельствует о репрезентации СВО как международного конфликта.

В отдельную тематическую группу были выделены лексемы, относящиеся к военной сфере. Эта группа составила 10 029 словоупотреблений, или 31 % от общего количества. Беллгий

Таблица 1

Распределение ключевых слов по тематическим группам

Table 1

Distribution of keywords by thematic groups

	Участники конфликта		Военная сфера		Экономика		История		Номинация конфликта		Мир	
1	Россия "Россия"	3982	армия "армия России"	664	экономика "экономика"	428	СССР "СССР"	691	война "война"	1280	отношения "отношения"	171
2	Украина "Украина"	3768	военное дело "военное дело"	658	санкции "санкции"	206	Крым "Крым"	199	проблема "проблема"	430	мир "мир"	129
3	США "США"	1588	армия Украины "армия Украины"	386	доллар "доллар"	175	история "история"	179	конфликт "конфликт"	252	дипломатия "дипломатия"	76
4	Китай "Китай"	778	стратегия "стратегия"	308	деньги "деньги"	144	Вторая мировая война "Вторая мировая война"	96	вторжение "вторжение"	210	сотрудничество "сотрудничество"	64
5	НАТО "НАТО"	775	оружие "оружие"	294	ресурсы "ресурсы"	96	холодная война "холодная война"	76	СВО "СВО"	203	стабильность "стабильность"	62
6	Запад "Запад"	651	армия "армия"	272	промышленность "промышленность"	88	революция "революция"	70	вторжение "вторжение"	187	переговоры "переговоры"	61
7	Европа "Европа"	481	фронт "фронт"	222	энергоресурсы "энергоресурсы"	81	Афганистан "Афганистан"	68	оккупация "оккупация"	126	поддерживать "поддерживать"	58
8	Путин "Путин"	465	боевые действия "боевые действия"	209	компания "компания"	74	Ирак "Ирак"	61	война "война"	117	поддерживать "поддерживать"	34
9	ЕС "ЕС"	318	боевой самолет "боевой самолет"	185	предприятие "предприятие"	63	Сирия "Сирия"	57				
10	Киев "Киев"	186	снаряжение "снаряжение"	175	экспорт "экспорт"	51	Тайвань "Тайвань"	51				
11	Япония "Япония"	179	угроза "угроза"	172	капитал "капитал"	51	Иран "Иран"	44				
12	Германия "Германия"	172	наступление "наступление"	167	продовольствие "продовольствие"	50	империя "империя"	40				
13	Россия "Россия"	153	ракета (управляемая) "ракета (управляемая)"	167	средства "средства"	48	Ельцин "Ельцин"	35				
14	Зеленский "Зеленский"	153	удар "удар"	141	торговля "торговля"	43	Янукович "Янукович"	35				
15	ООН "ООН"	152	контролировать "контролировать"	132	евро "евро"	41	царь "царь"	31				
16	Польша "Польша"	141	танк "танк"	130	рынок "рынок"	41	Чечня "Чечня"	31				

анализ лексем этой тематической группы показывает, что адресанты уделяют внимание описанию актуальности боевой обстановки и ведению боевых действий, о чем свидетельствуют, прежде всего, лексемы **фронт** «фронт» (222) и **вести боевые действия** «вести боевые действия» (209). Упоминание же таких военных терминов, как **оружие** «оружие» (294), **боевой самолет** «боевой самолет» (185), **ракета (управляемая)** «ракета (управляемая)» (167) и **танк** «танк» (130) показывает, что китайские блогеры уделяют внимание современному военному вооружению и оборудованию, а также их роли в данном конфликте.

Весьма характерной стала тематическая группа «Номинация конфликта», она составила 2 805 словоупотреблений (9 % от общего количества). По частотности лексем, отражающих номинацию событий на Украине, мы видим, что биграмма с нейтральной окраской **конфликт** «конфликт» (252) лишь немного частотней, чем **вторжение** «вторжение» (210), а **война** «война» (1 280), отражающее масштаб боевых действий и вовлеченность сторон в силовое противостояние, более частотна, чем официальная буквальная формула **СВО** «специальная военная операция» (203). Количественное распределение свидетельствует о более эмоциональном описании событий на Украине, отходе от официальных терминов и стремлении придать субъективную

авторскую оценочность, которая, заметим, зачастую носит у блогеров отрицательную оценку («вторжение», «оккупация»).

Тематическая группа «Экономика» представлена 1 922 словоупотреблениями (6 % от общего количества). В целом, мы видим, что количество словоупотреблений лексем 经济 «экономика» (428), 制裁 «санкции» (206), 美元 «доллар» (175) и 钱 «деньги» (144) во многом отражают известный прагматизм китайской культуры, представители которой однозначно большое значение в международных отношениях придают экономическому фактору. Значительный объем экономических терминов в медиатекстах военно-политического характера свидетельствует о потенциальной связи политики и экономики, попытке поиска причин и, главное, последствий военно-политических событий в экономике у авторов изученных сообщений в социальной сети.

Нельзя не отметить весомый объем тематической группы «История», что составило 1 764 словоупотребления (5 % от общего количества). Этот факт, отмеченный нами и в исследованиях институционального медиадискурса на китайском языке [Калинин, 2022], безусловно, отражает культурологические особенности порождения дискурса на китайском языке, показывает необходимость подходить к изучению любых текстов на китайском с позиций китайской культуры, о чем писал в своих работах Ши Сюй [Shi Xu, 2024]. Содержательно разброс ключевых слов в этой тематической группе показывает, что авторы из социальных сетей помещают освещение событий российско-украинского конфликта в максимально широкий контекст, затрагивая историю России («СССР», «Хрущев»), а также, очевидно, проводя параллели с другими вооруженными конфликтами и точками противоречий («Афганистан», «Тайвань»).

Отдельно стоит отметить, что при описании горячей фазы конфликта авторы медиатекстов на китайском языке также довольно часто затрагивают вопросы мирного разрешения конфликта, что отражает наличие 655 словоупотреблений (2 % от общего количества). Например, 和平 «мир» – 129 раз, 外交 «дипломатия» – 76 раз, 合作 «сотрудничество» – 64 раза, 谈判 «переговоры» – 61 раз.

Таким образом, количественный анализ позволяет увидеть, что медиатексты, посвященные российско-украинскому конфликту, формируют двойное отношение к СВО, ее ходу, причинам и последствиям. Тематическая группа «Номинация конфликта» описывает действия России как агрессивные, что отражается на концептуальном образе нашей страны. В то же время высокая частотность наименований стран Запада, а также лексические единицы, связанные с историей и экономикой, показывают, что репрезентация СВО носит довольно объективный характер, что, соответственно, не влияет на изменение концептуальных установок относительно имиджа нашей страны.

Результаты количественного анализа коллокаций ключевых слов

Для более точного выявления понятийного содержания формируемого общественного мнения о России в контексте описания событий на Украине китайскими блогерами с платформы Чжиху мы рассмотрели коллокации с ключевым словом 俄罗斯 «Россия» (табл. 2). Кроме того, мы рассмотрели коллокации с наиболее частотными номинациями событий на Украине (война, конфликт, СВО, вторжение). Используемый на этом этапе исследования сервис Sketch Engine позволяет рассмотреть наиболее частотные коллокации к отобранным ключевым словам в зависимости от их синтаксических позиций. Так, мы выбрали сочетания, в которых ключевое слово выступает в позиции субъекта, объекта или признака.

В представленной таблице видно, что репрезентация России как субъекта имеет довольно негативный характер, глаголы 打 «бить» (28 словоупотреблений), 入侵 «вторгаться» (17 словоупотреблений), 占领 «оккупировать» (12 словоупотреблений), 并吞 «поглощать» (5 словоупотреблений) показывают нашу страну как «агрессора», который в свою очередь «находится

Таблица 2

Коллокации с ключевым словом 俄罗斯 «Россия»

Table 2

Collocations with the keyword 俄罗斯 “Russia”

俄罗斯 (Россия)	
Субъект	打 «бить» – 28, 要 «нуждаться» – 24, 入侵 «вторгаться» – 17, 占领 «оккупировать» – 12, 出兵 «отправлять войска» – 11, 撤军 «выводить войска» – 7, 发动 «развязывать (войну)» – 7, 开始 «начинать» – 7, 面临 «сталкиваться с ч-л» – 6, 崩溃 «рушиться» – 5, 死 «умирать» – 5, 并吞 «поглощать» – 5, 陷入 «провалиться (в болото)» – 5, 支持 «поддерживать» – 4, 选择 «выбирать» – 4
Объект	支持 «поддерживать» – 50, 让 «заставлять/вынуждать» – 42, 制裁 «накладывать санкции» – 25, 希望 «надеться» – 20, 加入 «вступать» – 17, 侵入 «вторгаться» – 17, 使 «заставлять/вынуждать» – 16, 反对 «противостоять» – 15, 谴责 «осуждать» – 11, 削弱 «ослабевать» – 8, 拖垮 «измотать» – 7, 并入 «присоединять» – 7, 有利于 «благоприятствовать ч-л» – 6, 威胁 «угрожать» – 5, 挑衅 «провоцировать» – 4, 指责 «осуждать» – 4
Признак	军队 «армия» – 42, 联邦 «федерация» – 23, 总统 «президент» – 22, 国防部 «Министерство обороны» – 20, 经济 «экономика» – 15, 帝国 «империя» – 11, 海军 «ВМФ» – 11, 战略 «стратегия» – 9, 侵略 «вторжение» – 8, 政府 «правительство» – 8, 士兵 «солдат» – 7, 空天军 «ВКС» – 7, 战争 «война» – 6, 石油 «нефть» – 4, 天然气 «природный газ» – 4

в затруднительном положении» (崩溃 «разваливаться, рушиться» (5 словоупотреблений), 死 «умирать» (5 словоупотреблений), 陷入 «завязнуть, провалиться» (5 словоупотреблений)).

Предполагаемое «затруднительное положение» нашей страны также подтверждается и коллокациями, где 俄罗斯 «Россия» выступает в роли объекта. Так, судя по полученным данным, Россия выступает в роли «объекта противостояния и осуждения», о чем свидетельствуют следующие слова: 反对 «противостояние» (15), 制裁 «наложить санкции» (25), 削弱 «ослабить» (8), 拖垮 «измотать» (7), 威胁 «угрожать» (5), 挑衅 «провоцировать» (4), 指责 «критиковать» (4).

Коллокации, в которых 俄罗斯 «Россия» выступает в роли определения, не дают какой-либо связи с прагматическим потенциалом в создании образа России в китайский социальных сетях и отражают сугубо содержательный аспект новостных сообщений военно-политического характера.

Рассмотрим лексемы, которыми китайские блогеры зачастую называют конфликт на Украине. По частотности употребления выделяются 4 лексемы 战争 «война», 冲突 «конфликт», 入侵 «вторжение», 特别军事行动 «СВО». Можно заметить очевидную разницу в коннотативных значениях употребляемых частотных номинаций СВО. Чаще всего в неофициальных медиа употребляется лексема 战争 «война», которая, будучи субъектом, образует частотное сочетание 战争爆发 «война вспыхнула», отражающее «внезапный и отчасти безличный характер» событий на Украине. Примечательно, что 特别军事行动 «СВО» употребляется с лексемой 采取 «применять (средство); предпринимать (меры)», т. е. специальная военная операция рассматривается как меры, которые были предприняты Россией. При этом лексических единиц, потенциально отражающих дальнейшую эскалацию конфликта, значительно больше: (发动 «развязывать (войну)», 爆发 «вспыхнуть», 挑起 «провоцировать», 发起 «начинать», 影响 «сказываться (на чем-л.)», 扩大 «расширяться»), чем лексических единиц, указывающих на его разрешение (结束 «завершаться», 解决 «решать (проблему)).

Таблица 3

Коллокации с лексемами-номинациями конфликта

Table 3

Collocations with nominations of the conflict

	Субъект	Объект
战争 «война»	爆发 «вспыхнуть» – 28, 开始 «начинаться» – 21, 结束 «завершаться» – 19, 打 «бить» – 18, 持续 «продолжаться» – 7, 失败 «проигрывать» – 7, 打到 «настигать» – 6, 旷日持久 «затягиваться» – 3	发动 «начинать (войну)» – 34, 结束 «завершаться» – 12, 打 «бить» – 11, 爆发 «вспыхнуть» – 8, 反对 «противостоять» – 8, 挑起 «провоцировать» – 5, 发起 «начинать» – 5, 影响 «влиять» – 4, 引发 «порождать» – 3, 升级 «эскалация» – 2, 扩大 «расширяться» – 2
冲突 «конфликт»	爆发 «вспыхнуть» – 13, 结束 «завершаться» – 10, 升级 «эскалация» – 3, 发生 «возникать» – 3, 打到 «настигать» – 2, 加剧 «обостряться» – 2	爆发 «вспыхнуть» – 5, 结束 «завершаться» – 4, 发生 «возникать» – 4, 挑起 «провоцировать» – 2, 解决 «решать (проблему)» – 2, 冻结 «замораживать» – 2
提别军事 行动 «СВО»	展开 «разворачиваться» – 4, 开始 «начинаться» – 3	发动 «начинать (войну)» – 11, 发起 «начинать» – 6, 采取 «принимать (меры)» – 6, 开展 «разворачивать» – 4
入侵 «вторжение»	持续 «продолжаться» – 1, 失败 «проигрывать» – 1, 迫在眉睫 «не терпеть отлагательства» – 1	抗击 «контратаковать» – 2, 导致 «приводить к...» – 1, 谴责 «осуждать» – 1, 担忧 «беспокоиться» – 1

Таблица 4

Коллокации с Президентом РФ

Table 4

Collocations with the President of the Russian Federation

普京 (В. В. Путин)	
Субъект	打 «бить» – 6, 要 «нуждаться» – 5, 动手 «приступать к (ч-л)» – 4, 遭遇 «встретиться с (ч.-то негативным)» – 4, 上台 «приходить к власти» – 3, 下令 «отдавать приказ» – 2, 下台 «оставлять пост» – 2, 承认 «признавать» – 2, 反对 «противостоять» – 2, 发动 «начинать (войну)» – 2
Объект	批评 «критиковать» – 3, 引诱 «соблазнять» – 3, 谴责 «осуждать» – 3, 批判 «раскритиковать» – 2, 打消 «устранить» – 2, 阻止 «останавливать» – 2, 面对 «столкнуться с...» – 2, 擒 «схватить» – 1, 霸凌 «буллинг» – 1, 佩服 «восхищаться» – 1, 欺骗 «обманывать» – 1, 指责 «укорять» – 1
Признак	总统 «президент» – 15, 老好人 «добряк» – 1, 统帅 «верховный главнокомандующий» – 1, 朋友 «друг» – 1, 领袖 «вождь» – 1, 沙皇 «царь» – 1, 军队 «армия» – 1, 战争 «война» – 1

Образ Президента РФ В. В. Путина также крайне важен для формирования образа России в целом. Количественный анализ коллокаций в неофициальных китайских СМИ с лексемой 普京 «Путин» свидетельствует, что Президент России представлен «объектом осуждения и нападок», о чем свидетельствуют следующие лексические единицы: 批评 «критиковать» (3), 谴责 «осуж-

дать» (3), 批判 «раскритиковать» (2), 打消 «рассеять» (2), 擒 «схватить» (1 словоупотребление), 霸凌 «буллинг» (1), 欺骗 «обманывать» (1). Нельзя не заметить при этом, что китайские блогеры отражают исходно позитивное отношение китайцев к личности Президента России В. В. Путина, называя его «другом», и отмечают его лидерство, на что указывают следующие лексемы: 统帅 «верховный главнокомандующий» (1), 领袖 «вождь» (1), 沙皇 «царь» (1).

Таким образом, анализ коллокаций показывает нейтрально-негативный характер репрезентации конфликта на Украине и Российской Федерации как непосредственной участнице этого конфликта в целом. Коллокации часто указывают на «агрессивный характер» действий нашей страны, подчеркивают потенциальные негативные последствия. Так, мы полагаем, что данный этап анализа позволяет подтвердить полученные на первом этапе исследования данные об определенной негативизации концептуального содержания образа России.

Качественный контент-анализ

На третьем этапе мы провели уточнение промежуточных выводов, полученных на первых двух этапах исследования, свидетельствующих о формировании нейтрально-негативного отношения к СВО в медиатекстах китайской социальной сети Чжиху. Основным подходом, на котором он основывается, является критический дискурс-анализ, который, как известно, призван показать отношения между дискурсом и экстралингвистическими факторами, определяемыми социальной атмосферой, культурным окружением, идеологическим подтекстом [Wodak, 2011]. Ниже мы будем приводить наиболее существенные и существенные характеристики специальной военной операции и формируемые подобной репрезентацией представления о России как об участнике конфликта.

1. Боевые действия – «болото»

Яркая структурная метафора, напрямую соотносящая в сознании коллективного адресата изученных текстов, ВОЙНА – это БОЛОТО, вне всяких сомнений формирует негативный образ СВО и, соответственно, негативный образ Российской Федерации. Стоит, однако, отметить важную особенность китайской ментальности: в китайской культуре любые активные боевые действия рассматриваются негативно. «Искусство войны» древнекитайского полководца и философа Сунь-цзы беспелляционно постулирует преимущества победы невоенным путем: *Одержать сто побед в ста битвах – это не вершина воинского искусства. Повергнуть врага без сражения – вот вершина* (Сунь-цзы, Искусство войны). В этой связи продолжительные боевые действия с точки зрения китайского менталитета – это свидетельство неправильной политической стратегии. Рассмотрим несколько показательных примеров:

1) 俄罗斯陷入战争泥潭, 财政困难, 国内厌战情绪高涨。(知乎) – *Россия погрязла в болоте войны, в финансовых трудностях, в связи с чем растут антивоенные настроения внутри государства.* (Zhihu) – Мы видим, как подчеркивается непосредственная связь боевых действий с потенциальными трудностями для страны в будущем.

2) 如果俄罗斯举全国之力陷入乌克兰的战争泥潭那么它距离崩溃也不远。前有苏联陷入阿富汗的战争泥潭, 导致崩溃。(知乎) – *Если Россия мобилизует все свои силы и увязнет в болоте войны на Украине, то ее крах будет не за горами. Советский Союз погряз в болоте войны в Афганистане, что привело к его распаду.* (Zhihu) – В этом примере автор описывает еще более негативные, по его мнению, последствия для страны – потенциальный развал государства.

Негативное отношение к боевым действиям отражает и яркая онтологическая метафора 战争的“垃圾时间” («мусорное время войны»), несколько раз использованная в разных текстах.

В свете вышеописанной метафорической номинации специальной военной операции Россия также воспринимается в негативном ключе. Для представителей китайской лингвокультуры тот, кто ведет длительные боевые действия, так или иначе несет ущерб и убытки, а потому является «недальновидным, немудрым игроком на политической арене». Для китайской куль-

туры в данном случае большее значение играет негативная оценка именно методов войны, открытый конфликт для китайской культуры – всегда потеря «лица», т. е. репутации. При этом китайская аудитория всегда высоко оценивала успешные военно-политические решения сложных проблем, таких как, например, возвращение Крыма в состав России.

在2014年，普京撑着乌克兰内乱策划克里米亚共和国公投并入俄罗斯成功。(知乎) – *В 2014 году Путин воспользовался гражданскими беспорядками на Украине, чтобы успешно провести референдум о вхождении Республики Крым в состав России (Zhihu).*

Отметим, что, как стало понятно по данным, полученным в результате количественного анализа, при описании специальной военной операции китайские авторы также довольно часто напрямую обвиняют Россию в «агрессии» или «аннексии», что также в значительной степени формирует негативный образ нашей страны. Примеры:

1) 我支持乌克兰反对俄罗斯入侵，侵占邻国土地。(知乎) – *Я поддерживаю Украину в противостоянии вторжению и оккупации государственных территорий Россией (Zhihu).*

2) 入侵乌克兰、客场作战 – 劳师远征，贵速不贵久。只要不能逼乌克兰做城下之盟、消灭亲欧美政府，扶持起亲俄政府，那么，这场战争拖得越久，俄罗斯就越疲敝，离失败不远了！(知乎) – *Вторжение на Украину – это ведение боевых действий вдали от дома, на чужой территории, что приносит плоды в случае скоротечности или же доставляет проблемы в случае продолжительности. Если не получится принудить Украину к заключению невыгодного мирного договора, к уничтожению проевропейского и проамериканского правительства и поддержке пророссийского правительства, в таком случае чем дольше будет тянуться война, тем более истощенной будет Россия, и тем ближе она будет к поражению! (Zhihu)*

2. Боевые действия – это экономическая катастрофа

В своих публикациях авторы очень часто указывают на то, что после начала специальной военной операции Россия столкнулась с серьезными экономическими последствиями в виде санкций, что, по мнению авторов текстов, повторяющих нарративы западных СМИ, привело в результате к ухудшению экономического положения страны.

1) 俄罗斯正面临欧美和北约的经济制裁：战争拖得越久，俄罗斯的经济形势越不乐观，甚至面临崩溃。(知乎) – *Россия сталкивается с экономическими санкциями со стороны Европы, Америки и НАТО: чем больше затягивается война, тем хуже становится экономическое положение России, вплоть до катастрофы (Zhihu).*

2) 乌克兰之战后国际社会加大对俄制裁，也将进一步缩小俄罗斯在国际能源市场的份额，这对俄经济命脉是重大打击。(知乎) – *Усиление международных санкций против России после войны на Украине также приведет к дальнейшему сокращению доли России на мировом рынке энергоресурсов, что нанесет серьезный удар по ключевым аспектам российской экономики (Zhihu).*

В контексте описания негативных экономических последствий для России, помимо формирования негативного восприятия нашей страны как «того, кто неизбежно столкнется с финансовыми трудностями», мы также наблюдаем целый комплекс негативных оценок, связывающих Россию исключительно с торговлей сырьем, что снова показывает фрагментарность анализа ситуации в экономике России со стороны авторов изученных текстов.

3) 到现在为止，俄罗斯的主要经济支柱就是能源和粮食出口。(知乎) – *До сих пор основными столпами российской экономики являются экспорт энергоресурсов и продовольствия (Zhihu).*

В целом, авторы публикаций рисуют довольно мрачную картину будущего российской экономики, которая, согласно постулируемому мнению, во многом зависит от экспорта энергоресурсов и продовольствия, а снижение спроса на эти товары на фоне санкций может привести к серьезным последствиям. Подчеркнем, что для китайской культуры сущностными являются порядок и умиротворение, все периоды потрясений, смут, войн всегда негативно оцениваются традиционной китайской культурой. В царство, где неспокойно, не входите. В царстве, охва-

ченном смутой, не живите. Когда в Поднебесной порядок, будьте на виду. Если нет порядка, скройтесь. (Конфуций Лунь Юй). Именно эта установка довлеет в заключениях китайских блогеров, хотя внешне они могут приписываться аргументации их текстов.

3. Боевые действия – следствие сложной истории

Китайская культура консервативна в том смысле, что концептуально она в значительной степени ориентирована на анализ своего прошлого опыта, который зачастую признается одним из наиболее очевидных критериев оценки событий современности и будущего развития. В этой связи в репрезентации российско-украинского конфликта китайские авторы указывают на тесную историческую, культурную и экономическую связь двух государств. Примечательно, однако, то, что большое внимание уделяется распаду СССР:

苏联解体后，失去了乌克兰的俄罗斯，绝无再成为世界超级强国的可能，因为乌克兰之于俄罗斯，相当于东北三省（粮食基地）+江浙沪（经济中心）+长安洛阳（文明故地），很难想象丢掉了密西西比河流域的美国和丢掉了江浙沪的中国，国力会衰退到什么程度。（知乎）– *После распада СССР Россия, которая потеряла Украину, больше не имела возможности стать мировой сверхдержавой, потому что Украина для России эквивалентна трем северо-восточным провинциям (продовольственная база) + «шанхайскому региону» Китая (экономический центр) + Чанъяню и Лояну (колыбель цивилизации). Трудно представить, как упадет государственная мощь США, если они потеряют бассейн реки Миссисипи, и Китая, который потеряет шанхайский регион (Zhihu).*

Этот пример наглядно – с помощью параллелей – подчеркивает для китайской аудитории высокое значение, которое играет Украина для России, которая сравнивается с тремя провинциями северо-восточного Китая как с житницей страны, с шанхайским регионом Китая как с экономическим центром и с городами Сиань и Лоян как с колыбелью цивилизации.

Оценки исторических отношений между Россией и Украиной в изученных текстах демонстрируют разницу в оценках и мнениях. Например:

1) *Россияне считают, что в Советском Союзе трудились только русские и что Украина зрелась в лучах славы России. Украина считала, что русские угнетают ее (Zhihu).*

2) *Поскольку Россия и Украина являются братскими народами и имеют общий язык, до распада СССР они должны были быть одной семьей. Очевидно, что Россия хочет помочь Украине, используя преимущества «общего языка и братского народа», поэтому Украина должна была понять доброту России и присоединиться к ней (Zhihu).*

Подобное описание причин начала специальной военной операции показывает Россию в нейтральном или нейтрально-позитивном ключе, так как подчеркивает справедливость целей России по восстановлению контроля над своей сферой влияния, т. е. Украиной, которая имеет тесные культурно-исторические и социально-экономические связи с современной Российской Федерацией.

4. Боевые действия – следствие политики США (Европы)

Китайский политический медиадискурс всегда отличается высокой степенью рефлексии относительно выяснения истинных, скрытых причинно-следственных связей политических событий, что характерно как для аналитической, так и для новостной политической журналистики. В этой связи важное место в репрезентации специальной военной операции играет описание потенциального участия западных стран в поощрении и эскалации конфликта.

Так, ряд авторов видит сходство российско-украинского конфликта с ситуацией с Гонконгом и с Тайванем. Они пишут, что Америка является причиной всех этих конфликтов, так

как Китай и Россия угрожают ее гегемонии. 我从俄乌之间, 更多看到的是香港, 台湾的历史, 都是同样的配方, 熟悉的味道。而这一切都源于美国, 绝不容许像中俄这等国家, 挑战其霸权。(知乎) – *В ситуации между Россией и Украиной я все больше вижу историю с Гонконгом и Тайванем, которые имеют тот же сюжет и знакомый вкус. И все это исходит от США, которые ни за что не позволят таким странам, как Китай и Россия, бросить вызов их гегемонии (Zhihu).*

Отметим, что негативное отношение к «гегемонистской политике силы со стороны США» встречается в изученных публикациях довольно часто, что, безусловно, отражает существование и, быть может, рост политических противоречий между КНР и США по вине США.

Например, обращается внимание на бездействие ООН в разрешении российско-украинского конфликта, а также на то, что данная организация ориентируется на США. 联合国为什么不支持乌东四州呢? (知乎) – *Почему ООН не поддерживает 4 области Восточной Украины (имеются в виду ЛНР, ДНР, Херсонская и Запорожская области) (Zhihu). 联合国一直这么对美方毕恭毕敬。(知乎) – ООН постоянно с подобострастным уважением относится к США (Zhihu).*

В этом контексте Россия предстает перед нами как «сила, которая в одиночку борется с расширением НАТО», а специальная военная операция выглядит как «вынужденная мера, которая отражает необходимость защиты своих национальных интересов».

Американцы уже想到了对付欧盟的办法, 那就是重新树立俄罗斯的威胁, 具体办法是北约东扩。美国通过北约东扩, 逼迫俄罗斯不得不与欧盟为敌。(知乎) – *США уже придумали способ борьбы с Европейским союзом, а именно снова восстановить угрозу со стороны России. Конкретным способом является расширение НАТО на восток. Посредством расширения НАТО на восток США вынудили Россию стать врагом Европейского союза (Zhihu).*

由此可见, 欧盟、俄罗斯都把乌克兰视为自己地缘政治战略中的一个重要元素。(知乎) – *Из этого следует, что ЕС и Россия рассматривают Украину как важную составную часть своей геополитической стратегии (Zhihu).*

Подобная репрезентация российско-украинского конфликта как следствия «гегемонистской политики США, притязаний Европы и бездействия ООН», где США выступают «разжигателями» идеи об угрозе России, опосредованно формирует нейтрально-позитивный образ России, которая как бы противостоит старому мировому порядку, установленному Европой, отстаивает свои национальные интересы в борьбе с сильным противником.

5. Боевые действия – личная инициатива В. В. Путина; В. В. Путин – друг Китая

Политическая фигура Президента РФ В. В. Путина имеет особое значение для китайского медиадискурса как своего рода тематическая доминанта. Китайская культура, которой свойственна большая дистанция между народом и властью, позитивно воспринимает роль «сильного лидера». В традиционной китайской политической культуре, маркированной и опосредованной конфуцианством, сильный, харизматичный лидер страны, который заботится о простом народе – есть идеал правителя. *Управляя царством, имеющим тысячу боевых колесниц, следует серьезно относиться к делу и опираться на доверие, соблюдать экономию в расходах и заботиться о людях; использовать народ в соответствующее время (Конфуций Лунь Юй).*

Так, описывая специальную военную операцию, некоторые авторы сравнивают В. В. Путина с «царем, который взял под полный контроль внутреннюю политику России», а сам конфликт воспринимают как «персональный» для Президента России:

1) 其实俄乌战争的原因既不在于北约的东扩, 也不在于乌克兰, 主要原因更在于普京的个人的政治生态。普京自叶利钦下台之后, 长期纵横俄罗斯政治舞台, 其对于俄罗斯国内政治的掌控和操纵炉火纯青。(知乎) – *На самом деле причина российско-украинской войны заключается не в расширении НАТО на восток, и не в Украине, а в личной политической среде Путина. После ухода Ельцина Путин долгое время был на каждом уголке политической арены России и довел контроль над внутренней политикой России до апогея (Zhihu).*

2) Украина является российским интересом, но Китай не заинтересован. 2022 год Украина война – это шаг царя Путина (Zhihu).

Многие авторы указывают, что Владимир Путин – старый друг китайского народа, причем очень часто используют слово 先生 «господин»:

优势在我, 希望中国人民的老朋友普京先生再接再厉, 继续帮我们赢得战略空间。(知乎) – Я надеюсь, что старый друг китайского народа, господин Путин, удвоит усилия и продолжит помогать нам завоевывать стратегическое пространство (Zhihu).

Исходя из приведенных примеров, можно сделать вывод о том, что в неинституциональном медиадискурсе особый интерес представляет собой политическая фигура Президента РФ, Владимира Владимировича Путина. В целом, он рассматривается как лидер, обладающий значительным влиянием на политическую и экономическую ситуацию в России. При этом, понимая, что личные отношения между Президентом РФ и Председателем КНР очень близки, упоминание В. В. Путина играет, скорее, позитивную роль для формирования образа России в целом, несмотря на параллели между ним и царем.

Таким образом, в результате проведенного качественного контент-анализа публикаций неофициальных китайских медиа об СВО можно сделать вывод о разной по тональности репрезентации России. С одной стороны, наша страна часто характеризуется как «агрессор, вторгшийся на территорию соседнего государства и аннексировавший его территорию». Кроме того, делается акцент на негативных последствиях российско-украинского конфликта с точки зрения экономики и благосостояния населения, что создает образ «страны, которая не заботится о последствиях». Также негативным компонентом в создании образа России является подчеркивание зависимости экономики нашей страны от экспорта энергоресурсов. С другой стороны, СВО преподносится как противостояние США и Западу, что в современных внешнеполитических условиях особенно актуально для КНР. Так создается образ «борца за справедливость», «страны, которая имеет свое мнение и умеет отстаивать свои интересы». Также уделяется большое внимание историческому контексту конфликта, который позволяет показать СВО как «борьбу за исконно русские земли», что создает позитивный образ России в целом.

Заключение

Теория информационного воздействия предполагает, что информация, многократно повторенная в СМИ, способна посредством концептуализации, категоризации и интерпретации вносить изменения в содержание транслируемых концептов, особенно когда они приходят из внешней среды. Отдельные смысловые компоненты общественно-политических концептов, подвергаясь переосмыслению в ходе освещения актуальной новостной повестки, дополняются, сужаются; вокруг них посредством когнитивных метафор формируются образы, создаются новые эмоционально-оценочные связи.

Проведенное исследование и его выводы, связанные с лингвопрагматическими аспектами освещения специальной военной операции Вооруженных сил Российской Федерации, касаются, строго говоря, китайской социальной сети Чжуху, а не всего китайского дискурса о СВО. На основании полученных характеристик можно, однако, моделировать потенциальные изменения в концептуальном образе России, формируемом у носителей китайской лингвокультуры в целом. В частности, мы полагаем, что частотное использование отрицательных номинаций специальной военной операции («агрессия», «аннексия») может оказать отрицательное влияние на концептуальные представления о нашей стране и изменение оценочного компонента концепта 俄罗斯 (Россия) в китайском языковом сознании. Традиционные представления русских как «боевой нации» (战斗民族) могут поменяться у западно ориентированных китайцев на «агрессивную нацию». Кроме того, упоминая о теоретическом риске негативных послед-

ствий СВО в плане экономики, социальной сферы и внешней политики, неинституциональные СМИ создают негативную оценку России как «безответственной страны, которая не думает о последствиях». Те, кто не имеет точной информации о состоянии российской экономики и реальном потреблении товаров и услуг, могут, конечно, уверовать в этот тезис. При этом нельзя не отметить, что подчеркивание противостояния России блоку НАТО, США и странам Запада имеет позитивную роль в формировании образа «борца за справедливость». Кроме того, образ Президента России по-прежнему, скорее, позитивный, что также влияет на образ нашей страны как «опоры традиционализма».

Мы полагаем, что формируемые новые концептуальные значения концепта РОССИЯ, т. е. концептуальный образ нашей страны, претерпевает серьезные изменения в картине мира носителей китайской информационной реальности, которая, вероятно, не является столь однородной, как это принято думать за пределами Китая. Безусловно, данный процесс не является одномоментным, и отследить конкретные изменения можно только посредством опросов общественного мнения и других подобных инструментов социологического характера. Однако уже сейчас понятно, что для того чтобы противодействовать наметившимся негативным тенденциям, следует обращать внимание на формирование информационной повестки, связанной с Китаем, стараться создавать такие информационные поводы, которые могут нивелировать то негативное влияние, которое наносит в целом позитивному образу нашей страны среди различных групп китайской аудитории. Отметим, что в ходе подобной работы крайне важно принимать во внимание особенности китайской культуры, такие, как, например, «поддержку достижения целей невоенными путем», поэтому в китайское информационное пространство нужно чаще предоставлять информационные поводы, которые показывают «невоенные» победы, а именно дипломатические, торговые договоренности и прочее. Этот пример призван показать, что вопросы формирования образа страны лежат в том числе в плоскости приложения усилий самого государства, и является той работой, которую необходимо проводить во взаимодействии с научным сообществом, в частности, с учеными-лингвистами.

В этой связи подобные прикладные исследования не только показывают состояние образа определенного общественного института здесь и сейчас, но и играют важную прогностическую роль. Перспективой подобных исследований видится соотношение полученных на языковом материале результатов с реальным состоянием общественного мнения, а также более значительный акцент на лингвокультурологическом аспекте информационного воздействия.

Список литературы

- Боголюбов А. Ф.** Bring Us Deliverance, Spy! (прочтения Марша шпионов Киплинга в условиях информационной войны и пандемии) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 132–153. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153
- Болдырев Н. Н.** Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия: Филология. Искусствоведение. 2011. № 33 (248). С. 11–16.
- Болдырев Н. Н.** Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: Курс лекций. Изд. 5-е, испр. и доп. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. 236 с
- Ван Дейк Т. А.** Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. О. А. Гулыги; сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989.
- Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/69695> (дата обращения: 03.06.2024).
- Иванов Н. В., Калинин О. И.** Информационное воздействие в политическом медиадискурсе // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики, 2023. № 3 (43). С. 76–106.

- Вьюнов А. С., Веретенников А. С., Голубцова Е. В., Гречушникова Т. В., Имас А. В., Калинин О. И., Лелюкаева Э. М., Мавлеева Д. В., Муравлева В. Р., Подолько А. С., Попова Л. Е., Приходько М. В., Середенко В. М., Сербин В. А., Солопова О. А., Степаненко Е. А., Хабаров А. А.** Информационная война в условиях специальной военной операции. Опыт лингвистического анализа. М.: Флинта, 2024. 272 с.
- Калинин О. И., Мавлеева Д. В.** Анализ языковой репрезентации специальной военной операции ВС РФ на Украине в СМИ КНР, КНДР и Республики Корея // Политическая лингвистика. 2022. № 5(95). С. 135–144. DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_13
- Калинин О. И.** Корпусный анализ языковой репрезентации специальной военной операции ВС РФ на Украине в СМИ КНР // Вестник Москов. гос. лингвист. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 10(865). С. 41–47. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_41
- Калинин О. И.** Основы лингвопрагматического исследования политического имиджа. М.: КноРус, 2018. 148 С.
- Конфуций Лунь Юй.** URL: <https://opentextnn.ru/old/data/files/konfut.pdf> китайский источник URL: <http://www.gudianmingzhu.com/guji/lunyu/> (дата обращения: 03.06.2024).
- Колмогорова А. В., Калинин А. А., Талдыкина Ю. А.** Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 194–199.
- Копнина Г. А.** Лингвистика информационно-психологической войны в Сибирском федеральном университете: презентация научного проекта // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этносов: Сб. тр. Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2018. С. 338–348.
- Коршунов Д. С.** Особенности применения статистических мер в задачах выделения китайских иероглифических биграмм // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022; Т. 20 № 2. С. 64–80. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-2-64-80>
- Красовская О. В.** Информационная война как коммуникативный феномен // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 53–59.
- Кушнерук С. Л.** Идеологическое миромоделирование в контексте информационно-психологической войны: Монография. М.: Флинта, 2023. 232 с.
- Кушнерук С. Л., Чудинов А. П.** Развитие лингвистики информационно-психологической войны: методологическая неоднородность и первые результаты // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. Т. 4. № 1. С. 105–118.
- Кушнерук С. Л.** Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике // Политическая Лингвистика. 2019. № 6 (78). С. 12–22.
- Лао-цзы Дао Дэ Цзин.** Русский источник. URL: <http://www.lib.ru/РОЕCHIN/lao4.txt>; Китайский источник. URL: <https://www.daodejing.org/64.html> (дата обращения: 03.06.2024).
- Мухина В. С.** Личность: мифы и реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.
- Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 03.06.2024).
- Правда.ру. Джонсон: Россия входит в новую «Ось зла». URL: <https://www.pravda.ru/amp/news/world/2001738-rossija-vkhodit-v-novuju-os-zla/> (дата обращения: 03.06.2024) (дата обращения: 03.06.2024).
- РИА Новости. Такого еще не было. Заявление Китая об СВО вызвало тревогу на Западе. URL: <https://ria.ru/20240204/podderzhka-1925273942.html?ysclid=lupkvs4gy4675871425> (дата обращения: 03.06.2024).
- Сквородников А. П., Копнина Г. А.** Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. Т. 1 (55). С. 42–50.

- Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 03.06.2024).
- Сунь-цзы.** Искусство войны. URL: https://librebook.me/the_art_of_war/vol4/1 китайский источник URL: https://m.gushiwen.cn/guwen/bookv_012e0da3e872.aspx
- Сюй М.** Освещение событий на Украине китайскими СМИ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 3-2(66). – С. 212–214. DOI 10.24412/2500-1000-2022-3-2-212-214.
- Шемякин Р. Д.** Современный образ России в китайских СМИ // Дипломатическая служба. 2023. № 4. С. 347–355. DOI 10.33920/vne-01-2304-09
- Anthony L. A.** Critical look at software tools in corpus linguistics // Linguistic Research. 2013. V. 30, No. 2, pp. 141–161.
- Shi-xu.** The Routledge Handbook of Cultural Discourse Studies (Routledge Handbooks in Linguistics) // Taylor & Francis Limited, 2024. 480 p.
- Wodak R.** Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis // Discursive Pragmatics / Edited by J.-O. Östmann, J. Verschueren, J.Zienkowski. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2011. P. 50–70.

References

- A joint statement by the Russian Federation and the People’s Republic of China on the development of comprehensive partnership and strategic cooperation entering a new era.** URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (accessed 06.03.2024)
- Bogolubov A. F.** Bring Us Deliverance, Spy! (Interpretations of The Spies’ March in Time of the Media War and Pandemic). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 132–153. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153
- Boldyrev N. N.** The interpretive function of language. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art history*, 2011, no. 33 (248), pp. 11–16. (in Russ.)
- Boldyrev N. N.** Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics: a course of lectures. Ed. 5, rev. and add. Tambov, Publishing House Derzhavinsky, 2021, 236 p. (in Russ.)
- Confucius.** Analects. URL: <https://opentextnn.ru/old/data/files/konfut.pdf> Chinese URL source: <http://www.gudianmingzhu.com/guji/lunyu/> (accessed 06.03.2024)
- Ivanov N. V., Kalinin O. I.** Informational impact in political media discourse. *Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 76–106 (in Russ.)
- Kalinin O. I., Mavleeva D. V.** Analysis of the linguistic representation of the special military operation of the Armed Forces of the Russian Federation in Ukraine in the media of the PRC, the DPRK and the Republic of Korea. *Political Linguistics*, 2022, № 5(95), pp. 135–144. DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_13 (in Russ.)
- Kalinin O. I.** Corpus analysis of the linguistic representation of the special military operation of the Armed Forces of the Russian Federation in Ukraine in the PRC media. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2022, № 10(865), pp. 41–47. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_41 (in Russ.)
- Kalinin O. I.** Fundamentals of linguopragmatic research of political image. Moscow, LLC “KnoRus Publishing House”, 2018, 148 p. (in Russ.)
- Kolmogorova A. V., Kalinin A. A., Taldykina Yu. A.** Parametrisation of Linguistic Signs of Manipulation in a Polarized Political Discourse. *Political Linguistics*, 2016, no. 4, pp. 194–199. (in Russ.)
- Kopnina G. A.** Linguistics of information and psychological warfare at the Siberian Federal University: presentation of a scientific project. Information wars as the struggle of geopolitical oppo-

nents, civilizations and various ethnic groups: proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Novosibirsk, 2018, pp. 338–348. (in Russ.)

- Korshunov D. S.** Distinctive Features of Association Measures Applied to Chinese Character Bigram Extraction Tasks. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 64–80. (In Russ.) <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-2-64-80>
- Krasovskaya O. V.** Information War as a Communicative Phenomenon. *Political Linguistics*, 2016, no. 4, p. 53–59. (in Russ.)
- Kushneruk S. L.** Ideological world modeling in the context of information and psychological warfare: monograph. Moscow, FLINT publ., 2023, 232 p. (in Russ.)
- Kushneruk S. L., Chudinov A. P.** The development of linguistics of information and psychological warfare: methodological heterogeneity and the first results. *Ecology of language and communicative practice*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 105–118 (in Russ.)
- Kushneruk S. L.** Trajectories of information and psychological warfare research in Russian linguistics. *Political Linguistics*, 2019, no. 6 (78), pp. 12–22. (in Russ.)
- Laozi Tao Te Ching.** Russian URL source: <http://www.lib.ru/POECHIN/lao4.txt> Chinese URL source: <https://www.daodejing.org/64.html> (accessed: 06.03.2024).
- Meeting of the Valdai International Discussion Club.** URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/69695> (accessed: 06.03.2024).
- Mukhina V. S.** Personality: Myths and Reality (An alternative view. A systematic approach. Innovative aspects). 2nd ed.: rev. and add. Moscow, 2010. (in Russ.)
- RIA News.** This has never happened before. China’s statement on its own has caused alarm in the West. URL: <https://ria.ru/20240204/podderzhka-1925273942.html?ysclid=lupkvs4gy4675871425> (accessed: 06.03.2024).
- Shemyakin R. D.** The modern image of Russia in the Chinese media. Diplomatic Service, 2023, no. 4, pp. 347–355. DOI 10.33920/vne-01-2304-09
- Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A.** Linguistics of information and psychological warfare: towards substantiation and definition of the concept. *Political Linguistics*, 2016, vol. 1 (55), pp. 42–50. (in Russ.)
- Sun Tzu.** the Art of War. URL: https://librebook.me/the_art_of_war/vol4/1 Chinese URL source: https://m.gushiwen.cn/guwen/bookv_012e0da3e872.aspx (accessed: 06.03.2024).
- The President’s Message To the Federal Assembly.** URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (accessed: 06.03.2024).
- Michael Johnson.** Russia is entering a new “Axis of Evil”. URL: <https://www.pravda.ru/amp/news/world/2001738-rossija-vkhodit-v-novuju-os-zla> (accessed: 06.03.2024).
- Van Dijk.** Language. Cognition. Communication. / Translated from English by O. A. Gulygi, comp. V. V. Petrov, edited by V. I. Gerasimov. M.: Progress, 1989 (in Russ.)
- Vyunov A. S., Veretennikov A. S., Golubtsova E. V., Grechushnikova T. V., Imas A. V., Kalinin O. I., Lelyukaeva E. M., Mavleeva D. V., Muravleva V. R., Podolko A. S., Popova L. E., Prikhodko M. V., Seredenko V. M., Serbin V. A., Solopova O. A., Stepanenko E. A., Khabarov A. A.** Information warfare in the context of a special military operation. The experience of linguistic analysis. Moscow, Flint Publishing House, 2024, 272 p. (in Russ.)
- Xu M.** Coverage of events in Ukraine by Chinese media. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, № 3-2(66), pp. 212–214. DOI 10.24412/2500-1000-2022-3-2-212-214 (in Russ.)

Информация об авторах

Калинин Олег Игоревич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры китайского языка Московского государственного лингвистического университета, доцент кафедры дальневосточных языков Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, старший научный сотрудник Управления научной и инновационной деятельности Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета)

Мироненко Константин Николаевич, адъюнкт Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

Information about the Authors

Oleg I. Kalinin, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Chinese Language at the Moscow State Linguistic University, Associate Professor of the Department of Far Eastern Languages at the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, Senior Researcher of the Department of Scientific and Innovative Activity of South Ural State University (National Research University)

Konstantin N. Mironenko, adjunct at the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

*Статья поступила в редакцию 17.06.2024;
одобрена после рецензирования 02.07.2024; принята к публикации 05.07.2024*

*The article was submitted 17.06.2024;
approved after reviewing 02.07.2024; accepted for publication 05.07.2024*

Научная статья

УДК 81.23

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-123-141

Мультимодальные средства выражения эмоций в интервью с латиноамериканцами о военной рекламе: опыт мультиканального аннотирования

Юлия Андреевна Горностаева¹
Эмма Юрьевна Гензе²

Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

¹yulyatald@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>

²emma.genze01@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-3566-0599>

Аннотация

Статья посвящена проблеме выявления вербальных и невербальных средств выражения эмоций в устном интервью о военной рекламе. Исследование актуально в силу повышенного внимания лингвистов к изучению эмоциональных процессов в языке и речи, а также остросоциальной тематики анализируемого дискурса и междисциплинарного подхода к исследованию языковой природы эмоций с помощью интервьюирования и мультимодального аннотирования. Новизна работы обусловлена отсутствием научных трудов, посвященных изучению эмоционального поведения представителей испаноязычной лингвокультуры при обсуждении военной рекламы. Цель – выявить вербальные и невербальные средства выражения эмоций в устном испаноязычном дискурсе при обсуждении военной рекламы. Материалом стали видеозаписи структурированного интервью с респондентами из Латинской Америки, которым предлагалось посмотреть рекламный ролик Вооруженных сил Колумбии и ответить на вопросы, связанные с содержанием видео и профессией военнослужащего. Методологический инструментарий включает эксперимент с использованием метода интервьюирования, а также метод мультимодального аннотирования текстов в программе ELAN. Мультимодальное аннотирование осуществлялось с помощью разметки пяти вокальных и невокальных слоев – «Вербальная составляющая», «Жесты», «Движение глаз», «Мимика», «Интонация» – с последующей структуризацией полученных данных. Так, установлено, что видеоролик и военная служба вызывают преимущественно отрицательные эмоции у респондентов – негодование, беспокойство, удивление и разочарование. Отрицательные эмоции по отношению к видеоролику (разочарование, удивление и негодование) на вербальном уровне выражались с помощью лексических единиц с семантикой «простота/незамысловатость», метафорических сравнений с художественным фильмом, риторических вопросов и отрицательных неопределенных местоимений, при этом подчеркивалось отсутствие содержательной составляющей и излишняя романтизация военной сферы, что усиливалось разнообразным циклическими мануальными жестами-иллюстраторами для выражения отрицательных эмоций и акцентирования внимания на определенных смысловых отрезках. Профессия военного описывалась посредством лексических единиц с семантикой «риск/опасность» и «увечья/смерть», респонденты испытывали негодование и беспокойство, делалась отсылка к прецедентной ситуации – актуальному военно-политическому конфликту между Россией и Украиной, что на невербальном уровне репрезентировалось разнообразными жестами-иллюстраторами и жестами-регуляторами. У всех участников эксперимента детектировалось ощущение дискомфорта, манифестируемое посредством жестов-адаптеров, мимических движений и интонационных характеристик, а также нежеланием поддерживать визуальный контакт с интервьюером. Мультимодальное аннотирование позволило заключить, что невербальные средства выражения эмоций могут изменять коннотативное значение вербальной составляющей высказывания, указывать на его неправдивость и желание респондента скрыть истинное отношение к предмету обсуждения. Перспектива исследования видится в привлечении респондентов других возрастных и социальных групп.

© Горностаева Ю. А., Гензе Э. Ю., 2024

Ключевые слова

мультимодальные средства, эмоции, эмотивность, оценочность, устный дискурс, военная реклама, мультимодальное аннотирование, ELAN.

Для цитирования

Горностаева Ю. А., Гензе Э. Ю. Мультимодальные средства выражения эмоций в интервью с латиноамериканцами о военной рекламе: опыт мультимодального аннотирования // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4. С. 123–141. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-123-141

Multimodal Means of Expressing Emotions in Interviews with Latin Americans about War Advertising: Experience of Multimodal Annotation

Yulia A. Gornostaeva¹, Emma Yu. Genze²

Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russian Federation

¹yulyatald@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>

²emma.genze01@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3566-0599>

Abstract

The article is devoted to the problem of identifying verbal and non-verbal means of expressing emotions in an oral interview about military advertising. The study is relevant due to the increased attention of linguists to the emotional processes in language and speech, the topicality of military discourse, and the interdisciplinary approach to the study of the linguistic nature of emotions by means of interviewing and multichannel annotation. What makes the work novel is the lack of research on emotional behavior of Spanish speakers in their discussing military advertising. The goal of the paper is to identify verbal and non-verbal means of expressing emotions in oral Spanish-language discourse while discussing military advertising. The material for the work incorporates video recordings of a structured interview with respondents from Latin America that were required to watch a commercial for the Colombian Armed Forces and answer some questions related to the content of the video and the occupation of the soldier. Methodological tools were an interview and a method of multichannel text annotation in ELAN. Multichannel annotation was carried out by means of marking five vocal and non-vocal tiers – “Verbal component”, “Gestures”, “Eye movement”, “Facial expressions”, “Intonation” – with subsequent structuring of the obtained data. Thus, it has been found that the video and military service evoke predominantly negative emotions among respondents – indignation, anxiety, surprise and disappointment. Negative emotions towards the video (disappointment, surprise and indignation) at the verbal level were expressed by lexical units with the common meaning “simplicity/plainness”, metaphorical comparisons with the film, rhetorical questions and negative indefinite pronouns – all emphasizing the lack of content and excessive romanticization of the military sphere, also enhanced by various manual illustrator gestures to express negative emotions and focus on certain semantic segments. The military profession was described through lexical units with the common meaning “risk/danger” and “injury/death”; respondents apparently experienced indignation and anxiety; a reference was made to a precedent situation – the current military-political conflict between Russia and Ukraine represented on a non-verbal level by various illustrator and regulator gestures. The interviewees displayed a feeling of discomfort through adapter gestures, facial movements and intonation, as well as a reluctance to maintain visual contact with the interviewer. Multichannel annotation allowed us to conclude that non-verbal means of expressing emotions can change the connotative meaning of the verbal component of a statement, indicate its untruthfulness and a desire of the respondent to hide their real attitude to the subject of discussion. The prospect of the study is seen in attracting respondents of other age and social groups.

Keywords

multimodal means, emotions, emotiveness, evaluation, oral discourse, military advertising, multichannel annotation, ELAN

For citation

Gornostaeva Y. A., Genze E. Yu. Multimodal Means of Expressing Emotions in Interviews with Latin Americans about War Advertising: experience of multimodal annotation. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 123–141. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-123-141

Введение

Специфика эмоционального поведения определенной языковой общности определяется видовым национальным опытом народа [Шаховский, 2008]. Межкультурные различия при выражении эмоций в том или ином языке проявляются как на вербальном, так и на невербальном уровнях: в вариативности значений лексических единиц, которые актуализируют эмоции в речи [Jackson, 2019; Lindquist, 2021; Mesquita et al, 2014], а также в особенностях жестов, мимических движений, интонационных характеристик и других просодических явлениях [Горностаева, Колмогорова, 2023]. Эмоциональная картина мира определенного этноса имеет определяющее значение при интерпретации отношения граждан к важнейшим социальным вопросам, а также их ценностных приоритетов и поведенческих стереотипов в силу взаимообусловленности эмоций как структурного элемента сознания и когнитивной деятельности человека. Нельзя игнорировать тот факт, что во многом именно эмоции как импульсивный психический процесс становятся активатором интеллектуальной деятельности и организуют целостные формы поведения.

В настоящее время военная сфера глубоко проникла во все области общественной жизни. Актуальная геополитическая ситуация обострена до предела, политическая элита диктует правила игры и закладывает удобные поведенческие паттерны, манипулируя общественным мнением. Так, с одной стороны, взаимоотношения многих стран и их народов определяются эмоциональной реакцией правящей верхушки на отдельно взятые политические конфликты, с другой – внутренняя политика многих стран в эпоху милитаризма направлена на популяризацию и глорификацию профессии военного внутри государства.

Латинская Америка не стала исключением. Власти начинают внедрять военную рекламу, агитируя граждан поступать на службу в Вооруженные силы. Так, в рамках настоящей работы объектом исследования является мультимодальная репрезентация эмоций в устном испаноязычном дискурсе при обсуждении военной рекламы. Предмет – мультимодальные средства выражения эмоций.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, во-первых, повышенным вниманием лингвистов к изучению эмоциональных процессов в языке и речи, во-вторых, остросоциальной тематикой анализируемого дискурса, а также междисциплинарностью и экспериментальным подходом к исследованию языковой природы эмоций с помощью интервьюирования и мультиканального аннотирования.

Новизна исследования проявляется в отсутствии научных трудов, в центре внимания которых находилось бы эмоциональное поведение представителей испаноязычной лингвокультуры в разговоре на военную тематику.

Цель работы – выявление вербальных и невербальных средств выражения эмоций в устном испаноязычном дискурсе при обсуждении военной рекламы.

Языковая сущность эмоций в срезе эмоциональности, эмотивности и оценочности

Эмоции как мотивационная основа сознания, мышления и социального поведения [Шаховский, 2009] являются актуальным и многогранным объектом научного исследования. Ученые-когнитивисты занимаются исследованием структуры эмоциональных концептов и их межкультурной специфики [Вежбицкая, 2001; Шаховский, 2009], развивается лингвокультурологическая теория эмоций [Ионова, Шаховский, 2018]. Текстцентрический подход предполагает исследование способов репрезентации эмоций в текстах, а лингвистическая теория эмоций во многом объединяет разные научные направления и занимается изучением особенностей вербализации эмоций [Шаховский, 2009].

Центральными в рамках настоящей работы видятся категории эмоциональности, эмотивности и оценочности. Эмоциональность как психологическая категория указывает на психическое состояние говорящего, а языковая категория эмотивности, в свою очередь, является вербальным выражением эмоций. Таким образом, при языковом опосредовании эмоций психологическая эмоциональность трансформируется в лингвистическую эмотивность [Стернин, Просвецкий, 2018].

Говоря о взаимосвязи категорий эмотивности и оценочности, мы исходим из постулата В. И. Шаховского о том, что эмоция возникает только при наличии оценочного мотива, поэтому эмоцию следует рассматривать как своеобразную форму оценки [Шаховский, 2008]. Так, ввиду ситуативности оценки, подкрепляемой психологическим настроением коммуниканта, нерационально рассматривать оценочность отдельно от эмоций [Лукьянова, 1986], поскольку оценка – это связующее звено между ценностной ориентацией говорящего и обозначаемой реальностью [Телия, 1986]; это вербализованный (отраженный, зарегистрированный в речевом акте) результат квалифицирующей деятельности сознания [Арутюнова, 1988. С. 13].

Самой категории оценки посвящено немало трудов отечественных лингвистов, которые работали в русле стилистического, семантического и прагматического подходов и писали о 1) типах оценки (утилитарная, телеологическая, нормативная [Арутюнова, 1988]; аксиологическая, интеллектуальная, сублимированная [Вольф, 2002. С. 42]); 2) типах оценочной лексики [Апресян, 1995. С. 145]; 3) типах аксиологических значений (общеоценочные и частнооценочные аксиологические значения [Арутюнова, 1999. С. 198–199]).

Для адекватного восприятия и понимания эмоций язык должен номинировать и интерпретировать их [Wierzbicka and Besemeres, 2009]. Языковые единицы, актуализирующие эмотивность в речи, принято называть эмотивами [Шаховский, 2009], они становятся актуальным объектом научного исследования [Бабенко, 1989; Колмогорова и Горностаева, 2021; Маликова, 2020]. В. И. Шаховский приводит различные группы эмотивов: 1) лексика со значением эмоционального отношения; 2) лексика со значением эмоционального отношения к действию или поступку; 3) лексика со значением эмоционального отношения к человеку; 4) лексика со значением эмоционального состояния; 5) лексика со значением эмоционального воздействия; 6) лексика со значением эмоциональной характеристики [Шаховский, 2008].

Невербальные средства манифестации эмоций, их интонационные, просодические, мимические репрезентанты, невокальные телесные проявления и интенсивность также интересуют лингвистов по всему миру [Горностаева, Колмогорова, 2023; Maia and Santos, 2018; Majid, 2012; Jackson et al, 2022]. От традиционных когнитивных, дискурсивных и текстоориентированных исследований происходит смещение к экспериментальным и междисциплинарным работам, реализуемым в том числе при помощи разнообразных информационных технологий – программ мультимедийного аннотирования [Горностаева, Колмогорова, 2023], синтезаторов речи [Patel, Scherer and Sundberg, 2010].

Концептуализация эмоций осуществляется на языковом и параязыковом уровнях. Если лексикализованным формам репрезентации эмоций традиционно уделялось достаточно внимания, то супrasegmentные (экстралингвистические, но обязательно семантизированные и потому коммуникативно релевантные) формы, как называет их В. И. Шаховский [Шаховский, 2009], незаслуженно оставались без внимания многие годы. За рубежом еще в 70-е гг. XX в. ученые начинают задумываться о невербальном поведении как об индикаторе психоэмоционального состояния говорящего [Trower, Bryant and Argyle, 1978], рассматривают позы как невербальное средство репрезентации эмоций и отношения к собеседнику [Mehrabian, 1971]. Сейчас и среди отечественных лингвистов все больший акцент делается на невербальных и мультимодальных проявлениях эмоциональности, когда концептуализация эмоций происходит с помощью визуализации: проксемики, жестов, поз, мимики, пантомимы и аудизации (просодия, фоноция).

Национально-психологические черты характера представителей испаноязычной лингвокультуры изучались некоторыми языковедами, которые пришли к выводу, что латиноамериканцам свойственны гиперэмоциональность, открытость, непосредственность и спонтанность при проявлении эмоций, искренность и мачизм [Фирсова, 2004]. На вербальном уровне открыто проявляются разнообразные эмоции, актуализируемые в речи посредством эмоционально-оценочных (уменьшительно-ласкательных) суффиксов (*-ito*, *-ico*, *-cito*, *-cillo* и т. д.). Данный способ словообразования высокочастотен и указывает на проявление как положительных, так и отрицательных эмоциональных реакций. Еще одним национально-специфическим вербальным средством выражения эмотивности и оценочности является употребление большого числа эмоционально-экспрессивных форм обращений в уменьшительно-ласкательной форме в сочетании с притяжательным местоимением, нередко присутствуют прилагательные с мелиоративной тональностью. При этом высокая вариативность подобных апеллятивов, которые, к тому же, могут менять семантическое значение в определенных контекстах, обусловлена историческим контекстом – наличием индихинизмов (*Shunguito*, *Longuita*, *Chinita* и т. д.). Уменьшительно-ласкательные суффиксы могут также указывать на самоуничижение и покорность бедных слоев общества [Там же].

Экспрессивная эмоциональность на вербальном уровне находит свое отражение в кратких формах многих имен собственных (*Pepita*, *Conchita*, *Rosita* и т. д.). Так, мелиоративная эмоциональная коннотация свидетельствует о положительных эмоциях, благосклонности и дружеском расположении духа. Такая национальная черта, как мачизм проявляется в спонтанном выражении чувств по отношению к незнакомым женщинам (так называемые *cumplido* и *piropo*), что, в свою очередь, обусловлено темпераментностью мужчин и их неспособностью сдерживать эмоции. *Cumplido* и *piropo* могут сопровождаться междометиями и экспрессивными жестами [Фирсова, 2004].

Невербальное поведение представителей испаноязычной лингвокультуры характеризуется следующими национальными чертами: 1) интенсивная жестикуляция; 2) объятия; 3) поцелуи при встрече и прощании [Ю, 2006]; 4) особые мужские жесты как отражение культуры мачизма [Фирсова, 2006]. На невербальном уровне эмоции и оценка в испаноязычных лингвокультурах выражаются с помощью мануальных жестов, которые используются чаще всего и могут манифестировать различные эмоциональные состояния коммуникантов и отношение говорящего к собеседнику [Ю, 2012]. При анализе тактильной коммуникации испаноговорящих гаптики (в терминологии Г. Е. Крейдлина [Крейдлин, 2000]) отмечают широкую распространенность таких жестов-касаний, как рукопожатие, сжимание локтя, похлопывание по плечу, которые связаны с сокращением дистанции между собеседниками. При этом тактильная коммуникация на вербальном уровне обычно представлена особыми лексическими коррелятами [Ю, 2012].

Военная реклама как жанр социальной рекламы

Считается, что социальная реклама является одним из видов некоммерческой рекламы, который выполняет ряд функций, способствующих социальному благу и продвижению значимых идей и практик. Социальная реклама активно влияет на формирование установок и эмоциональную реакцию человека на различные стимулы.

В определении некоторых авторов делается акцент на социальной рекламе как способе коммуникации между государством и его гражданами [Данилевская, 2023], другие обращают внимание на то, что это форма массовой коммуникации, всегда направленная на широкий круг людей [Белянин, 2007. С. 68]. Однако все без исключения определяют социальную рекламу как инструмент формирования определенных психологических установок и социально значимых ценностей [Там же], пространство трансляции государственной идеологии как духовного ориентира жизни общества [Данилевская, 2023. С. 26].

Социальная реклама, выполняя одновременно информативную, мотивационно-побудительную, социализирующую, идеологическую и социоинтегративную функции [Абраров, Абрарова, 2018. С. 506], становится мощным инструментом воздействия на массовое сознание, причиной социокультурной динамики, реализуемой с помощью медийных технологий [Hjarvard, 2008].

Военная социальная реклама может стать еще более действующим средством манипуляции массовым сознанием и основным инструментом вербовочных кампаний, поскольку объединяет в себе не только характеристики рекламного жанра, но и черты военного дискурса как особого вида речевой организации картины мира.

Под военной рекламой понимается разновидность массовой коммуникации, объединяющей рациональное убеждение и воздействие на эмоциональную сферу адресата посредством различных вербальных и экстралингвистических средств в целях оказания запланированного воздействия, прямо или косвенно связанного с объектом рекламирования, и изменения поведения реципиента в интересах адресанта [Хутыз, Колчевская, 2018].

Материал и методы

Для выявления и анализа мультимодальных средств выражения эмоций проведено 5 индивидуальных видеопросмотров с респондентами (профессии которых не связаны напрямую с военной сферой) мужского и женского пола из стран Латинской Америки (Эквадор, Колумбия). Средняя продолжительность одного интервью – 11 минут, объем видеоматериала – 62 минуты. Участники заранее не были осведомлены о содержании и тематике вопросов. Ключевым методом стал мультимодальный анализ, выполненный при помощи мультимедийного аннотирования в программе ELAN.

Дизайн экспериментального исследования

Видеопросмотр состоял из двух этапов. Первый этап включал в себя просмотр рекламного видеоролика Национальной армии Колумбии, в котором молодой человек поступает на службу в Национальную армию Колумбии, проходит различные испытания, меняющие его жизнь. Второй – 8 вопросов о содержании видеоролика, который послужил нарративным стимулом для дальнейшего разговора о профессии военного и отношении к армии в целом:

1) *¿Qué piensas de esta publicidad? ¿Cuál es la idea básica de este video?* (Что ты думаешь об этой рекламе? В чем основная идея данного ролика?)

2) *¿Sabes en qué consiste este trabajo? ¿Qué piensas de la profesión militar? ¿Es necesaria para la sociedad? ¿Por qué la gente la elige?* (Ты знаешь специфику данной профессии? Что ты думаешь о профессии военного? Она необходима обществу? Почему люди выбирают ее?)

3) *¿Tus ideas sobre el ejército y la profesión militar coinciden con la idea de este video?* (Твои представления об армии и о профессии военного совпадают с идеей этого видеоролика?)

4) *¿Te gustó este video?* (Тебе понравился данный видеоролик?)

5) *¿Después de ver este video qué palabras te vienen a la mente?* (При просмотре видеоролика какие слова приходят тебе на ум?)

6) *¿Hay algunos privilegios para los militares?* (Есть ли какие-то привилегии у представителей данной профессии?)

7) *¿Hay unos casos cuando los militares no son tratados bien en la sociedad por su actividad profesional?* (Существует ли негативное отношение в обществе к представителям данной профессии?)

8) *¿Te gustaría servir en el ejército?* (Ты бы хотел/хотела служить в армии?)

Было установлено кадрирование видео (с использованием петличного микрофона для более точного анализа просодических средств) от головы до груди, включая руки. Исходя из этого,

были выделены пять основных элементов анализа: вербальная составляющая, жесты, движение глаз, мимика и интонация, которые в дальнейшем определили структуру лингвистической разметки в программе для мультиканального аннотирования ELAN. Данная программа позволяет осуществлять интеграцию звуковой и визуальной информации с одновременным применением многоуровневой лингвистической разметки.

На втором этапе каждый видеофайл был загружен в программу ELAN, в которой создавались слои для дальнейшей разметки:

1. Слой вокального аннотирования «Вербальная составляющая». Выполнялась транскрипция текста всего видео с созданием зависимого слоя «Слова» для более точной интерпретации.

2. Слой невокального аннотирования «Жесты». Производится фиксация и анализ жестов, для описания которых использованы глаголы в форме 3 лица единственного числа или отглагольные существительные. В случае использования респондентом одновременно мануальных и цефалических жестов, а также при демонстрации разных жестов правой и левой рукой указывается их сочетание через знак «;».

3. Слой невокального аннотирования «Движение глаз». Анализируется направление взгляда, а также подсчитывается общее время визуального контакта интервьюируемого с интервьюером в момент речи.

4. Слой невокального аннотирования «Мимика». Проводится анализ движений мышц лица – кинем, дающий информацию об эмоциональной реакции респондента.

5. Слой вокального аннотирования «Интонация». Учитываются такие аспекты, как сила звука (тише-громче), паузы, вокализованные паузы, ударение, эмфатическая долгота, психофизиологические проявления (вздых, смех). Для объективного определения силы звука на все видеоролики с помощью специального петличного микрофона была выставлена одинаковая громкость.

Вербальные средства выражения эмоций при обсуждении военной рекламы

Анализ вербальных средств выражения эмоций при обсуждении военной рекламы показал, что отрицательная оценка превалирует над положительной. Военная реклама должна сформировать у целевых групп знания о предмете рекламы (характеристики и свойства того, что рекламируется), положительное к нему отношение и тем самым вызвать желаемую линию поведения – добровольное поступление на военную службу. Однако практически все респонденты оценивают просмотренный рекламный видеоролик отрицательно. Негативная оценка и эмоции связаны как с конкретным видео, так и с отношением к самой сфере деятельности военнотружущего, и репрезентируются с помощью различных лексических единиц, представленных в табл. 1.

Невербальные средства выражения эмоций

Невербальные средства выражения эмоций представлены в количестве 1 069 элементов в слоях «Жесты», «Мимика», «Движение глаз» и «Интонация». Для интерпретации жестовых манифестаций эмоций (табл. 2) мы опирались на следующую классификацию жестов:

1. Жесты-символы: могут быть универсальными и понятными для большинства людей, но также специфичными для определенной культуры или группы людей.

2. Жесты-иллюстраторы: используются для пояснения сказанного.

3. Жесты-регуляторы: помогают поддерживать порядок и понимание во время коммуникации.

4. Жесты-адапторы: являются результатом бессознательных реакций на физическое или эмоциональное напряжение [Ekman, Friesen, 1969. С. 63].

Таблица 1

Вербальные средства выражения отрицательных эмоций

Table 1

Verbal means of expressing negative emotions

Эмоция	Примеры	Комментарий
1	2	3
Разочарование	<p><i>No sé... muy simple.</i> Не знаю... очень просто.</p> <p><i>Lo se ve muy fácil, muy fácil.</i> Выглядит очень просто, очень просто.</p> <p><i>Desde mi opinión, muy sencilla, una publicidad muy sencilla.</i> На мой взгляд, это очень простая, очень простая реклама.</p> <p><i>Prácticamente es como una película.</i> Фактически это просто как фильм.</p>	<p>Респонденты испытывают разочарование после просмотра рекламы, поскольку она не оправдала их ожиданий, показалась несодержательной и вводящей в заблуждение.</p> <p>Прилагательные с семантикой «простота/незамысловатость», усиливаемые наречием <i>muy</i> и контактным лексическим повтором: <i>fácil, simple, sencillo.</i></p>
	<p><i>Pues, digamos que yo, personalmente, considero que en este tipo de comerciales se romantizan mucho lo que te esperan en ejército y también de alguna otra manera se romantizan mucho la manera, o sea, se romantiza mucho lo que es vivir en el ejército.</i></p> <p>Ну, скажем так, я лично считаю, что в таких рекламных роликах очень романтизируется армейская жизнь, а также так или иначе очень романтизируется, каково это, то есть очень романтизируется, что такое жизнь в армии.</p>	<p>Метафорические сравнения с фильмом как с чем-то вымышленным и недостоверным (<i>como una película</i>) + глаголы <i>romantizar</i> и <i>glorificar</i>, усиливаемые лексическим повтором и наречием <i>mucho.</i></p>
	<p><i>Es que esta publicidad ha mostrado nada. Simplemente ha mostrado de que un ejército, reto por tu país... nada más de esto.</i> Дело в том, что эта реклама по сути ничего не показала. Нам просто показали какую-то армию, что брошен вызов твоей стране... и не более.</p>	<p>Неопределенные отрицательные местоимения указывают на бесполезность видеоролика: <i>ha mostrado nada, nada más.</i></p>
Удивление	<p><i>¿No sé, este es un video de lo que se pone como publicidad nacional para la televisión?</i></p> <p>И это видео показывают как государственную рекламу на телевидении?</p>	Эмоция удивления вербализована риторическим вопросом.
Беспокойство	<p><i>Tu puedes arriesgar mucho tu vida.</i> Ты очень рискуешь своей жизнью.</p>	Респонденты испытывают беспокойство, вызванное опасностью, которая подстерегает военного при выполнении боевой задачи.

Продолжение табл. 1

1	2	3
	<p><i>Es muy probable que puedes sufrir daños para toda la vida.</i> Весьма вероятно, что вы можете пострадать и получить увечья на всю оставшуюся жизнь.</p>	<p>Лексика с семантикой «риск/опасность», усиливаемая наречием <i>mucho</i>: <i>arriesgar, sufrir daños, peligroso, duro</i>.</p>
	<p><i>Pero el lado de que arriesga vida, en cualquier momento tú no puedes estar con nosotros, no se muestra.</i> Но не представлена та сторона, где он рискует жизнью, в любой момент ты можешь покинуть нас).</p>	<p>Эвфемизм <i>no puedas estar con nosotros</i> (ты можешь покинуть нас).</p>
	<p><i>Supongo que en Rusia estará mucho más peligroso.</i> Я предполагаю, что в России будет намного опаснее.</p>	<p>Отсылка к актуальному военно-политическому конфликту между Россией и Украиной.</p>
Негодование	<p><i>No es beneficioso mostrar tan cruelmente que es.</i> Невыгодно показывать ту жестокость, которая есть в реальности. <i>Soldados que niegan acatar ciertos órdenes han sido castigados muchas veces físicamente.</i> Солдаты, отказывающиеся выполнять определенные приказы, неоднократно подвергались физическому наказанию. <i>Es injusto y se llevarán un gran golpe de...realidad cuando se enlistan de verdad ejército, lo difícil, lo duro.</i> Это нечестно, и реальность станет для них огромным ударом, когда они поступят на службу в реальную армию, будет сложно, будет тяжело.</p>	<p>Информанты выражают негодование, связанное с тем, что реклама не показывает реальную жизнь военнослужащего, а также с неприятием того, что люди по собственной воле могут хотеть служить в армии. Негативные эмотивы, описывающие жестокое обращение с военнослужащими, тяготы военной службы и смертельные случаи: <i>cruelmente, castigados, muertos, heridos, pérdidas. infligir daños, poner su vida y su familia a riesgo, gran golpe, difícil, duro</i>.</p>
	<p><i>Pero con la manera diplomática podemos evitar millones de muertos, millones de heridos, millones de pérdidas.</i> Но дипломатическим путем мы можем избежать миллионов убитых, миллионов раненых, миллионов погибших.</p>	<p>Гиперболизация и контактный лексический повтор числительного <i>millones</i>, параллелизм.</p>
	<p><i>Propaganda completamente.</i> Это полная пропаганда.</p>	<p>Неоднократно повторяющаяся лексика с семантикой «пропаганда/манипуляция».</p>
	<p><i>Una persona que está en sus cabales, en su pensamiento más concreto, no quisiera por sí misma entrar a un ejército, poner su vida y su familia a riesgo.</i> Человек, который находится в здравом уме, со сформировавшим-</p>	<p>На грамматическом уровне используется <i>modo subjuntivo (no quisiera)</i> для описания гипотетической ситуации, при которой, по мнению респондента, адекватный человек по собственной воле не захотел бы идти</p>

Окончание табл. 1

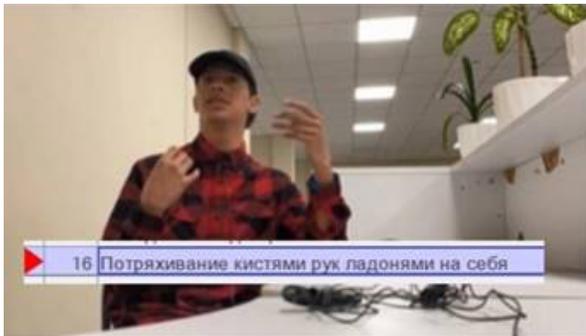
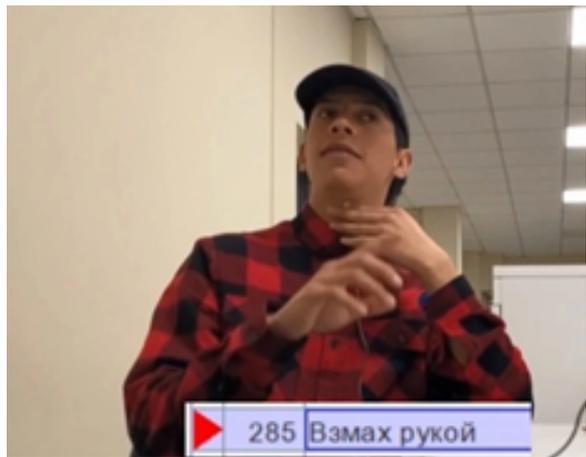
1	2	3
	ся мышлением, по своей воле не захотел бы идти в армию, подвергать свою жизнь и свою семью риску.	на службу. Интенсификация высказывания происходит за счет фразеологического эмотива и словосочетаний с семантикой «адекватность»: <i>estar en sus cabales</i> (быть в своем уме), <i>estar en su pensamiento</i> (со сформировавшимся мышлением).

Таблица 2

Невербальные средства выражения эмоций

Table 2

Nonverbal means of expressing emotions

Жест (повторения)	Иллюстрация	Описание
1	2	3
Потряхивание кистями рук ладонями на себя (30)	 <p>Одновременное многократное встряхивание расслабленных кистей рук ладонями, обращенными на себя, мануальный циклический жест-иллюстратор</p>	<p>1) выражение эмоции негодования; 2) акцентирование внимания на смысловом отрезке; 3) заполнение пауз при ответе на вопрос.</p>
Взмах рукой (15)	 <p>Движение ладонью и предплечьем по диагонали вперед и вверх, вторая рука на уровне груди, мануальный жест-иллюстратор</p>	

Продолжение табл. 2

1	2	3
Мах ладонью от себя (25)	 <p data-bbox="456 557 1038 651">Быстрое движение расслабленной ладонью от груди перпендикулярно корпусу говорящего, мануальный жест-иллюстратор</p>	
Разводит руками (17)	 <p data-bbox="456 945 1038 1104">Одновременное движение ладоней в разные стороны в горизонтальной плоскости на уровне груди, ладони развернуты внутренней стороной вверх, выражено движение предплечий, мануальный жест-иллюстратор</p>	
Попеременные движения щепотками в разные стороны (20)	 <p data-bbox="456 1397 1038 1525">Одновременное соединение кончиков всех пальцев обеих рук на уровне груди и дугообразное попеременное движение рук, мануальный циклический жест-иллюстратор</p>	<p data-bbox="1054 1122 1337 1317">1) интенсификация и выражение негативной оценки; 2) иллюстрация личного мнения респондента.</p>
На собеседника (5)	 <p data-bbox="456 1850 1038 1944">Указательный жест в сторону собеседника ладонью, повернутой внутренней стороной вверх, мануальный жест-регулятор</p>	<p data-bbox="1054 1547 1337 1742">Привлечение внимания собеседника, вовлечение его в анализируемую ситуацию и выражение эмоции грусти.</p>

Окончание табл. 2

1	2	3
Кивает головой (4)	 <p data-bbox="531 882 1110 947">Движение головой вниз и вверх несколько раз, циклический цефалический жест-регулятор</p>	Производился респондентами после заданного вопроса перед ответом для выражения согласия с интервьюером / подтверждения понимания вопроса.

В процессе анализа элементов аннотированного слоя «Мимика» выделены мимические движения, которые указывают на неправдивость некоторых высказываний респондентов, к ним относятся: мимическое движение «Поднимает брови» и «Улыбается (ухмылка)» (все мимические движения и движения глаз представлены на рис. 1. Так, например, участник эксперимента говорит о том, что профессия военного интересная, однако на невербальном уровне манифестируется желание скрыть истинные эмоции – респондент поднимает брови. Улыбка является маркером предоставления заведомо ложной информации: респондент улыбается, когда говорит о том, что хотел бы служить в армии, затем обрывает фразу, прибегая к автокоррекции и вербализуя противоположную идею.

Мимическое движение «Хмурит брови» иллюстрирует эмоцию недовольства и негодования при описании сложностей, с которыми сталкиваются военные.

Мимическое движение «Поджимает губы» используется информантами при обсуждении привилегий, которые получает семья погибшего военнослужащего после его смерти, что свидетельствует о том, что подобные ситуации оцениваются ими негативно, а также может указывать на нервозность и дискомфорт, которые они испытывают при обсуждении данной остро-социальной темы.

Улыбка может выражать желание информанта смягчить лексические единицы с негативным коннотативным значением при описании увечий и смертельных случаев, сопровождающих трудовые будни военного, а также иронию при отсылке к актуальному украинско-российскому конфликту. Так, улыбка может манифестировать желание интервьюируемого спровоцировать собеседника.

Движение глаз «Широко раскрывает глаза» используется респондентами для выражения удивления и недоумения в ситуациях обсуждения самого рекламного видеоролика, нередко оно идет в сочетании с мимическим движением «Опускает уголки губ». Так, усиливается эмоциональность высказывания, придается дополнительная негативная оценка.

При анализе аннотированного слоя «Движение глаз» выявлены следующие элементы: «Смотрит наверх», «Смотрит вниз», «Смотрит на интервьюера», «Смотрит в сторону» (рис. 2). Всего описано 629 элементов. Особое внимание мы уделили интерпретации движения глаз «Смотрит

Рис. 1. Мимические движения респондентов
Fig. 1. Facial movements of respondents

Рис. 2. Движения взгляда
Fig. 1. Eye movements

на интервьюера», поскольку зрительный контакт с интервьюером свидетельствует о заинтересованности, открытости и искренности собеседников [Шестопалова, 2010]. Среднее время

визуального (зрительного) контакта составило 37 %. Отметим, что такой низкий показатель не характерен для представителей испаноязычной лингвокультуры и может указывать на испытываемый респондентами стресс. Избегание зрительного контакта также манифестирует желание интервьюируемых скрыть какую-либо информацию, говорит об ощущении неуверенности.

Аннотированный слой «Интонация» включил в себя в общем количестве 259 элементов, примеры использования которых представлены в табл. 3.

Таблица 3

Интонационные характеристики речи респондентов

Table 3

Intonation characteristics of respondents' speech

Характеристика	Пример	Комментарий
«Тише-громче»	<i>Una publicidad muy sencilla para reclutar a los jóvenes a unirse al ejército de Colombia.</i> (Это незамысловатая реклама для привлечения молодых людей на службу в армию в Колумбии).	Понижение интенсификации звука свидетельствует о чувстве неуверенности или сомнения в момент высказывания.
«Пауза»	<i>Me gustaría el ... no, no me gustaría servir como tal, pero me gustaría saber la preparación.</i> (Я хотел бы ... нет, я не хотел бы служить, но я хотел бы пройти подготовку как у военных).	Паузы являются промежутком времени, когда респондент задумывается над тем, как вербально репрезентировать свою мысль. Для этой же цели служат вокализированные паузы, например: <i>eh, em</i> и т. д. Паузы вербализуют сомнение и неуверенность.
«Логическое ударение»	<i>Pues, digamos que yo, personalmente, considero que en este tipo de comerciales se romantizan mucho lo que te esperan en ejército y también de alguna otra manera se romantizan mucho la manera, o sea, se romantiza mucho lo que es vivir en el ejército.</i> (Ну, скажем так, я лично считаю, что в таких рекламных роликах очень романтизируется армейская жизнь, а также так или иначе очень романтизируется то, каково это – быть в армии).	Респондент акцентирует внимание на лексических единицах <i>se romantizan mucho</i> (очень романтизируется) для передачи эмоции недовольства/негодования и отрицательной оценки просмотренной рекламы.
«Эмфаза»	<i>Porque este es peligroso.</i> (Потому что это опасно).	Респондент увеличивает относительно ожидаемой длительность звучания гласных в лексеме <i>peligroso</i> (опасно) для репрезентации негативных эмотивных значений.
«Вздох»	Психофизиологическая характеристика «Вздох» перед началом высказывания может указывать на сомнение информанта.	

Так, интонация передает смысловые и эмоциональные различия высказываний респондентов, отражает их отношение к предмету обсуждения. Такие фонационные средства, как логическое ударение и эмфатическая долгота репрезентируют негативное эмотивное значение; психофизиологические проявления указывают на сомнения респондентов. Изменения силы звука и ритма речи свидетельствуют о неуверенности респондента во время коммуникации.

Заключение

Мультиканальное аннотирование позволило заключить, что невербальные средства выражения эмоций и оценки могут изменять коннотативное значение вербальной составляющей высказывания, указывать на его неправдивость и желание респондента скрыть истинное отношение к предмету обсуждения. Так, необходимость комплексного анализа вербальных и невербальных средств выражения эмоций и оценки в устном дискурсе, на наш взгляд, не может ставиться под сомнение.

Специфика мультимодального поведения латиноамериканских респондентов в разговоре на военную тематику проявляется, во-первых, в использовании большого количества жестов-адаптеров, которое было обусловлено чувством неуверенности и состоянием стресса во время интервьюирования; во-вторых, в несогласованности мимических движений лица и вербальной составляющей высказывания; в-третьих, в преимущественно негативных психоэмоциональных реакциях информантов как по отношению к просмотренному видеоролику, так и в контексте военной сферы в целом. Дискомфорт и стресс, желание скрыть истинные эмоции привели к значительному уменьшению общего времени визуального контакта с интервьюером до 37 % в среднем. На чувство дискомфорта во время обсуждения профессии военнослужащего также указывало изменение силы звука, а такие просодические средства, как логические ударения и эмфатическая долгота добавляли дополнительное негативное коннотативное значение некоторым языковым единицам.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов в курсах по информационным системам в лингвистике, методологии лингвистических исследований, межкультурной коммуникации, а также в рамках дисциплин, занимающихся мультимодальными исследованиями языка. Практическая значимость работы обусловлена возможностью применения ее результатов для развития навыков эффективного речевого общения с коммуникантами из Латинской Америки с учетом особенностей их вербального и невербального поведения как манифестаций различных психоэмоциональных состояний; в целях разработки эффективной военной рекламы, направленной на латиноамериканскую аудиторию. Полученные данные могут быть применены для обучения использованию аудиовизуальной аннотации в программе ELAN в рамках обучения по цифровой лингвистике.

Перспектива продолжения исследовательской работы видится в изучении репрезентации эмоций при обсуждении военной рекламы в других лингвокультурах, проведении видеointервью с представителями разных возрастных и социальных групп.

Список источников

- Абрарова З. Ф., Абраров И. И. Социальная реклама в России: формирование позитивных социальных установок // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10 (125). С. 506–508.
- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. 340 с.
- Арутюнова Н. Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 130–272.
- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

- Бабенко Л. Г.** Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.
- Белянин А. Б.** Социальная реклама как коммуникативный ресурс управления: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 28 с.
- Вежбицкая А.** «Грусть» и «гнев» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» // Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 15–43.
- Вольф Е. М.** Функциональная семантика оценки. Лингвистическое наследие XX века. М.: URSS, 2002. 228 с.
- Горностаева Ю. А., Колмогорова П. А.** Жесты комфорта как невербальные маркеры стресса при обсуждении остросоциального вопроса // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21. №1. С. 30–53.
- Горностаева Ю. А., Колмогорова П. А.** Эмоциональная специфика вербального и невербального поведения при обсуждении бодипозитива (на примере интервью с информантами из России) // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15. Вып. 2. С. 24–39.
- Данилевская Н. В.** Идеологические смыслы социальной рекламы нового времени (на материале текстов, посвященных СВО) // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15. Вып. 4. С. 25–36.
- Ионова С. В., Шаховский В. И.** Проспекция лингвокультурологической теории эмоций Анны Вежбицкой // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 4. С. 966–987.
- Колмогорова А. В., Горностаева Ю. А.** Дискурсивная специфика эмоциональной легитимации монархии в испанских СМИ // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 3. С. 79–94.
- Крейдли Г. Е.** Невербальные акты и глаголы-касания // Слово в тексте и словаре: Сб. ст. к 70-летию Ю. Д. Апресяна. М. 2000. С. 109–121.
- Лукьянова Н. А.** Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.
- Маликова А. В.** Невербальные маркеры эмоций для сентимент-анализа русскоязычных интернет-текстов // Вестник Северного (Арктического) фед. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 97–107.
- Стернин И. А., Просовецкий Д. Ю.** Эмоция и оценка в семантике слова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. № 4. С. 75–96.
- Телия В. Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
- Фирсова Н. М.** Отражение национальных особенностей эмоций испаноязычных и англоязычных народов в вербальных средствах коммуникации // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2004. № 6. С. 71–79.
- Фирсова Н. М.** Отражение маскулинности в вербальных и невербальных средствах коммуникации испаноязычных народов // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2006. № 8. С. 76–85.
- Хуыз И. П., Колчевская В. А.** Персуазивность: специфика феномена в некоторых типах институционального дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2 (80). 2018. С. 391–394.
- Шаховский В. И.** Голос эмоций в языковом круге homo sentiens. М.: Стереотип, 2019. 144 с.
- Шаховский В. И.** Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
- Шаховский В. И.** Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29–42.
- Шестопалова Н. Д.** Окулесика как смыслообразующий элемент в презентации прямой речи // Вестник Твер. гос. ун-та. 2015. № 4. С. 189–193.
- Ю Е. Д.** О специфике невербального поведения в испаноязычной культуре и языковых средствах его репрезентации // Вестник ИрГТУ. 2006. №4(28). С. 115–116.

- Ю Е. Д.** Языковая репрезентация жестов рук и тактильной коммуникации в литературном невербальном дискурсе (на материале испанского языка) // Вестник ИргТУ. 2012. № 10 (69). С. 386–390.
- Ekman P., Friesen W. V.** The Repertoire of Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage, and Coding // *Semiotica*. 1969. Vol. 1 No. 1. Pp. 49–98.
- Hjarvard S.** The Mediatization of Society: a Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // *Nordicom Review*. 2008. Vol. 29. No. 2. Pp. 105–134.
- Jackson J. C. et al.** Emotion semantics show both cultural variation and universal structure // *Science*. 2019. Issue 366 (6472). Pp. 1517–1522.
- Jackson J. C., Watts J., List J.-M., Puryear C., Drabble R., Lindquist K. A.** From Text to Thought: How Analyzing Language Can Advance Psychological Science // *Perspectives of Psychological Science*. 2022. Issue 17(3). Pp. 805–826.
- Lindquist K. A.** Language and emotion: Introduction to the special issue // *Affective Science*. 2021. Pp. 91–98.
- Mehrabian A.** Nonverbal communication // *Nebraska symposium on motivation*. 1971. Vol. 19. Pp. 107–161.
- Mesquita B., Boiger M.** Emotions in context: A sociodynamic model of emotions. *Emotion Review*. 2014. Pp. 298–302.
- Patel S., Scherer K., Sundberg J., Björkner E.** Acoustic Markers of Emotions Based on Voice Physiology // *Proceedings of the International Conference on Speech Prosody, International Speech Communications Association*. 2010. Vol. 100865. Pp. 1–4.
- Real Academia Española**, *Diccionario de la Lengua Española*, Madrid, 1970. Электронный ресурс: <https://www.rae.es/> (дата обращения: 01.10.2023).
- Trower P., Bryant B., Argyle M.** *Social Skills and Mental Health*. London: Methuen, 1978. 320 p.
- Wierzbicka A., Besemeres M.** Emotion terms as a window on culture, social psychology and subjective experience // *Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты*. Волгоград. 2009. Pp. 966–987.

References

- Abrarova Z. F., Abrarov I. I.** Social Advertising in Russia: Formation of Positive Social Attitudes. *Eurasian Legal Journal*, 2018, no. 10 (125), pp. 506–508. (in Russ.)
- Arutyunova N. D.** Types of Linguistic Meanings. Evaluation. Event. Fact. Moscow, Nauka Publ., 1988, 336 p. (in Russ.)
- Arutyunova N. D.** Evaluation in the mechanisms of life and language. *Language and the Human World*. Moscow: Languages of the Russian Culture Publ, 1999, pp. 130–272. (in Russ.)
- Apresyan Yu. D.** Selected Works. Vol. 2., Integral Description of Language and System Lexicography. Moscow, Languages of Russian Culture, 1995, 767 p. (in Russ.)
- Babenko L. G.** Lexical Means of Denoting Emotions in the Russian Language. Sverdlovsk: Publ. of Ural university, 1989, 184 p.
- Belyanin A. B.** Social Advertising as a communicative management resource: Abstract of the thesis. dis. ... cand. soc. sciences. Moscow, 2007, 28 p. (in Russ.)
- Wierzbicka A.** «Sadness» and «Anger» in the Russian Language: the Non-Universality of the So-called «Basic Human Emotions». *Comparison of Cultures Through Vocabulary and Grammar*. M.: Languages of Slavic Culture, 2001, pp. 15–43.
- Vol'f E. M.** Functional Semantics of Evaluation. Linguistic Legacy of the 20th Century. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, 228 p. (in Russ.)
- Gornostaeva Yu. A., Kolmogorova P. A.** Consolation Gestures as Non-Verbal Markers of Stress when Discussing an Acute Social Issue. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 30–53. (in Russ.)

- Gornostaeva Yu. A., Kolmogorova P. A.** Emotional Specifics of Verbal and Nonverbal Behavior When Discussing Body Positivity (based on interviews with informants from Russia). *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2023, vol. 15, issue 2, pp. 24–39. (in Russ.).
- Danilevskaya N. V.** The Language of Russian Social Advertising of the New Times (Based on Texts Devoted to the Special Military Operation). *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2023, vol. 15, issue 4, pp. 25–36. (in Russ.).
- Ionova S. V., Shakhovskiy V. I.** Anna Wierzbicka's Linguocultural Theory of Emotions in the Development Dynamics. *Russian Journal of Linguistics*, 2018, vol. 22, no. 4, pp. 966–987. (in Russ.).
- Kolmogorova, A. V., Gornostaeva, Yu. A.** Discursive specificity of the emotional legitimization of the monarchy in the Spanish media. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. The series "Philology. Theory of language. Language education"*, 2021, no. 3, pp. 79–94. (in Russ.).
- Kreidlin G. Ye.** Nonverbal Acts and Touching Verbs. *Word in Text and Dictionary: Collection of Articles for the 70th anniversary of Yu. D. Апресян*, 2000, pp. 109–121.
- Lukyanova N. A.** Expressive vocabulary of colloquial use (problems of semantics). Novosibirsk: Nauka, 1986. 230 p. (in Russ.)
- Malikova A. V.** Nonverbal markers of emotions for sentimental analysis of Russian-language Internet texts. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2020, no. 4, pp. 97–107. (in Russ.)
- Sternin I. A., Prosovetsky D. Yu.** Emotion and Evaluation in Semantic Words. *World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal*, 2018, no. 4, pp. 75–96. (in Russ.)
- Telia V. N.** Connotative Aspect of the Semantics of Nominative Units. Moscow, Nauka publ., 1986, 143 p. (in Russ.)
- Firsova N. M.** Reflection of National Features of Emotions of Spanish-speaking and English-speaking People in Verbal Means of the Communications. *Russian Journal of Linguistics*, 2004, no. 6, pp. 71–79. (in Russ.)
- Firsova N. M.** Reflection of Masculinity in Verbal and Nonverbal Means of Communication Among Spanish Speaking People. *Russian Journal of Linguistics*, 2006, no. 8, pp. 76–85. (in Russ.)
- Khuty I. P., Kolchevskaya V. A.** Persuasiveness: the Specificity of the Phenomenon in Some Types of Institutional Discourse. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2018, no. 2(80), pp. 391–394. (in Russ.)
- Shakhovskiy V. I.** The Voice of Emotions in the Linguistic Circle of Homo Sentiens. Moscow, Stereotype, 2019, 144 p. (in Russ.)
- Shakhovskiy V. I.** Linguistic Theory of Emotions. Moscow, Gnozis Publ., 2008. 416 p. (in Russ.)
- Shakhovskiy V. I.** Human Emotions as an Object of the Study in Linguistics. *Journal of Psycholinguistics*, 2009, iss. 9, pp. 29–42. (in Russ.)
- Shestopalova N. D.** Oculistics as a meaning-forming element in the presentation of direct speech. *Bulletin of Tver State University*, 2015, no. 4, pp. 189–193. (in Russ.)
- Yu Ye. D.** On the Specifics of Nonverbal Behavior in Spanish-speaking Culture and the Linguistic Means of its Representation. *iPolytech Journal*, 2006, no. 4 (28), pp. 115–116. (in Russ.)
- Yu Ye. D.** Verbalization of Nonverbal Discourse Represented by Gestures and Tactile Communication in Spanish Literature (Fiction). *iPolytech Journal*, 2012, no. 10 (69), pp. 386–390. (in Russ.)
- Ekman P., Friesen W. V.** The Repertoire of nonverbal behavior: categories, origins, usage, and coding. *Semiotica*, 1969, no. 1 (1), pp. 49–98.
- Hjarvard S.** The Mediatization of Society: a Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change. *Nordicom Review*, 2008, vol. 29, no. 2, pp. 105–134.
- Jackson J. C. et al.** Emotion semantics show both cultural variation and universal structure. *Science*, 2019, issue 366 (6472), pp. 1517–1522.
- Jackson J. C., Watts J., List J.-M., Puryear C., Drabble R., Lindquist K. A.** From Text to Thought: How Analyzing Language Can Advance Psychological Science. *Perspectives of Psychological Science*, 2022, iss. 17(3), pp. 805–826.

- Lindquist K. A.** Language and emotion: Introduction to the special issue. *Affective Science*, 2021, pp. 91–98.
- Mehrabian A.** Nonverbal communication. *Nebraska symposium on motivation*, 1971, vol. 19, pp. 107–161.
- Mesquita B., Boiger M.** Emotions in context: A sociodynamic model of emotions. *Emotion Review*, 2014, pp. 298–302.
- Patel S., Scherer K., Sundberg J., Björkner E.** Acoustic Markers of Emotions Based on Voice Physiology. *Proceedings of the International Conference on Speech Prosody, International Speech Communications Association*, 2010, vol. 100865, pp. 1–4.
- Real Academia Española**, Diccionario de la Lengua Española, Madrid, 1970. URL: <https://www.rae.es/> (accessed on: 01.10.2023).
- Trower P., Bryant B., Argyle M.** Social Skills and Mental Health. London, Methuen, 1978, 320 p.
- Wierzbicka A., Besemeres M.** Emotion terms as a window on culture, social psychology and subjective experience. *Language and Emotions: nominative and communicative aspects*. Volgograd, 2009, pp. 966–987.

Источники

- Los 10 Comerciales de reclutamiento militar más épicos del mundo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XXswkel8-LI&t=224s> (дата обращения: 10.09.2023).

Sources

- Los 10 Comerciales de reclutamiento militar más épicos del mundo [Online]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XXswkel8-LI&t=224s> (accessed on: 10.09.2023).

Информация об авторах

Горностаева Юлия Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории германских и романских языков и прикладной лингвистики Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Гензе Эмма Юрьевна, студентка Военно-инженерного института СФУ

Information about the Authors

Yulia A. Gornostaeva, Candidate of Philology, Associate Professor of the Theory of Germanic and Romance Languages and Applied Linguistics Department, Institute of philology and language communication, Siberian Federal University

Emma Yu. Genze, Student of Military School, Siberian Federal University

Статья поступила в редакцию 12.02.2024;
одобрена после рецензирования 12.08.2024; принята к публикации 16.08.2024

The article was submitted 12.02.2024;
approved after reviewing 12.08.2024; accepted for publication 16.08.2024

Научная статья

УДК 81

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-142-155

К вопросу о виртуальном ономастическом пространстве (на примере имен виртуальных ассистентов)

Мария Николаевна Дубинина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

mdubinina@hse.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3477-5543>

Аннотация

Статья посвящена исследованию виртуальных онимов, в частности имен виртуальных ассистентов. Актуальность исследования обусловлена тем, что язык виртуального пространства представляет собой особую лингвокультурную систему. Появляются новые объекты, требующие идентификации. Имена собственные виртуального пространства (виртуальных помощников, чат-ботов, виртуальных агентов) обладают не только номинативной функцией. Реализуя номинативную функцию, национальные и международные компании преследуют определенные цели, а именно сделать имя простым, запоминающимся, уникальным, но в то же время имена виртуальных ассистентов обладают определенным культурным и национальным колоритом. Цель исследования заключается в анализе и попытке классификации существующих имен виртуальных помощников, уточнении терминологического аппарата. Материалом исследования стали имена виртуальных помощников, работающих на российском и зарубежном рынках. Полученные результаты дополняют представления о развитии ономастики виртуального пространства. В заключении подтверждается мысль о том, что имена виртуальных ассистентов являются структурным элементом ономастического пространства виртуальной информационной среды. Было выявлено, что имена голосовых помощников обладают определенной имплицитностью, чаще подчеркивают социальное, лингвокультурное своеобразие. Также можно отметить активное использование имен известных литературных персонажей, экзотизмы, неологизмы. Теоретическая значимость исследования заключается в углублении представлений о современном виртуальном ономастическом пространстве. Практическая значимость состоит в демонстрации основных тенденций нейминга голосовых помощников, что может найти отклик у маркетологов и разработчиков виртуальных помощников.

Ключевые слова

интернет-лингвистика, интернет-дискурс, виртуальный помощник, ономастика, оним, андройдоним

Для цитирования

Дубинина М. Н. К вопросу о виртуальном ономастическом пространстве (на примере имен виртуальных ассистентов) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4. С. 142–155. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-142-155

© Дубинина М. Н., 2024

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2024, vol. 22, no. 4

On the Issue of Virtual Onomastic Space (on the Example of the Names of Virtual Assistants)

Maria N. Dubinina

HSE University
Moscow, Russia Federation

mdubinina@hse.ru; <https://orcid.org/0009-0006-3477-5543>

Abstract

This article is devoted to the study of virtual onyms, in particular, the names of virtual assistants. The relevance of the study is due to the fact that virtual space language is a special linguistic and cultural system. New objects that appear, require identification. Proper names of virtual space (virtual assistants, chat bots, virtual agents) do not have a nominative function only. While giving names to virtual assistants, national and international companies try to make these names simple, memorable, unique, and special – with a certain cultural and national flavor. The purpose of our research is to analyze and make an attempt to classify the existing names of virtual assistants as well as clarify this type of terminology. The research material was the names of virtual assistants working in the Russian and foreign markets. The results obtained complement our understanding of the development of onomastics in virtual space. The paper confirms the idea that the names of virtual assistants are structural elements of the onomastic space of the virtual information environment. We have found that the names of voice assistants have a certain implicitness and often emphasize social and linguocultural uniqueness. One can also note the active use of the names of famous literary characters, exotisms, and neologisms. The theoretical significance of the study lies in enriching our knowledge of modern virtual onomastic space. The practical significance is in demonstrating the main trends in the naming of voice assistants, which may resonate with marketers and virtual assistant developers.

Keywords

Internet linguistics, Internet discourse, virtual assistant, onomastics, onym, androidonym

For citation

Dubinina M. N. On the Issue of Virtual Onomastic Space (on the example of the names of virtual assistants). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 142–155. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-142-155 (in Russ.)

Введение

Повсеместной тенденцией взаимодействия человека с виртуальной реальностью является наделение ее человеческими чертами. Антропоморфность проявляется во многих аспектах: от создания атропоморфного визуального образа до наделения виртуальной платформы личностными качествами. Интегрированные в ежедневную реальность виртуальные помощники обладают голосом, а пользователи ждут от них эмпатии и проявления эмоций. Так, китайские исследователи, проводя анализ запроса пользователей в персонализированном дизайне интеллектуального автомобильного голосового помощника, выявили некоторые предпочтения и спроектировали четыре сценария общения пользователя с голосовым помощником: общение с другом, общение со страшим, общение со слугой, общение с поклонником [丁, 张, 刘, 宋, 2023]. Таким образом, пользователь бессознательно адаптирует сценарии определенных социальных практик во взаимоотношениях с машинами. Особенности данного взаимодействия рассматриваются в рамках теории «компьютеры как социальный субъект» (computers as social actors (CASA)), которая предполагает, что люди относятся к средствам массовой информации и компьютерам как к реальным людям, применяя сценарии взаимодействия с людьми к ситуациям взаимодействия с технологиями [Gambino, Fox, Ratan, 2020. С. 71]. В последнее время взаимодействие человека и компьютера в рамках данной парадигмы расширяется, так как, приобретя за последние десятилетия богатый опыт взаимодействия с технологиями, люди могут реализовывать разработанные ими сценарии и скрипты, специфичные только для данных существ [Gambino, Fox, Ratan, 2020. С. 72]. В то же время исследователи трактуют виртуальных

помощников как социальных субъектов, участвующих в коммуникации в контексте реальных онлайн-сервисов [Munnukka, Talvitie-Lamberg, Maity, 2022].

Интернет стал полем общения не только человека с человеком. Но и человека с виртуальной сущностью, с машиной, т. е. компьютер не только опосредует наше взаимодействие, а превращается в полноценного коммуниканта. В результате вопрос уровня восприятия и близость взаимодействия с машинами стоит достаточно остро. Задача как сделать процесс более естественным стоит перед разными областями науки и техники. Технологии гуманизируются, приобретая человеческий голос, имя, обличие [Хусяинов, 2020]. С одной стороны, исследователи приходят к выводу, что «внешние характеристики робота во многом определяет личностное отношение к нему и характер дальнейшего взаимодействия» [Киселева, 2018. С. 34]. С другой стороны, проводятся исследования психолингвистических механизмов наделяния виртуальных собеседников человеческими чертами [Андренко, 2023]. Так, очень часто разработчики не просто представляют в качестве продуктов голоса виртуальных помощников, а сопровождают их характеристиками. Например, голосовой помощник 小艺 от китайской компании Huawei обладает четырьмя голосами: тактичный, ясный, энергичный мужской голос; интеллигентный, утонченный, спокойный женский голос; чистый и мелодичный голос юной девушки; простодушный и очаровательный детский голос [吴, 2023. С. 98].

Большое внимание уделяется коммуникативным способностям и лингвистическим навыкам виртуальных помощников с позиции фонетики, семантики, грамматики, прагматики и других аспектов [吴, 2023; 杨, 2022; Морозова, 2021; Корбут, 2021; Нестерова, 2019; Habler, Schwind, Henze, 2019]. И это не случайно. Появляются модели, как, например, смарт-колонка от Amazon, которая демонстрирует хорошие манеры, благодарит и способна различить грубость и вежливую форму запроса [Хусаинов, 2020. С. 62]; другие подобные модели пытаются шутить, подбодрить, поддержать беседу, сменить тему разговора. Ю. П. Киселева полагает, что «восприятие роботом мира должно быть приблизительно равно восприятию мира человеком, он должен адекватно реагировать на модификацию окружающей обстановки и действия человека, быть коммуникабельным, обучающимся и максимально приближенным к человеку в своем поведении» [Киселева, 2018. С. 34]. Данные исследования перекликаются с рядом работ, направленных на разграничение и выявление преимуществ социально ориентированной коммуникативной стратегии (повседневное неформальное общение: приветствие, смолток и т. д.) и задача-ориентированной коммуникативной стратегии (достаточно формальное общение для достижения определенных функциональных целей). Наблюдения показывают, что пользователи используют комбинацию как социальных, так и ориентированных на задачи высказываний в своих разговорах с виртуальными помощниками [Chattaraman, Kwon, Gilbert, Ross, 2019].

В то же время исследования указывают на то, что для пользователя пока остается сложным однозначно категоризировать виртуального помощника как «humanlike» или «object-like» [Pradhan, Findlater, Lazar, 2019]. Однако придание механизму антропоморфных черт или социальных сигналов позволяет указать на предрасположенность к взаимодействию с данным механизмом. Ряд исследователей разработали систему, которая классифицирует подобные социальные сигналы по четырем основным категориям и десяти подкатегориям, а именно:

- вербальные сигналы: содержание, стиль;
- визуальные сигналы: кинесика, проксемика, внешний вид агента (виртуального помощника), сигналы компьютерной коммуникации (визуальные элементы, которые могут дополнять или изменять значение текстового сообщения);
- аудитивные сигналы: особенности голоса, вокализации;
- невидимые сигналы: хронемика, гаптика [Feine, Gnewuch, Morana, Maedche, 2019].

На наш взгляд, еще один фактор является немаловажным, а именно, присвоение имени. Психологически комфортнее общаться с тем или чем, что обладает именем. Таким образом, от универсальных феноменов виртуальные помощники переходят на уровень персонализиро-

ванных существ. Более того, тенденция номинации виртуальных помощников демонстрирует черты персонализации и использования социокультурных единиц.

Еще один фактор, оказывающий влияние на развитие искусственного интеллекта и номинацию виртуальных помощников, – это стереотипы. В 2019 г. ЮНЕСКО выпустил доклад «I'd blush if I could: closing gender divides in digital skills through education», одна из глав которого затрагивает вопросы роста гендерированного ИИ. Само название I'd blush if I could – это ответ, который дала голосовой помощник Сири на неприличный комментарий в ее сторону. В 2021 г. были опубликованы рекомендации¹, в которых оговариваются некоторые аспекты использования искусственного интеллекта, включая вопросы гендера, культуры, образования, коммуникации, персональных данных. Китайский исследователь Ван Шуван указывает на тенденцию феминизации голосовых помощников с искусственным интеллектом. По его наблюдениям, отсутствие эмоций – это тот фактор, который ограничивает развитие искусственного интеллекта. По мере того как искусственный интеллект приближается к продвинутому уровню, у него будет все больше и больше эмоциональных требований, а использование женских персонажей и голосов в голосовых помощниках – доказательство победы чувств над разумом [王, 2021. С. 107]. Данное предположение подтверждается исследованием, которое было направлено на установление факторов, оказывающих существенное влияние на уровень доверия. Ими оказались стиль речи, пол голоса, скорость и высота голоса. Как продемонстрировали данные эксперимента, высокий уровень тональности и высокая скорость, женские голоса и ориентированный на задачу стиль речи помощников с наибольшей вероятностью завоевывают доверие участников эксперимента [Xiong, Yu, Liu, 2024].

Стоит отметить, что разработчики не останавливаются на одном ассистенте, а разрабатывают целые семейства. Обратим внимание на употребление слова семейства, что отсылает нас к стремлению гуманизировать виртуальное пространство, помочь человеку все больше интегрироваться в него психологически. Так, имя голосового ассистента Салют от Сбера несет в себе положительную ассоциацию приветствия. А в нем живут три персонажа с разными характерами: вежливый, дружелюбный, эрудированный, скромный, обращающийся к пользователю на «Вы» Сбер; деловая, педантичная, эффективная, обращающаяся к пользователю на «Вы» Афина и веселая, обращающаяся к пользователю на «ты» Джой.²

Более того, запуск голосового помощника начинается не с нажатия кнопки, а обращения к нему. Например, чтобы запустить голосового помощника Олега от Тинькофф нужно сказать: «Привет, Олег» или «Слушай, Олег», а для начала взаимодействия с голосовым помощником Алиса от Яндекс можно сказать: «Алиса, давай поболтаем!»

Согласно документам ЮНЕСКО, виртуальные помощники подразделяются на голосовые помощники, чат-боты и виртуальные агенты. Будучи органичной частью виртуального пространства, виртуальные помощники становятся неотъемлемой частью и нашей повседневной жизни. Значительный интерес представляет изучение их языковых и лингвокультурных особенностей, а имена виртуальных помощников представляют собой особый структурный элемент виртуального ономастического пространства. Таким образом, цель нашей работы заключается в исследовании закономерностей способов номинации виртуальных помощников, в выявлении их основных номинативных и коннотативных признаков. Теоретической базой работы послужили исследования онимов с точки зрения современных тенденций ономастики, социолингвистики и маркетинга. Используемые методы исследования включают метод сплошной выборки в сочетании с социолингвистическими и лингвокультурологическими методами исследования.

¹ Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence [Электронный ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 18.12.2023).

² Салют – виртуальный ассистент с искусственным интеллектом [Электронный ресурс]. URL: <https://salute.sber.ru/> (дата обращения: 10.12.2023).

Оним в виртуальной реальности

Совокупность онимов виртуального пространства представляет собой сложную неустоявшуюся систему, на которую оказывают влияние как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. По мнению А. В. Зубаревой, система сетевых имен является самостоятельным, подчиненным особой логике «доменом» внутри национального и глобального ономастиконов [Зубарева, 2018. С. 115]. И. А. Подюков приходит к выводу, что виртуальная ономастика исследует имена, обозначающие мыслимых, но не существующих в реальности существ, предметов и явлений. По мнению автора, виртуальная ономастика имеет несколько траекторий исследования, а именно, изучение именованных в произведениях фольклора, религиозных текстах, текстах жанра «фэнтези» и интернет-пространстве [Подюков, 2019].

Виртуальное ономастическое интернет-пространство представлено названиями сайтов, доменов, электронных адресов, логинами. Вопросам онимов виртуального пространства посвящено несколько направлений исследований, включающих рассмотрение виртуальных антропонимов [Аникина, 2012;], e-mail ономастики [Сон, 2012; Зененко, Сон, 2021], никонимов [Зубарева, 2018; Зимина, Саварцева, 2014; Гудым, 2014], мононимов китайского интернет-пространства [Енин, 2021], сайтонимов [Дальдинова, Бураева, 2023]. Согласно исследованиям Л. П. Сон (автор рассматривает виртуальные имена собственные пользователей e-mail), виртуальное имя может быть определено как концепт, оно становится именем нарицательным и интегрирует в себе номинативную и коннотативную функции [Сон, 2012. С. 125]. В дальнейшем исследовании Н. В. Зененко и Л. П. Сон указывают, что «формирование виртуального образа для ведения той или иной коммуникации начинается с выбора виртуального имени, которое берет на себя нагрузку «первого впечатления», которое мы получаем от той или иной виртуальной личности» [Зененко, Сон, 2021. С. 88]. Ярким примером подобного восприятия становится имя голосового помощника Alexa от Amazon. С одной стороны, Alexa – это довольно часто встречаемое и узнаваемое имя; с другой стороны, имя голосового помощника по замыслу создателей Amazon отсылает пользователей к Александрийской библиотеке.³ Таким образом, возникает ассоциация с ученостью, интеллектуальностью, ведь по своей значимости Александрийская библиотека превосходила все другие.

Национальный и культурный факторы не менее важны в выборе имени. Так, всем известен российский помощник Маруся, а в Казахстане занимаются разработкой голосового интеллектуального помощника Галия [Богуспаев, Самсоненко, Жумагали, Азимбаева, 2022].

Значимость выбора имени виртуального помощника можно приравнять к важности выбора имени для родившегося человека, а данный процесс может обладать определенной сакральностью. Например, по мнению Г. Б. Мадиевой и В. И. Супрун, русский антропоним обладает сакральной семантикой, а некоторые исследования указывают на связь имени с судьбой человека [Мадиева, Супрун, 2017. С. 45–46]. Таким образом, выбор имени виртуального помощника является ключевым при выпуске продукта на рынок.

Другой вопрос, которой встает на фоне увеличивающегося количества терминов ономастических объектов [Васильева, 2022], – это расширение корпуса онимов за счет категоризации виртуальной среды. Имена виртуальных помощников представляется возможным определить как периферию ономастического пространства, выступающую подклассом класса антропонимов. Представляется возможным ввести и самостоятельный термин путем сложения двух слов андроид (человекоподобный робот) и оним. Таким образом, андроидоним – это имя виртуального помощника, обладающее номинативной функцией, которое не только его идентифицирует, но и индивидуализирует.

³ Hey, Siri: How'd you and every other digital assistant get its name? [Электронный ресурс]. URL: <https://mashable.com/article/how-alexa-siri-got-names> (дата обращения: 18.11.2023).

Имя голосового помощника как социокультурный маркер

Имя виртуального помощника прежде всего служит его идентификации и индивидуализации. Андроидоним – это особый класс онимов, выбор которого может зависеть от культурных, лингвистических и маркетинговых соображений, а также от того, на какую целевую аудиторию ориентирован виртуальный помощник. Внешняя структура (звуковая и графическая) андроидонима может ничем не отличаться от антропонима. Но андроидоним всегда вторичен, так как давать имена и названия в современном обществе остается привилегией человека. В связи с этим содержательная структура андроидонима требует более внимательного рассмотрения, так как сочетает в себе номинативную и коннотативную функции.

Выбор имени виртуального ассистента обуславливается несколькими факторами. Во-первых, важным является удобство произношения. Оно должно обладать хорошей слышимостью и четко распознаваться в разговоре. Во-вторых, желательно, чтобы имя виртуального ассистента обладало уникальностью и не пересекалось с другими широко используемыми словами или именами. В-третьих, если компания планирует вывести продукт на международный рынок, необходимо предусмотреть возможность адаптации и успешного использования голосового помощника в разных странах. В-четвертых, необходимо проанализировать возможности различных ассоциаций. Так, считается, что выбор женского имени и голоса может гарантировать обеспечение более естественного и комфортного взаимодействия.

Одним из самых первых виртуальных помощников является Clippy, который пытался предложить советы и подсказки, основываясь на том, что пользователь вводил в документ. Имя этого помощника произошло от его формы, напоминающей бумажную скрепку. Сегодня данный анимированный персонаж от Microsoft Office потерял свою актуальность.

В корпусе имен виртуальных помощников в основном представлены имена однословные. Редко, но встречаются примеры сложения. Например, имя Clova от компании LINE происходит от сочетания слов cloud (облачный сервис) и voice assistant (голосовой помощник), подчеркивая возможности функционирования голосового помощника в облачной среде. Другим примером словообразования является имя виртуального чат-бота Xiaoice от Microsoft. Имя Xiaoice образовалось путем сложения китайского слова 小 (Xiao) и английского слова ice, что в переводе на русский язык означает «маленький лед». Более того, для имен китайских виртуальных помощников характерно использование иероглифа 小 (маленький): 小艺, 小爱, 小度, 小布, 小欧, 小冰. Для наименования другого голосового помощника китайской компании Tencent использован ономастоп 叮当 (Dingdang), что на китайском языке обозначает звук колокольчика, что может ассоциироваться с игривостью, весельем и детской радостью. Встречаются примеры акронимов. Имя виртуального помощника SARA, представленного на Всемирном экономическом форуме, образовано из начальных букв Socially Aware Robot Assistant и произносится как единое целое. Другими подобными примерами могут служить наименование виртуального помощника SOVA, которое расшифровывается как Smart Open Virtual Assistant, и имя CALO, которое расшифровывается как Cognitive Assistant that Learns and Organizes. Нередко в номинации голосовых помощников наблюдаются формы диминутива: Макс на Госуслугах, помощник Женя от министерства ЖКХ, Маша от Дипвойс. В некоторых названиях виртуальных помощников восточных стран наблюдается сокращение слова до одной начальной буквы: виртуальный голосовой помощник S Voice от компании Samsung или 小 v от китайской компании смартфонов Vivo.

Интересны случаи адаптации имен виртуальных ассистентов, когда возникает потребность сосуществования национальной и международной версий. Так, голосовой помощник 小艺 (Xiao Yi) от Huawei получил свое название в честь системы EMUI. То есть в национальном имени используется уменьшительно-ласкательный префикс 小 (Xiao) и буква E. В то же время иероглифический образ имени несет отсылку к системе образования молодых аристократов, знанию шести искусств: этикета, музыки, стрельбы, управления колесницей, каллигра-

Мем о сотруднике Жэка
Meme about the worker in housing
and communal services

фии и счета.⁴ Имя виртуального помощника, используемого на устройствах Huawei в международных версиях, звучит как Celia.

Другим интересным примером нейминга виртуального помощника является 灵犀语音助手 (Lingxi Voice Assistant). Создатели используют имя 灵犀 (língxī), которое буквально означает пронизывающий рог носорога. Согласно древним легендам, рог носорога является очень чувствительным, а поэт эпохи Тан Ли Шаньинь использовал данный образ в своем произведении, дав начало метафоре о родстве душ и понимании друг друга без слов – 心有灵犀 (родство душ)⁵. Можно предположить, что создателями данное имя выбрано с целью убедить потребителя в том, что данный виртуальный помощник интуитивно понимает запросы пользователя.

Иногда мотивированность нейминга виртуального помощника сложно обосновать. Так, Александра – виртуальный помощник общественного транспорта Москвы⁶, имя которого предположительно может являться отсылкой к знаменитому фильму «Москва слезам не верит». В целом, выбор имени для голосового помощника – это многогранный процесс, который учитывает не только технические аспекты, но и психологию восприятия и взаимодействия с человеком.

В ходе исследования нами были проанализированы имена виртуальных помощников. Опираясь на исследования в области ономастики [Суперанская, 2007; Щербак, 2012], мы выделили основные группы андройдонимов (см. таблицу). Также нами была выделена категория «иные», так как, на наш взгляд, некоторые андройдонимы не представляется возможным отнести к какой-либо категории в силу сложности однозначной интерпретации или неясности значения.

В самой многочисленной группе андройдонимов, образованных от антропонимов, можно выделить подклассы, например, имен, образованных от реальных имен *создателей продукта*. Так, Олег от Тинькофф, виртуальный голосовой помощник в сфере финансов и лайфстайл-услуг, назван в честь российского бизнесмена, основателя «Тинькофф банка». Watson от IBM – это имя, данное платформе и технологии искусственного интеллекта в честь Томаса Дж. Уотсона, основателя IBM. Виртуальный помощник предоставляет возможности распознавания речи, понимания естественного языка, обработки данных и создания персонализированных взаимодействий с пользователями. С другой стороны, использование данного имени простым потребителем, не знакомым с историей компании, может породить ассоциации и с литературным персонажем из произведений Сэра Артура Конан Дойля о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне.

Стоит отметить, что имена помощников часто близки представителям какой-либо культуры. Нами уже упоминались казахская Галия и российская Маруся. Другими примерами могут стать российский голосовой ассистент Дуся, который обладает большим количеством функций, голосовой помощник Галина от МФЦ, чат-бот Федор от МосОблЕИРЦ, чат-бот Макс от Госуслуг. Особый интерес представляют андройдонимы, ассоциирующиеся с социальными явлениями, например, имя помощника Женя министерства ЖКХ. С одной стороны, данное имя достаточно распространено. С другой стороны, существование обслуживающего предприятия

⁴ 小艺 [Электронный ресурс]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%B0%8F%E8%89%BA/6061846> (дата обращения: 20.11.2023).

⁵ 灵犀 [Электронный ресурс]. URL: https://baike.baidu.com/item/%E7%81%B5%E7%8A%80/6796349?fr=ge_ala (дата обращения: 24.07.2024).

⁶ Сергей Собянин: Чат-бот Александра уже почти три года помогает пассажирам московского транспорта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/2299/9451050/> (дата обращения: 12.07.2024).

Классификация имен виртуальных помощников

The classification of virtual assistant names

Источник	Примеры
От антропонимов	Алиса, Дуся, Ева, Маруся, Федор, Галя, Александра, Олег, Женя, Маша, Кира, Макс, Alexa, Amy, Erica, Braina, Devin, Eliza, Emily, Mycroft, Julia, Sara, Lucida, Nina, Celia, Watson, Robin, Jasper, Mitsuko, Kimi, Amelia, Zoe, Mya, Viv, Jovi
От имен персонажей компьютерных игр	Cortana
От мифонимов	Афина, Luna
От астронимов	Lyra, Gemini
От зоонимов	Hound, Otter, Fireflies, Dragon, SOVA
От имен нарицательных, указывающих на качества, черты характера	小爱同学, 小智, Джой
От имен нарицательных, указывающих на профессии	Copilot, Docus AI Doctor
От имен нарицательных, указывающих на уровень взаимоотношений	Voice Mate, Sensay
От имен нарицательных, указывающих на функцию	Calendly, Wordtune, Augment, Amazon Echo
От имен нарицательных, указывающих на организацию	Blackberry Assistant, СБЕР, Google Assistant, HiveMind
От имен нарицательных, указывающих на форму	Cubic
Иные	Dingdang, Xiaoice, Breeno, Салют, Clova, Siri, Bixby, Clova Replika, Ozlo, AliGenie, 小度, 小布, 小欧, Simesimi, YOYO, 灵犀语音助手

Жилищно-эксплуатационная контора (ЖЭК) позволяет трактовать имя Женя как имя-экзотизм, так как, оно отсылает нас к знаменитому мему о сантехнике/работнике Жэка (см. рисунок)⁷.

Представлено значительное количество андройдонимов, ассоциирующихся с *литературными или киноперсонажами*. Alice от Яндекс является отсылкой к Алисе из «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла. Создается образ дружелюбного и умного виртуального помощника, так как Алиса из «Алисы в стране чудес» известна своей любознательностью, умом и способностью помогать в различных ситуациях. Mycroft – это open-source голосовой помощник и виртуальный ассистент. Имя было выбрано в честь персонажа из произведений Сэра Артура Конан Дойля о Шерлоке Холмсе. Mycroft Holmes – старший брат Шерлока и представитель британского правительства, обладающий уникальными способностями и выдающимся интеллектом. Название «Mycroft» для голосового помощника было выбрано, чтобы подчеркнуть ассоциации с интеллектом и аналитическим мышлением, схожими с теми, которые проявляет персонаж. Имя виртуального помощника AliGenie от Alibaba может быть воспринято как соче-

⁷ [Электронный ресурс]. URL: <https://pikabu.ru> (дата обращения: 20.11.2023).

тание «Ali» (от Alibaba), что отсылает нас к восточной сказке «Али-Баба и сорок разбойников» и образу пещеры с сокровищами, и слова «Genie» (от латинского «genius» – дух, волшебный существо, воплощение силы). Такое имя подчеркивает стремление к созданию интеллектуального и волшебного помощника. Другими примерами мотивированного выбора имени являются андройдонимы, чьи имена *ассоциируются с учеными*. Eliza – это один из первых чат-ботов, созданный в 1960-х гг. для имитации разговора с психотерапевтом. Чат-бот Eliza был создан в 1966 г. Джозефом Вайценбаумом, американским компьютерным ученым. Он назвал своего чат-бота Eliza в честь Элизабет Кюблер-Росс, психиатра и психотерапевта, для создания впечатления, что чат-бот обладает некоторым уровнем «человечности» и умеет вести беседу на психотерапевтические темы.

Отдельно стоит отметить андройдоним Sara, который с одной стороны представлен женским именем, а с другой стороны, является акронимом. Более того, некоторые имена собственные подчеркивают эффект «живости» виртуальных помощников. Так, имя Viv (краткое от Vivian) имеет латинские корни и происходит от слова «vivus» (живой, живущий).

Имена андройдонимов могут иметь связь с *прецедентными явлениями виртуальной среды*. Имя Cortana голосового помощника от Microsoft было выбрано в честь искусственного интеллекта из популярной серии научно-фантастических видеоигр Halo. Имя Cortana относится к созданному образу женщины, которая служит главному герою.

Отдельно можно выделить андройдонимы, чьи имена стремятся подчеркнуть *характер и преимущества виртуального помощника*. Имя голосового помощника Xiao Ai (小爱) от Xiaomi переводится с китайского как «маленькая любовь». Выбор такого имени может быть обусловлен стремлением создать дружелюбный и привлекательный образ. Более того, полное имя голосового помощника звучит как 小爱同学. Слово «одноклассник» в имени подчеркивает дружескую и доверительную атмосферу. Hound от SoundHound – это виртуальный помощник с возможностью быстрого и точного распознавания речи. Имя было выбрано, вероятно, как ассоциация с поиском с акцентом на быстроту и точность. Чат-бот Simsimi от компании ISMaker получил свое имя от корейского слова «심심이», что можно перевести как «скучающий» или «скучающий друг». Имя подчеркивает тот факт, что чат-бот создавался с целью предоставления развлекательного и интересного опыта общения, что включает в себя способность бота понимать и отвечать на широкий спектр разговорных тем. Duer (度秘) от Baidu был представлен пользователям как «умный секретарь». Имя состоит из двух иероглифов: иероглифа 度, что отсылает нас к названию самой компании, и иероглифа 秘 от 秘书 (секретарь). Такое имя может подчеркнуть идею знания, понимания, услужливости, опоры в делах.

Значительное количество андройдонимов обладает именем, отсылающим пользователей *к корпорации-создателю*. Google Assistant от Google представляет собой логичное продолжение и расширение бренда Google, который широко узнаваем и ассоциируется с поисковой системой, онлайн-сервисами и технологическими инновациями. Введение термина assistant (помощник) подчеркивает основное предназначение этого инструмента, а именно быть полезным помощником, способным отвечать на вопросы, выполнять задачи и предоставлять информацию на основе голосовых команд или запросов пользователя.

Многие андройдонимы обладают уникальными именами со скрытой семантикой. Например, имя Siri было выбрано командой разработчиков и маркетологов Apple как часть общей стратегии создания уникального и запоминающегося бренда. Однако есть разные предположения. Согласно первому, оно появилось благодаря норвежскому генеральному директору, так как с норвежского Siri переводится как «красивая девушка, ведущая к победе». По другой версии, одному из создателей данного голосового помощника, Адаму Чейеру, понравилось, что на суахили Siri означает «секрет»⁸. Другой пример, Vixby от Samsung, является виртуаль-

⁸ Hey, Siri: How'd you and every other digital assistant get its name? [Электронный ресурс]. URL: <https://mashable.com/article/how-alexa-siri-got-names> (дата обращения: 18.11.2023).

ным помощником, встроенным в смартфоны и телевизоры. Наименование голосового помощника является частью стратегии брендинга компании, что позволяет ему выделиться и создать собственную идентичность на рынке.

Заключение

Понятие виртуальных онимов включает широкий класс объектов виртуальной среды. Виртуальные онимы не просто идентифицируют, но обладают понятийным содержанием, отражают тенденции социальной жизни и культурные преобразования.

Имена виртуальных помощников представляют собой совершенно новое явление в языке. Выделение подкласса андройдонимов – это попытка структурировать явления разрастающейся виртуальной среды. Формирование имен голосовых помощников часто зависит от множества факторов, таких как целевая аудитория, функциональность, стратегия бренда и локальные культурные особенности. Выбор яркого и ассоциативного имени важен для маркетинга и коммуникации с пользователями, чтобы подчеркнуть особенности и преимущества продукта в сфере технологий. Кроме того, выбор имен с культурными, литературными или историческими ассоциациями может добавить глубину образу виртуального помощника и создать эмоциональную связь с пользователем.

Список литературы

- Андренко К. В.** Языковые механизмы персонификации виртуального собеседника // Международная молодежная научно-практическая блог-конференция «Люди речисты-II», Ульяновск, 23–30 апреля 2023 г. / Отв. редактор Ю. А. Лобина. Ульяновск: Ульянов. гос. пед. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2023. С. 6–11. EDN DENKJD.
- Аникина Т. В.** Виртуальный антропоним в системе современной коммуникации // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2012. № 2. С. 56–60. EDN QOYLQD.
- Богуспаев Н. Б., Самсоненко А. И., Жумагали С. Ж., Азимбаева А. А.** Интеллектуальный голосовой помощник «Галия» // Вестник Казахской академии транспорта и коммуникаций им. М. Тынышпаева. 2022. № 1(120). С. 171–175. EDN OPLKEB.
- Васильева Н. В.** Терминологическая модель с элементом -оним: ретроспектива, настоящее и будущее // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: Сб. науч. ст. Витебск: Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2022. С. 8–12. EDN JWFHMH.
- Гудым Г. В.** Антропонимика Интернета // Культура. Наука. Интеграция. 2014. № 1(25). С. 73–76. EDN SWKLPN.
- Дальдинова Э. О., Буряева Т. В.** Структурная характеристика немецкоязычных сайтонимов // Вестник Исык-Куль. ун-та. 2023. № 54-2. С. 65–73. EDN CEPJSG.
- Енин С. А.** Ономастические особенности самоидентификации и стилистические функции китайских мононимов в коммуникативном интернет-пространстве Китая // Иностранные языки в современном мире: Материалы международной научно-практической студенческой конференции, Ростов-на-Дону, 02 декабря 2021 г. Ростов-на-Дону: Ростов. гос. экон. ун-т «РИНХ», 2021. С. 274–278. EDN UMENUU.
- Зененко Н. В., Сон Л. П.** Виртуальная реальность: виртуальный образ VS виртуальная личность // Казанская наука. 2021. № 1. С. 87–90. EDN XTFFEX.
- Зими́на И. И., Саварцева Н. В.** К вопросу об особенностях виртуальных антропонимов в интернет-коммуникации // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира. 2014. № 2. С. 67–72. EDN SJTRKB.

- Зубарева А. В.** Никнейм как особый тип онимов: в поисках интегрального признака // Известия Южного федер. ун-та. Серия: Филологические науки. 2018. № 4. С. 115–123. <https://doi.org/10.23683/1995-0640-2018-4-115-123>. EDN VQSOJ.
- Киселева Ю. П.** Восприятие антропоморфных роботов // Профессионализм и творчество в условиях транзитивности: Международный сб. науч. тр. Магнитогорск: Магнитогор. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2018. С. 31–35. EDN VRZQRC.
- Корбут А. М.** Одомашнивание искусственного интеллекта: умные колонки и трансформация повседневной жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1(161). С. 193–216. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1808>. EDN TKKKDP.
- Мадиева Г. Б., Супрун В. И.** Общие проблемы ономастики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: Коллективная монография памяти заслуженного деятеля науки Республики Адыгея и Кубани, проф. Розы Юсуфовны Намитоковой / Научные редакторы В. И. Супрун, С. В. Ильясова. Майкоп: Магарин Олег Григорьевич, 2017. С. 11–51. EDN XYJKQX.
- Морозова А. А.** Речевой портрет голосового помощника «Алиса» // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2021. № 9(455). С. 95–100. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10914>. EDN NAZZVB.
- Нестерова Т. В.** Алиса, давай поболтаем! (о вежливости и грубости в сетевом дискурсе) // Гуманитарные технологии в современном мире: Сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., Калининград, 30 мая – 01 июня 2019 г. Калининград: Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. С. 85–89. EDN FRXHWX.
- Подюков И. А.** Ономастическое оформление картины потустороннего мира в народной культурно-языковой традиции // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 125–139. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.035. EDN VHGS DH.
- Сон Л. П.** Виртуальная ономастика и невербальный компонент интернет-коммуникации // Научный вестник Воронеж. гос. архитектурно-строительного ун-та. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2012. № 18. С. 123–134. EDN PHOWLF.
- Суперанская А. В.** Общая теория имени собственного. 2-е изд., испр. М.: ЛКИ, 2007. 368 с.
- Хусяинов Т. М.** «Спасибо, Сири!»: проблема взаимодействия человека с виртуальными голосовыми помощниками // Цивилизация – общество – человек: Научно-образовательный альманах. Саратов: КУБиК, 2020. С. 61–62. EDN RZFMVB.
- Щербак А. С.** Когнитивные основы региональной ономастики. Тамбов: Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2012. 319 с. EDN VDIEML.
- Chattaraman V., Kwon W., Gilbert J.E., Ross K.** Should AI-Based, conversational digital assistants employ social- or task-oriented interaction style? A task-competency and reciprocity perspective for older adults // Computers in Human Behavior, 2019, vol. 90, p. 315–330. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.08.048>
- Feine J., Gnewuch U., Morana S., Maedche A.** A Taxonomy of Social Cues for Conversational Agents // International Journal of Human-Computer Studies. 2019. Vol. 132. P. 138–161. <https://doi.org/10.1016/j.ijhcs.2019.07.009>
- Gambino A., Fox J., Ratan R. A.** Building a stronger CASA: Extending the computers Are social actors paradigm // Human-Machine Communication. 2020. Vol. 1. P. 71–86. <https://doi.org/10.30658/hmc.1.5>
- Habler F., Schwind V., Henze N.** Effects of Smart Virtual Assistants' Gender and Language // Proceedings of Mensch und Computer. 2019. P. 469–473. <https://doi.org/10.1145/3340764.3344441>
- Munnukka J., Talvitie-Lamberg K., Maity D.** Anthropomorphism and social presence in Human–Virtual service assistant interactions: The role of dialog length and attitudes // Computers in Human Behavior. 2022. Vol. 135. P. 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107343>

- Pradhan A., Findlater L., Lazar A.** “Phantom Friend” or “Just a Box with Information”: Personification and Ontological Categorization of Smart Speaker-based Voice Assistants by Older Adults. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. 2019. Vol. 3(CSCW). P. 1–21. <https://doi.org/10.1145/3359316>
- Xiong Y., Yu Q., Liu N.** Influence of Voice Characteristics and Language Style of Intelligent Assistant on User Trust and Intention to Use // *Cross-Cultural Design. HCII 2024. Lecture Notes in Computer Science*, Rau, PL.P. (eds). Springer, Cham., 2024. Vol. 14702. P. 375–387. https://doi.org/10.1007/978-3-031-60913-8_26
- 丁晓雯, 张森, 刘威, 宋冠谕. 智能车载语音助手人格化设计研究 [J]. *汽车电器*, 2023. Vol. 7. P. 33–36. <https://doi.org/10.13273/j.cnki.qcdq.2023.07.018>
- 王姝婉. “偏见”抑或是“优势”: AI 语音助手的女性化 [J]. *东南传播*. 2021. Vol. 6. P. 107–108. <https://doi.org/10.13556/j.cnki.dncb.cn35-1274/j.2021.06.033>
- 吴颖. 华为智能语音助手“小艺”语言能力评估 [J]. *大众文艺*, 2023. P. 97–99. <https://doi.org/10.20112/j.cnki.ISSN1007-5828.2023.12.033>
- 杨智慧. 语言学视域下语音助手 Siri 语言能力评估 [J]. *汉字文化*, 2022. Vol. 6. P. 156–157. <https://doi.org/10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2022.06.018>

References

- Andrenko K. V.** Linguistic mechanisms of personification of a virtual interlocutor. In: *Speech People-II: International Youth Scientific and Practical Blog Conference, Ulyanovsk, April 23–30, 2023 / Rep. editor Yu.A. Lobina. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanova*, 2023, pp. 6–11. (in Russ.).
- Anikina T. V.** A virtual proper name in system of modern communication. *Ural Journal of Philology. Series: Language. System. Personality: Creative linguistics*, 2012, no. 2, pp. 56–60. (in Russ.).
- Boguspayev N. B., Samsonenko A. I., Zhumagali S. ZH., Azimbayeva A. A.** Intelligent voice assistant “Galia”. *The Bulletin of Kazakh Academy of Transport and Communications named after M. Tynyshpayev*, 2022, no. 1(120), pp. 171–175. (in Russ.).
- Vasilyeva N. V.** Terminological model with the element -onym: retrospective, present and future. In: *Regional onomastics: problems and prospects for research: collection of scientific articles. Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Masherova*, 2022, pp. 8–12. (in Russ.).
- Gudym G. V.** Internet anthroponimics. *Culture. Science. Integration*, 2014, no. 1(25), pp. 73–76. (in Russ.).
- Daldinova E. O., Buraeva T. B.** The characteristic structure of German speaking siteonym. *Bulletin of Issyk-Kul University*, 2023, no. 54-2, pp. 65–73. (in Russ.).
- Yenin S. A.** Onomastic features of self-identification and stylistic functions of Chinese mononyms in the communicative Internet space of China. In: *Foreign languages in the modern world: Materials of the international scientific and practical student conference, Rostov-on-Don, December 02 2021. – Rostov-on-Don: Rostov State Economic University “RINH”, 2021*, pp. 274–278. (in Russ.).
- Zenenko N. V., Son L. P.** Virtual reality: virtual image VS virtual personality. *Kazan Science*, 2021, no. 1, pp. 87–90. (in Russ.).
- Zimina I. I., Savartseva N. V.** On the issue of the features of virtual anthroponyms in Internet communication. *Dialogue of cultures – dialogue about peace and for the sake of peace*, 2014, no. 2, pp. 67–72. (in Russ.).
- Zubareva A. V.** Nickname as special type of onym: in search of integrated sign. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 2018, no. 4, pp. 115–123. <https://doi.org/10.23683/1995-0640-2018-4-115-123> (in Russ.).
- Kiseleva YU. P.** Perception of anthropomorphic robots. In: *Professionalism and creativity in conditions of transitivity: an international collection of scientific works. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosova*, 2018, pp. 31–35. (in Russ.).

- Korbut A. M.** Domestication of artificial intelligence: smart speakers and transformation of everyday life. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2021, no. 1(161), pp. 193–216. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1808> (in Russ.).
- Madiyeva G. B., Suprun V. I.** General problems of onomastics. In: *Theory and practice of onomastic and derivatological research: Collective monograph in memory of the Honored Scientist of the Republic of Adygea and Kuban, Professor Roza Yusufovna Namitokova / Scientific editors V.I. Suprun, S.V. Ilyasova. Maykop: Publishing house "Magarin Oleg Grigorievich", 2017, pp. 11–51. (in Russ.).*
- Morozova A. A.** Speech portrait of voice assistant "Alice". *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2021, no. 9(455), pp. 95–100. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10914> (in Russ.).
- Nesterova T. V.** Alisa, let's chat! (about politeness and rudeness in online discourse). In: *Humanitarian technologies in the modern world: Collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference, Kaliningrad, May 30 – June 1, 2019. Kaliningrad: Western branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation*, 2019, pp. 85–89. (in Russ.).
- Podyukov I. A.** Onomastic representation of the otherworld in Russian popular language and culture. *Voprosy onomastiki*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 125–139. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.035 (in Russ.).
- Son L. P.** Virtual onomastics and non-verbal component of Internet communication. *Scientific Newsletter of Voronezh State University of architecture and civil engineering. Series: Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches*, 2012, no. 18. pp. 123–134. (in Russ.).
- Superanskaya A. V.** General theory of proper names. LKI, 2007, 368 p. (in Russ.).
- Khushyainov T. M.** "Thank you, Siri!": the problem of human interaction with virtual voice assistants. In: *Civilization-society-person: Scientific and educational almanac. Saratov, Limited Liability Company Publishing House "KUBiK", 2020, pp. 61–62. (in Russ.).*
- Shcherbak A. S.** Cognitive foundations of regional onomastics. Tambov: Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavina, 2012, 319 p. (in Russ.).
- Chattaraman V., Kwon W., Gilbert J.E., Ross K.** Should AI-Based, conversational digital assistants employ social- or task-oriented interaction style? A task-competency and reciprocity perspective for older adults. *Computers in Human Behavior*, 2019, vol. 90, pp. 315–330. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.08.048>
- Feine J., Gnewuch U., Morana S., Maedche A.** A Taxonomy of Social Cues for Conversational Agents. *International Journal of Human-Computer Studies*, 2019, 132, pp. 138–161. <https://doi.org/10.1016/j.ijhcs.2019.07.009>
- Gambino A., Fox J., Ratan R. A.** Building a stronger CASA: Extending the computers Are social actors paradigm. *Human-Machine Communication*, 2020, vol. 1, pp. 71–86. <https://doi.org/10.30658/hmc.1.5>
- Habler F., Schwind V., Henze N.** Effects of Smart Virtual Assistants' Gender and Language. In: *Proceedings of Mensch und Computer*, 2019, pp. 469–473. <https://doi.org/10.1145/3340764.3344441>
- Munnukka J., Talvitie-Lamberg K., Maity D.** Anthropomorphism and social presence in Human–Virtual service assistant interactions: The role of dialog length and attitudes. *Computers in Human Behavior*, 2022, vol. 135, pp. 1–12. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107343>
- Pradhan A., Findlater L., Lazar A.** "Phantom Friend" or "Just a Box with Information": Personification and Ontological Categorization of Smart Speaker-based Voice Assistants by Older Adults. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 2019, 3(CSCW), pp. 1–21. <https://doi.org/10.1145/3359316>
- Xiong Y., Yu Q., Liu N.** Influence of Voice Characteristics and Language Style of Intelligent Assistant on User Trust and Intention to Use. In: *Rau, P.L.P. (eds) Cross-Cultural Design. HCII 2024. Lecture Notes in Computer Science, Springer, Cham., 2024, vol. 14702, pp. 375–387. https://doi.org/10.1007/978-3-031-60913-8_26*

- Ding Xiaowen, Zhang Sen, Liu Wei, Song Guanyu.** Research on personalized design of intelligent vehicle voice assistant. *Automotive Electrical Appliances*, 2023, vol. 7, pp. 33–36. <https://doi.org/10.13273/j.cnki.qcdq.2023.07.018> (In Chinese).
- Wang Shuwan.** “Bias” or “Advantage”: The feminization of AI voice assistants. *Southeast Communication*, 2021, vol. 6, pp. 107–108. <https://doi.org/10.13556/j.cnki.dncb.cn35-1274/j.2021.06.033> (In Chinese).
- Wu Ying.** Evaluation of language ability of Huawei’s intelligent voice assistant “Xiaoyi”. *Popular Literature and Art*, 2023, pp. 97–99. <https://doi.org/10.20112/j.cnki.ISSN1007-5828.2023.12.033> (In Chinese).
- Yang Zhihui.** Language ability assessment of voice assistant Siri from the perspective of linguistics. *Chinese Character Culture*, 2022, vol. 6, pp. 156–157. <https://doi.org/10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2022.06.018> (In Chinese).

Информация об авторе

Дубинина Мария Николаевна, PhD (КНР), доцент Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
SPIN РИНЦ: 3758-2032

Information about the Author

Maria N. Dubinina, PhD, Associate Professor, School of Foreign Languages, HSE University
SPIN РИНЦ: 3758-2032

*Статья поступила в редакцию 25.12.2023;
одобрена после рецензирования 11.08.2024; принята к публикации 16.08.2024*
*The article was submitted 25.12.2023;
approved after reviewing 11.08.2024; accepted for publication 16.08.2024*

Научная статья

УДК 81'33

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-156-172

Отражение внешне- и внутривосточных интересов Российской Империи в лексике «Записок Императорского Русского географического общества»

Екатерина Александровна Щеглова

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

e.scheglova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1778-2021>

Аннотация

В статье характеризуются лексические особенности «Записок Императорского Русского географического общества» в их взаимосвязи с экстралингвистическими факторами. С одной стороны, лексическое употребление в журнале отчасти соответствует складывающейся к середине XIX века традиции описания земель в путевых и географических очерках. С другой стороны, это издание ставит на особое положение его статус официального печатного органа Русского географического общества, деятельность которого полностью соотносилась с интересами внешней и внутренней политики Российской Империи. Для получения достоверных результатов мы разделили тексты на три тематические категории: 1) описание внутренних земель, 2) территорий, соответствующих ближайшим внешнеполитическим интересам, 3) экзотических стран, потенциально интересных для расширения международного влияния в будущем. Анализ показал, что каждой группе текстов соответствуют специфические черты словоупотребления. В первой группе актуальной оказывается терминологическая лексика, позволяющая дать точное научное описание территории, отдельный интерес для авторов публикаций представляют областные слова, становящиеся средством познания собственной национальной идентичности. Эти тексты отражают интерес образованной части общества к народному языку и народному слову, свойственному эпохе. Симптоматично наличие в одной из публикаций своеобразного областного словаря. Во второй группе также можно наблюдать активное употребление научной терминологии, но основу этих текстов составляет бытовая лексика с конкретно-предметным значением, буквально помогающая составить путеводитель для будущих экспедиций, слово становится средством создания детализированного описания маршрута. В третьей группе слово функционирует как инструмент межкультурной коммуникации, словоупотребление в наибольшей степени соответствует традиции путевой литературы, текстообразующий лексический ресурс – экзотизмы, сопровождаемые авторскими пояснениями. Новизна исследования состоит, во-первых, в самом обращении к лингвистическому описанию «Записок Императорского Русского географического общества», во-вторых, в соединении собственно исторического подхода в описании лексики с историко-культурным аспектом, что особенно важно при работе с источниками подобного типа.

Ключевые слова

лексика, «Записки Императорского Русского географического общества», Русское географическое общество, экстралингвистические факторы, внешняя и внутренняя политика, XIX век

Для цитирования

Щеглова Е. А. Отражение внешне- и внутривосточных интересов Российской Империи в лексике «Записок Императорского Русского Географического общества» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4. С. 156–172. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-156-172

© Щеглова Е. А., 2024

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2024, vol. 22, no. 4

Reflection of the Russian Empire Foreign and Domestic Political Interests in the Vocabulary of “Notes of the Imperial Russian Geographical Society”

Ekaterina A. Shcheglova

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation

e.scheglova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1778-2021>

Abstract

The article outlines lexical peculiarities of “Imperial Russian Geographic Society Notes” in their connection with extralinguistic factors. On the one hand, use of vocabulary in the magazine is in line with the tradition of describing territories in travel and geographical notes of the mid-19th century. On the other hand, this edition has the status of an official print body of the Russian Geographic Society, the activity of which completely met the interests of foreign and domestic policy of the Russian Empire. To get the correct results we divided the texts into three thematic categories: 1) description of domestic territories, 2) territories within the closest foreign interests, 3) exotic countries of potential interest in spreading the international influence in the future. The analysis demonstrates that each group of texts contains specific features of word use. The first group focuses on terminological vocabulary, providing a precise scientific description of territories, of special interest to authors are regional words helping to understand own national identity. These texts reflect the interest of educated society in the people’s language and vernacular words common for the epoch. A unique regional dictionary in one of the publications is quite indicative. The second group also demonstrates an active use of scientific terms, but the foundation of these texts is colloquial vocabulary with concrete meaning, making it possible to build up a tour guide for future expeditions, the word here becomes a means of creating a detailed description of the route. In the third group the word functions as a tool of cross-cultural communication, the word use largely corresponds to the tradition of travel literature; text-forming lexical resource includes exotisms accompanied by author’s comments. The innovation of the research lies firstly in the very address to the linguistic description of “Imperial Russian Geographic Society Notes”, and secondly, in combination of the historical approach to the vocabulary description and a historical and cultural aspect which is especially important for the work with such sources.

Keywords

vocabulary, “Imperial Russian Geographic Society Notes”, Russian Geographic Society, extralinguistic factors, foreign and domestic policy, 19th century

For citation

Shcheglova E. A. Reflection of the Russian Empire Foreign and Domestic Political Interests in the Vocabulary of “Notes of the Imperial Russian Geographical Society”. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 156–172. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-156-172

1. Введение. «Записки Императорского Русского географического общества»: характеристика издания

XIX век – время становления национального самосознания: окончательно складывается российская государственность, осознается ценность языка, сформированного на национальной основе, приобретают оформленность и определенность русская наука и культура. Осознание границ собственной идентичности невозможно без обращения к дихотомии «своего» и «чужого». Отсюда столь живой интерес читающей публики середины века к описанию путешествий разного типа: литературных и научных, воплощенных в виде романов, путевых заметок, географических очерков, топографических описаний или опубликованных в периодических изданиях официальных донесений [Громова, Балашова (ред.), 2017. С. 251]. Именно путешествия дают необходимую почву для размышления о себе, о мире вокруг и о себе в этом мире. Отсюда совершенно особое отношение к слову, демонстрируемое в путевых описаниях вне зависимости от их типа [Щеглова, 2018].

Следует учитывать также, что XIX век является во многом продолжением эпохи географических открытий, в это время продолжается активное освоение мира. Географические ис-

следования ставят своей целью расширить границы научного знания о землях и населяющих их народах, заменив имеющиеся стереотипные представления достоверными сведениями. Географическая экспедиция – это мероприятие государственной важности, направленное на решение важных не только научных, но и политических задач. Неслучайно в материале «Записок Императорского Русского географического общества» (далее – ЗИРГО), посвященном роли Петра I в приращении географического знания, К. М. Бэр пишет: *Благодарность обязывает Русское Географическое Общество привести на память заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний. Идеи, руководившие его при назначении ученых экспедиций, носят на себе печать величия и прозорливости: гениальный взор его провидял плоды их в отдаленной будущности* [ЗИРГО, 1849. Кн. III. С. 217]. Далее автор замечает, что именно первым российским императором были намечены основные пути развития Русского географического общества. Мысли К. М. Бэра о деятельности Петра I в сфере освоения земель, гениальность которого заключалась в осознании сопряженности расширения научного знания в области географии и политических интересов страны, оказываются абсолютно в духе времени.

В этой связи следует указать и на особое положение самих «Записок» среди других научно-популярных журналов. ЗИРГО с самого начала (первый номер вышел в 1846 г.) создавались как официальное периодическое издание Русского географического общества (РГО). Нужно сказать, что РГО не было исключительно научной организацией. Со дня своего основания личным указом Николая I в 1845 г. Общество имело особый государственный статус. РГО входило в структуру Министерства внутренних дел и было призвано решать не только научные, но и государственные задачи (в том числе получение разведывательных данных) [Павлов, 2010]. Неудивительно, что ЗИРГО, публикации которых основывались на материалах экспедиций РГО, как ни одно другое научно-популярное издание отражали на своих страницах движение политических идей Российской Империи.

Таким образом, можно сказать, что ЗИРГО являются уникальным источником для историко-лексикологического исследования периодики XIX в., поскольку интегрируют в себе как специфические черты изданий о путешествиях и географии (напомним, что через 15 лет относительно даты основания ЗИРГО – в 1861 г. – появился журнал «Вокруг света»), так и особенности, связанные с самими условиями существования издания. Совокупность указанных экстралингвистических факторов стала причиной специфичности формирования и употребления лексического состава материалов. Во многом лексика материалов ЗИРГО отражает основные зоны интересов Российской Империи во внешней и внутренней политике. Слово становится средством осознания себя, познания других и проведения границ между тем и другим. Слово национальное («живое», «русское») и слово «чужое» являются сферой непосредственного интереса образованной части общества (ср. с вопросом о пополнении лексики русского языка вследствие межэтнических контактов [Старовойтова, 2017]).

2. Тематика публикаций журнала и особенности лексики

Тематика материалов определялась основными направлениями внутренней и внешней политики России середины XIX в. Можно выделить три основных тематических блока материалов: освоение собственной страны (интерес представляли отдаленные уголки, в особенности Сибирь и Русский Север), внешнеполитические планы ближайшего будущего (освоение Каспия, дипломатические отношения с Китаем и пр.), перспективные направления для расширения зон влияния в будущем (отдаленные регионы, например, Африка, Индия, Персия). Последнее тематическое направление представлено в журнале в меньшей степени, что интересно и показательно, если, например, сравнить с объемом материалов об экзотических странах в журнале «Вокруг света», в котором вне зависимости от редакционной политики, трижды

сменившейся в дореволюционный период существования издания, такие публикации призваны были поддерживать интерес аудитории. ЗИРГО мало заботились об интересах аудитории, твердо следуя собственной задаче – освещать деятельность РГО. Каждый тематический круг материалов имеет свои особенности употребления лексики.

2.1. Лексические особенности описания территории собственной страны: Русский Север

Для России в XIX веке не меньшее значение, чем освоение внешних территорий, имело познание территорий в границах собственной страны. С начала века в Европе активно развивается идея национального государства, к середине столетия и в России становится очевидной необходимость формирования собственной национальной идеологии, определение границ понятия «русскости» (о концепте «русскость» в рамках различных научных направлений: [Корольков, 2010; Ерохина, 2019; Верещагин, Верещагина, 2021]). Последнее менялось на протяжении всего века, в том числе вследствие расширения границ познания о территории собственной страны. Сказалось это и на направлении общественной и научной мысли: русская интеллигенция обратила свой взгляд на русского крестьянина, заселявшего обширные территории Российской Империи. В частности, в материале «Областные выражения русского языка в Архангельской губернии», опубликованном в 1850 г. в книге ЗИРГО и принадлежащем перу известного путешественника по окраинам России А. И. Шренка, сказано: *Ближайшею целью Русскаго Географическаго Общества, как всѣмъ извѣстно, должно быть изученіе нашего обширнаго отечества, изученіе не ограниченное одними мѣстностями, но занимающееся с неменьшею любовью и человеком, их заселяющим, о котором познаніе столько же важно для географіи, как познаніе ниворослей важно для земледельца земледельца* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 121]. В качестве примера подобных материалов мы рассмотрим статьи, посвященные Русскому Северу, который в это время становится своеобразным культурным проектом [Шабаетов Жеребцов, Журавлёв, 2012; Шабаетов, Садохин и др., 2017; Malyshev, 2021].

Авторов ЗИРГО (а следовательно, и само РГО) интересует информация самого разного толка о территориях Российской Империи: экономика и природа, быт и культура, история и язык. Так, о Русском Севере было обнаружено три больших материала, вышедших в разные годы существования журнала: уже упомянутая статья А. И. Шренка об особенностях областного языка Архангельской губернии (1850), исследование климата Н. Я. Данилевского «Климат Вологодской губернии» (1853) и материал Н. Ф. Бутенева «Некоторые соображения о первобытных жителях Северной России по найденным остаткам их быта» (1864). Такой разброс по годам публикаций говорит о неиссякаемом интересе Общества к северным областям Российской Империи. Примерно такая же картина наблюдается и с материалами, описывающими различные аспекты географии других регионов – южных областей и городов, Сибири и др.

Состав лексики во многом определяется самой тематикой материалов – прежде всего это, конечно, специальная лексика терминологического характера, связанная с той или областью знания. Употребление ее связано с ориентацией автора на точность передачи представленных в статьях сведений: *Ежели вмѣсто абсолютных *maxima* и *minima* температур, возьмем наибольшія и наименьшія среднія суточные температуры мѣсяца, то исключим вліяніе первой причины и вычтя таким образом полученныя мѣсячныя колебанія термометра из полученных по первому способу – будем имѣть разности, выражающіе вліяніе различных высот солнца в теченіе суток и мѣсячныя колебанія температур* [ЗИРГО, 1853. Кн. IX. С. 24]. Такой текст ориентирован в первую очередь на специалиста в своей области, на что указывает использование большого количества терминологической лексики и сочетаний терминологического характера (*суточные температуры, мѣсячныя колебанія термометра, высоты солнца* и др.). Используется международная климатологическая терминология: *maxima* и *minima* темпера-

тур. Напомним, что сразу с появлением издания была налажена его рассылка по крупнейшим европейским научным учреждениям, осуществлялся перевод материалов на европейские языки [Базылева, 2014].

Нейтральная лексика с конкретно-предметным значением, как это свойственно научному тексту, приобретает терминологическое значение. Например, частью описания климатических условий становится характеристика растительности: названия растений общеупотребительны, однако в данном контексте они призваны дать точную справку о флоре конкретной территории, дополняющую исследование климата. Это доказывает наличие латинского эквивалента, принадлежащего международной ботанической терминологии: *В уездах Вологодском, Грязовецком и Никольском попадают в лесах дуб, клен (Acer Platanoides), даже ягель и орешник, в садах растут яблони, впрочем уже дающія хороших плодов, сажаются огурцы и съется яровая пшеница, а в малом количестве даже и гръчиха; – на съвьере уьздов Яренскаго и Усть-сыольскаго прекращается посьв всякаго рода хлѣбов, потому что самый ячмень рѣдкій год дозрѣвает. Даже в съверной части Вгльскаго уьзда огурцы не могут быть разводимы* [ЗИРГО, 1853. Кн. IX. С. 1–2].

В статье об археологических находках первобытного периода можно наблюдать несколько иной подход к терминологии. Поскольку точная терминологическая номинация для описываемых автором орудий часто оказывается невозможна, то автор ищет наиболее вероятное название того или иного предмета. Сама номинация в этом случае является научной гипотезой: *С большею въроятностію полагать можно, что это не что иное как головолом или булава; в отверстіе, без сомнѣнія, вставлялась рукоятка, к которой въроятно оно привязывалось, за боковыя возвышенія или цапфы по средством ремней* [ЗИРГО, 1864. Кн. IV. С. 7]. В ряде случаев мы и вовсе имеем дело с предложенной самим автором по тем или иным параметрам номинацией, кажущейся ему наиболее точной и подходящей для каждого конкретного случая: *Далѣе слѣдует поставить орудіе, которое я называл теслом, предполагая, что оно употреблялось для тесанія дерева, что подтверждается ещѣ и тѣм, что в моем собраніи было каменное орудіе, привезенное с Маркизских островов, совершенно той же формы и служившее к той же цѣли у мѣстных жителей* [ЗИРГО, 1864. Кн. IV. С. 9]; *В заключение я должен упомянуть о самом большем из каменных орудій, мною собранных и которыя называл я долбнею, причина чему будет видна ниже* [ЗИРГО, 1864. Кн. IV. С. 10].

Несколько иные особенности имеет материал об областных словах. Поиск собственной национальной идентичности проявил себя в частности в идее собирания отличительных особенностей словарного состава русской народной речи: уже с начала века появляются разнообразные списки областных слов, проводятся заседания Российской Академии, на которых заслушиваются доклады с соответствующей тематикой. В «Истории русской лексикографии» отмечается, что «многие деятели русской культуры не только призывали замечать и записывать народные слова и выражения, но и сами делали такие записи. Публикации диалектных материалов в первой половине XIX века были положительно оценены передовой русской общественностью» [Сороколетов (ред.), 2001. С. 276–277]. Таким образом, можно сказать, что происходит культурный обмен внутри страны. Об этом свидетельствуют и процессы, происходившие в самой лексической системе: простонародные и областные слова все в большей степени признаются необходимым материалом для построения системы русского литературного языка на национальной основе, при этом особенно ценится такое качество данной лексики, как образность [Виноградов, 1982].

Материал А. И. Шренка представляет собой небольшой областной словарь с дефинициями. Словник включает 374 слова, расположенных по смысловому принципу (по тематическим группам: *атмосферные и метеорологические явления, ветер, лёд, море, берега* и пр.), в завершение дан их алфавитный список с указанием номера, под которым лексему можно найти в основном списке. Тематические группы неоднородны и отличаются по количеству слов, в среднем 15–20 лексических единиц. Внутри группы расположение гнездовое, в каждом

гнезде от одного до двух-трёх слов, в отдельных гнёздах – до пяти. В дефинициях содержатся показатели связанности слов внутри гнезда, например:

86. *Польй, – открытый, отверзтый: на-примгър: ргька пола, т. е. не покрыта льдом; двери поляя, т. е. отверзтыя.*

87. *Полынья, – открытое мѣсто во льду покрывающем воды; слово употребляемое во многих странах Россіи, между прочим под самым Петербургом, и потому едва-ли областное* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 138].

По приведенному примеру видно, что данный список слов с дефинициями не является в полном смысле словарем. Во-первых, за счет связей теряются границы «словарных статей», перед нами текст, в котором последовательно разворачиваются фрагменты жизни жителей Архангельской губернии. Во-вторых, нет выработанного метаязыка, зато есть множественные следы размышления путешественника (не лингвиста) о культурных смыслах слов, которые он собирает во многом случайным образом. Поясняя слово *польй*, автор приводит иллюстративный пример употребления (*река пола*), а у связанной с ним лексемы *полынья* иллюстраций нет, зато есть размышление о положении ее в системе национального языка (*едва-ли областное*). В некоторых случаях в дефинициях содержится грамматическая справка: 48. *Взводень (во множ. ч. взводни), – высокая, сильная волна; происходит от глагола возводить, взводить* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 134]. Резко различается и объем пояснений: от однословных (107. *Няша, – грязь* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 141]) до обширных и подробных, в некоторых из которых содержится культурологический или этимологический комментарий: 108. *Инька, – женищина не русская; так: самогдская инька, зырянская инька; употреблено в Мезенском уездѣ; взято с зырянскаго инь, означающаго замужняю женищину* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 141].

Подобные списки областных слов также определенно могли служить средством культурного взаимодействия между образованной частью общества и народом, посредником при этом выступал автор материалов.

2.2. Лексические особенности описания территорий – зон непосредственного внешнеполитического интереса Российской Империи

В качестве примеров этого тематического направления публикаций мы возьмем материалы, посвященные Каспию и Китаю. С одной стороны, и Каспий, и Китай – одни из важных зон интереса внешней политики середины XIX века, а с другой стороны, именно поэтому в ЗИРГО представлен большой объем публикаций об этих территориях.

2.2.1. Каспий

Первая половина XIX века в выстраивании отношений России со странами Среднего Востока занимает ключевое место: именно к этому периоду относится выработка плана по установлению гегемонии Российской Империи в этом регионе. Одно из приоритетных направлений внешней политики середины века – это установление господствующего положения империи в юго-восточной части Каспия [Никонов, 2009]. Поскольку с Каспийским морем и его побережьем были связаны ближайшие внешнеполитические задачи России, описание в материалах ЗИРГО часто ориентировано на практическое применение сообщаемых сведений: это информация для будущих экспедиций, например,

– о возможности стоянки судов в том или ином месте побережья: *На южном берегу суда могу приставать вплоть, ибо почти у самого берега имѣется 2 саженья глубины* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 56];

– о наличии пресной воды и ее свойствах: *Прѣсную воду можно добывать во многих мѣстах, вырывая колодцы на аршин глубиною, в 20, 30 и болѣе саженьях от моря; впрочем, слу-*

чается что вмѣсто прѣсной попадаетъ и солоноватая, что зависит от большаго-меньшаго отдаленія колодцев от морскаго берега [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 69].

Встречаются и более общие рассуждения о перспективах освоения края: *Вообще весь край этот не представляет никаких выгод, и природа здѣсь мертва и бесплодна* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 86].

Эта ориентация на освоение края в ближайшей перспективе проявляется как в отборе слов, так и в характере их употребления. В частности, интересно наблюдать, какие слова снабжаются авторами толкованиями и пояснениями. Предсказуемо, что большая часть толкуемой лексики представляет собой топонимы с вариативностью названий на языках коренных народов и русском. Часто это дословный перевод местного названия географического объекта, при этом как правило толкование располагается препозитивно местному топониму: *вверх по Чёрной Рѣчкѣ (Кара-Су); Бѣлый Бугор, или Ак-Тепе; култун Красноводскій, или Кызыл-Су* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV]. Иногда в качестве толкуемого слова выступает экзотический топоним, а место толкования занимает перевод, не являющийся именем собственным: *Жители называют его Балку («медовым-колодцем»)* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 77]; *пересекают несколько ущельев: Кяри-Гадичи, Каралям-Гадичи (гадичи значит «Ворота») и другія* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 86].

Такое употребление топонимов характерно для путевых описаний XIX века, однако в этом случае их появление в столь большом количестве вызвано установкой на точность географического описания, ориентированного на маршрутизацию будущих экспедиций. Отметим, что номера ЗИРГО часто снабжались картами и схемами, в этом случае топонимы в тексте могли стать средством более эффективной пространственной ориентации для планирования и осуществления будущих экспедиций: текст дополнял и конкретизировал картографическую информацию, карты придавали наглядность и топографическую точность тексту. Соответственно задачей авторов публикаций изначально можно считать употребление как можно большего числа топонимов с как можно более точно и скрупулезно записанными вариантами географических наименований для точной ориентации читателя на местности. Так, например, в уже цитируемой выше Книге IV за 1850 г. Каспию посвящены сразу два текста, принадлежащие И. Ф. Бларамбергу: «Журнал веденный во время Экспедиции для обозрения восточных берегов Каспійскаго-Моря, в 1836 году» и «Топографическое и статистическое описание восточнаго берега Каспійскаго-Моря от Астрабадскаго-Залива до мыса Тюк-Карагана». В общей сложности они занимают объем в 120 страниц. Даже если посчитать только топонимы, снабженные толкованиями с вариантами названий или переводами местных наименований, то их наберется около 60, что уже демонстрирует повышенный интерес автора к этой группе лексики. В остальных материалах ЗИРГО, посвященных Каспию, наблюдается примерно схожая картина.

Характерны краткие (однословные или двухсловные толкования), появляющиеся в тех случаях, когда автор сомневается, что будет правильно понят читателем.: *На этой оконечности Туркмены завели бакчи (огороды) с арбузами и дынями* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 66]; *В этом култукѣ строятся туркменскіе киржимы (плоскодонныя лодки)* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 63]; *в пешкешь (подарок) барана* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 12]. Заметим, что, в отличие от многих других описаний путешествий, эта лексика призвана не создать необходимый экзотический колорит, но должна, во-первых, создать единый словарь автора и его читателя для более точного и полного восприятия, во-вторых, сориентировать будущих путешественников в реалиях описываемой действительности, т. е., по большому счету, создать единый словарь читателя (потенциального путешественника) и местного населения. При этом лексика относится к бытовой сфере и имеет конкретно-предметные значения, т. е. пригодна для первичного бытового общения. Обратим внимание, что значительная часть поясняемой лексики не является чем-то абсолютно новым для русского читателя и составляет известный ему набор кавказских реалий: *пешкешь, чурек, бурдюк* и мн. др. Примеры употребления подобных слов встречаются преимущественно с начала XIX века, однако в данном случае целью автора становится добиться мак-

симальной точности восприятия текста, однозначности интерпретации при передаче научных сведений о территории.

На тот факт, что лингвистическая составляющая интерпретации слова в меньшей степени интересует авторов ЗИРГО, указывает и то обстоятельство, что некоторые лексемы получают разные толкования в разных номерах журнала в зависимости от контекста употребления. Так, например, слово *чалтык* имеет два значения: 'рис' и 'рисовое поле' (только первое зафиксировано в словаре В. И. Даля 'астрах. крым. сарчинское-пшено, рис' [Даль, 1882. Т. IV]). В материалах ЗИРГО мы наблюдаем употребление слова как в том, так и в другом значении, причем в соответствии с контекстом употребления слово получает и интерпретацию от авторов: *Сорочинское пшено или чалтыки родится сам-тридцать пять и даже сам-сорок* (первое значение – [ЗИРГО, 1883. Кн. IV. С. 386]); *Плодородная земля сама производит здесь ягоды всякаго рода; чалтыки (поля, засыянные сарацнским пшеном) простираются вдоль берега; но испарения вод, их покрывающих, заражают воздух* (второе значение – [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 7]). Этот факт подчеркивает сугубо утилитарный характер отбора поясняемой лексики в текстах о Каспии и подобных территориях. Такого рода употребление контрастирует со складывающейся традицией толкований в литературных путешествиях: скажем, в очерках путешествия «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова они встраиваются в художественную ткань произведения и становятся частью лексической композиции текста [Щеглова, 2019].

Несмотря на внешнюю лаконичность и даже скудность таких толкований, они становятся средством связи между двумя культурами. Можно заметить, что автор в заботе о читателе (или участнике будущей экспедиции) избирает различные способы толкования: прямой перевод (*пешкешь – подарок*), поиск примерного эквивалента в родной культуре (*бакчи – огороды*), толкование научного характера с установлением родовидовых отношений (*киржимы – плоскодонные лодки*), соотнесение с понятным, знакомым аналогом (*кулачи – маховые сажени*).

Отдельного внимания заслуживают случаи употребления лексики определенных тематических групп – это группы слов, связанные со сферами, вызывающими экономический или политический интерес. Например, одной из таких сфер является добыча рыбы на Каспии, тематическая группа лексики «Рыбная ловля» широко представлена в материалах ЗИРГО. Это номинации и разновидностей промысловой рыбы, и рыболовецких снастей, и видов судов, и мн. др. Автор в многообразных деталях и подробностях описывает весь ход ловли, привлекая всю возможную специализированную лексику. В этом случае можно наблюдать даже своего рода лингвистические изыскания автора, направленные на установление точной русскоязычной номинации, а при неимении таковой – как можно большего количества вариантов наименования для соблюдения все той же фактологической точности. Так, в случае с разновидностью одной из рыб, для которой нет русского наименования, автор дает варианты местного названия и дословный перевод в кавычках: *Залив изобилует рыбами разного рода...; но шамая (шаг-маги, т. е. «царская рыба») и кутум попадаютя рьдко* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 54]. Хотя первые употребления названия рыбы можно встретить уже с начала века, однако словарной фиксации слово не получило, и автор считает своим долгом установить точность номинации для читателя.

Заслуживает внимания и многообразные варианты сочетаемости прилагательного *кусовой*, служащего обозначением квалифицирующего признака деталей рыбной ловли (кусовая ловля рыбы – ловля на мелкую рыбу и куски крупной): *кусовая ловля, кусовая лодка, кусовая снасть* и др. Хотя большая часть из них известна с XVIII века, как и само прилагательное *кусовой*, однако интересен характер употребления этих сочетаний в ЗИРГО. Точность, ориентированная на детализацию эмпирического опыта путешественника, проявляет здесь себя в полной мере: *Лодки с оснасткою и такелажем стоят в Астрахани: кусовая, поднимающая груза от 700 до 2,000 пуд – до 300 руб. сер., морская, подымающая груза от 300 до 700 пуд. – до 150 руб. сер., разсыпная и култучная, поднимающая груза от 40 до 200 пуд. – до 60 руб. сер.; подчалки, поднимающія груза от 300 до 700 пуд. – до 150 руб. сер., бударки, поднимающія*

груза от 30 до 100 пуд. – от 25 до 50 руб. сер., и рѣчные лодки, поднимающія от 20 до 70 пуд. – от 15 до 30 руб. серебром [ЗИРГО, 1851. Кн. II. С. 5]. Прилагательное *кусовая*, обозначающее конкретную разновидность лодки, встает в ряд других прилагательных, выполняющих ту же функцию, – происходит научного типа классификация реалий действительности, а само сочетание *кусовая лодка* приобретает в этом контексте номенклатурный характер (образование термина при помощи сочетания существительного с прилагательным, обозначающим дифференцирующий признак).

Развернутое толкование получают наименования различных сортов нефти. Нефтедобыча – новая стратегически важная отрасль, значение которой еще только осмысливается в середине XIX века. В этом случае новые для русского читателя экзотические номинации приобретают фактически терминологический характер в силу своей безальтернативности: *Из разных колодезев нефть получается не одинакового качества; Туркмены дѣлят её на 4 сорта: 1) Пырдюм – чистая, свѣтлозеленая нефть; будучи смѣшана с водою горит весьма ясно. 2) Янги-Тюфя – качеством нѣсколько хуже первой. 3) Карагуш, или «черная нефть», – зеленовато-чернаго цвѣта, совершенно жидкая. 4) Дахил – имѣет всѣ свойства нефти, кромѣ жидкости; добывается в твѣрдом видѣ, чернаго цвѣта, и служит для освещенія; сдѣланныя из неё свѣчи горят очень ярко* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 69]. В этом случае в отборе лексики и выборе способа толкования вновь работает принцип ориентации на практическое применение сведений: нефть – стратегический продукт региона, поэтому представление ее сортов, обладающих различными свойствами, – ценная информация для будущего его освоения (обратим внимание на преобладание гедонистических и утилитарных оценок в толковании).

2.2.2. Китай

Русско-китайские отношения насчитывают более 400 лет, на протяжении которых происходили периоды сближения и охлаждения. Выстраивание дипломатических и торговых отношений с Китаем как сопредельным государством всегда являлось одной из задач внешней политики России [Ахмадеев, Гаязов, 2017]. В первую очередь, конечно, речь идет о торговых отношениях [Тагаров, 2015], начавших активно развиваться с подписания Кяхтинского договора в 1727 г. [Кальвина, Курас, 2019] и получивших новое развитие в XIX веке после Кульджинского договора (1851), который заложил основы постоянной торговли в районе среднеазиатской границы. Особое стратегическое значение развитие торговли с Китаем получило в связи с конкуренцией с Англией, которая в 1842 г. заключила с Китаем договор, открывающий его границы для англичан. Вполне объяснимо, что в таких обстоятельствах изучение Китая как сопредельной территории, его торговых путей, особенностей культуры являлось одной из задач РГО. Результаты экспедиций получили свое отражение на страницах ЗИРГО. Примечательно, например, появление материала «О торговых путях по Китаю и подвластным им владениям» [ЗИРГО, 1850. Кн. IV], автором которого является знаменитый иеромонах Палладий Кафаров (его можно назвать одним из первых русских востоковедов). Понятно, что изучение внутренних торговых путей Китая было крайне важной стратегической задачей. Тема торговли и торговых путей обсуждается и в других публикациях о Китае в ЗИРГО.

Неудивительно, что наиболее представленной в этих материалах будет лексика, связанная с торговлей. Тема торговли становится доминантой в целом для всех текстов о Китае в ЗИРГО и имеет несколько векторов рассмотрения, представленных своими тематическими группами слов.

Первым из таких векторов можно назвать представление торговых путей. В этом отношении вновь широко представленными становятся топонимы – вехи и ориентиры для передвижения по стране и составления представления об организации торговли. Порой частота употребления топонимов может показаться чрезмерной, если не учитывать целевой утилитарной направленности материалов журнала: *Из Еркенда дорога, чрез Бадахшан, направляется*

на Хулум, оттуда на Бухару, Балх и Кабул... В Куэн-Лун известен один доступ – проход Кара-Хурум, чрез который восточный Туркистан сообщается с Тибетом и Индией [ЗИРГО, 1861. Кн. III. С. 4]. Такое нагромождение экзотических топонимов, не обладающих хотя бы какой-то семантической прозрачностью, конечно, затрудняет чтение текста, однако в данном случае забота о читателе состоит в сообщении ему как можно более точных географических сведений. Топонимы могли выступать единственным доступным кодом межнационального общения при организации последующих экспедиций, а также средством ориентации по имеющимся картам. То есть мы имеем дело с той же прагматической основой употребления, что и в уже рассмотренном примере с описанием Каспия.

Иногда экзотические топонимы в контекстах дополняются числовыми сведениями о времени пути или средствах передвижения: *От Еркенда до Тибета 40 дней ходу; а из Тибета в Кашир 12 дней* [ЗИРГО, 1861. Кн. III. С. 4]; *От Хокада до Кашигара по этому пути 18 дней караванного ходу* [ЗИРГО, 1861. Кн. III. С. 4]. Часто используются оценочные прилагательные для характеристики пути и его тягот или выгод: *Стоит также особенного замѣчанія чрезвычайно-выгодное положеніе китайских портов* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 242]; *Тянь-Шань, относительно путей сообщения, представляет наибольшее удобных доступов* [ЗИРГО, 1861. Кн. III. С. 3]; *Теректинскій путь обилен топливом и кормами* [ЗИРГО, 1861. Кн. III. С. 4].

Следует отметить, что в случае с Китаем авторы сравнительно редко прибегают к переводам топонимов, обычно это происходит в тех случаях, когда семантика слова может дать некую подсказку путешественнику: *Главною препоною на нём есть Куньлунскій-Хребет (Кундулун по-монгольски значит «преграда»), покрытый нетающими снѣгами и простирающийся неприступной стѣной от Яркенда до Хотана* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 256]. В этом случае толкование становится одним из средств утилитарной оценки при описании важных для будущих экспедиций деталей.

Не менее важной для материалов о Китае является тематическая группа «Денежные единицы». Авторы приводят их наименования в системе соответствий между собой и другими известными денежными единицами: *Тин (собственно Тин или Цзин, у Западных Европейцев catty) равняется 1 фунту 36 золот. 39^{21/20} долям; Лана (собственно Лян, у Запад. Европейцев tael, tale) 16-ая часть гина = 2 р. 15^{15/20} к. сер.* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 232]. Такое перечисление денежных единиц также призвано снабдить читателя практическими сведениями для организации торговых отношений. Тому же принципу подчинены и списки товаров с их точными ценами: *Кусок атласа: пошрины – 1 чин 3 фына 8 ли. Тоже и сырцовыя ткани. Кусок бархату: – 1 ч. 1 ф. 4 ли. Кусок простой тафты: – 3 ф. 4 ли, 2 хао. Кусок цветной тафты: – 2 ф. 5 ли, 6 хао. Кусок флѣру: – 1 ф. 7 ли, 8 сы* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 232]. Очевидно, что эти списки носят не случайный характер, а лексемы, их формирующие, являются номинациями товаров, потенциально интересных для российского рынка. Среди этих наименований сравнительно редко встречаются экзотизмы, что также указывает на тщательный отбор товаров для списка. Их номинации должны быть понятны заинтересованным лицам, их цены – давать представление о ценообразовании в Китае. Частотна при этом номенклатура, образованная по уже описанному принципу: *сырцовая ткань, простая тафта, цветная тафта* и др.

В этом отношении интересно наличие в списке экзотизма *гнѣзда салаганы: Гнѣзда саланганы (ласточкины), за гин: – 1 фунт, 3 ли, 6 хао* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 232]. Во-первых, это словосочетание привлекает внимание наличием авторского пояснения-перевода. Во-вторых, примечателен сам характер образования экзотизма по принципу научной терминологии, описанному выше, т. е. вновь речь идет о точном наименовании предмета торговли. В-третьих, номинация попала в список, очевидно, не по принципу потенциального интереса для русской торговли, а как значимая единица торговых отношений в самом Китае. На это указывает тот факт, что на протяжении всего XIX века употребление этого сочетания немногочисленны. К тому же даже в конце века примеры демонстрируют весьма смутное представление об этом продукте в России, например: *Большинство авторов утверждает, что съѣдобныя гнѣзда*

саланганы состоят из водорослей или же из рыбьей икры; но некоторые полагают, что материалом служит особое выделение слюнных желез птицы [Русское богатство, 1885. № 1. С. 123].

С интересом к торговле связана и широкая представленность лексики тематической группы «Транспортные средства». В этом случае авторам не столь важно соблюсти точность номинаций, сколько дать общее представление о характере и возможностях многообразных транспортных средств: *Самыя общеупотребительныя для перевозов суда в Китаѣ суть хлѣбныя, на которых сплавляется казенный хлѣб... Форма хлѣбных судов, как и всѣх китайских вообще, продолговато-квадратная; нос тупой, корма высокая, на палубѣ устроены палатки из досок, замѣняющія каюты; мачт три: средняя – самая высокая, задняя – пониже, и передняя – еще ниже; паруса дѣлаются из циновок...* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 226]. В качестве номинации разновидности лодки выступают уже знакомые типы словосочетаний: *хлебная лодка*. Далее в контексте встречаются *тѣплые, ночные* и др. Как можно заметить, классификация не проводится по единому основанию (род использования, время эксплуатации и др.), а сами определения носят, скорее, образный характер (возможно, примерный перевод китайских наименований), на что указывает использование автором кавычек при части номинаций.

Отсутствие экзотизмов обращает на себя внимание и в описаниях природных особенностей Китая. Так, в перечислении произрастающих растений мы найдем в основном известные нам номинации сельскохозяйственных культур: *Нагорье Сырт, исключая долин рѣк Абаши, Арна и Нарын неспособно к культурѣ, безлѣсно, покрыто мелкой, но густой травой. На равнинах Атабаша и Арна киргизы сѣют пшеницу, ячмень и просо* [ЗИРГО, 1861. Кн. III. С. 15]. Вновь на первый план выходит утилитарность текста: природа Китая интересует путешественников прежде всего по степени своей пригодности для сельского хозяйства.

Собственно культурно-исторический аспект в употреблении лексики представлен в этой тематической группе материалов ЗИРГО относительно слабо. Тот самый «слом культур», который Ю. М. Лотман считал смысловой основой текста путешествия [Лотман, Успенский, 1987]¹, в этом случае можно наблюдать лишь фрагментарно. Авторы весьма воздержаны в своих оценках, отбор же фактов полностью подчиняется прагматическим установкам издания. Например, весьма скудно представлена информация о культуре и быте народа. Авторские пояснения и толкования не являются средством обмена культурно-историческим опытом, а становятся вспомогательным средством сообщения информации, в том числе используются для пространственной ориентации в совокупности с топонимами: *Этот путь весьма возможен: еще в древности, один государь династии Хан намѣревался идти им против Дахов (народа обитавшего на запад от Кашира)* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 258]. Этноним не обладает самоценностью, культурно-исторический аспект значения оказывается практически не задействованным.

2.3. Лексические особенности описания экзотических стран

Нужно отметить, что культурно-исторический аспект значения слова оказывается в полной мере задействован именно в материалах об экзотических странах. Эти тексты ЗИРГО в наибольшей степени вписаны в традицию описания путешествий, сложившуюся к середине XIX века. Однако удельный вес таких материалов низок: они немногочисленны по сравнению с двумя другими тематическими линиями журнала. В качестве примера одного из единичных текстов такого характера мы рассмотрим статью «Этнографические заметки о жителях Нижней Нубии (из писем к В. В. Григорьеву)» известного врача и путешественника А. А. Рафаловича, проводившего эпидемиологические исследования в странах Ближнего Востока и Африки

¹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 525–606.

(1850. Кн. IV). Этот материал в полной мере иллюстрирует лексические особенности текстов такого рода в ЗИРГО.

Несмотря на географическую удаленность, Африка уже с XIX века является традиционной зоной внешнеполитического интереса России [Абрамова, Фитуни (ред.), 2016]², что напрямую связано со становлением Англии как лидера мировой торговли и желанием составить англичанам достойную конкуренцию. Расширяются и представления российского общества об Африке, чему способствовали путешествия В. М. Головина (1808), В. П. Боткина, Е. П. Ковалевского, А. И. Бутакова и Г. К. Блока (1840-е), Е. В. Путятин (1852–1855) [Антошин, 2017]. Таким образом, можно констатировать, что Африка в середине XIX века представляется для Российской Империи как регион далекий, экзотический, плохо изученный, однако хоть и с отдаленной, но все-таки реальной перспективой развития внешнеполитических связей, что пробудило особый интерес РГО к этому материку.

На этом фоне неудивительно стремление автора к использованию всех возможностей для как можно более глубокого знакомства с незнакомой и экзотической культурой. На 56 страницах текста приходится около 40 экзотизмов, снабженных авторскими объяснениями и толкованиями, большая часть из которых развернутые (иногда даже более чем на длину одного предложения). Таким образом, культурно-исторический аспект значения слова как единицы культурного кода оказывается в зоне непосредственного интереса автора.

Производит впечатление и тематическое разнообразие лексических единиц, используемых для этнографического описания. В тексте дается системное всестороннее описание народа Барабра, в котором все необычно для адресата, да и для самого автора: одежда (*сидэйри* – ‘ситцевый жилет’ [здесь и далее значения приводятся в авторской интерпретации. – Е. Щ.], *эри* – ‘рубаша’, *такіе* – ‘бумажная ермолка’, *аббаіе* – ‘шерстяной плащ’ и др.), традиционные украшения для тела (*зулымки* – ‘большое медное и серебряное кольцо в ноздрю’, *тукытки* – ‘татуировка’, *кыдлю* – ‘кольцо для запястья’ и др.), пища (*духн* – ‘род кукурузы’, *мрисэ* – ‘особый напиток из муки духна’), устройство жилища (*гусэги* – ‘жилище Барабра’), предметы быта (*сакіе* – ‘глиняный горшок’, *ловаги* – ‘большие кувшины’, *сэбил* – ‘цистерна’ и др.), система управления (*самилги* – ‘шейхи’, *фирдэ* – ‘подушный оклад’), денежные единицы (*хамсэ* – ‘медная монета’), музыкальные инструменты (*дарабуки* – ‘глиняный барабан’) и др. Интересен сам выбор способа пояснения номинации – поиск эквивалента, подчиняющийся общему принципу «неизвестное через известное». Таким образом, традиционная одежда экзотической народности оказывается синонимична русской ермолке, а для обозначения положения должностного лица выбирается другой экзотизм, семантика которого более прозрачна для русскоязычного читателя.

Характерно, что лексические единицы одной тематической группы часто не разбросаны по тексту, а сконцентрированы в одном фрагменте текста, где происходит их последовательное пояснение. Таково, например, описание традиционного наряда: *Сверх бѣлаго и цвѣтнаго ситцевого жилета (сидэйри) без рукавов... надевают они длинную темно-голубую или синюю бумажную рубашу (эри) с широкими рукавами. Голову прикрывают бѣлою бумажною ермолкою (такіе), или таковою же из сѣрого войлока (лыбдэ)... В холодную погоду кутаются в широкій шерстяной плащ (аббаіе) без рукавов, цвѣта сѣраго, бураго или с бѣлыми и тѣмными полосами* [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 174]. Иногда пояснение одного слова превращается в целый этнографический этюд, из множества таких этюдов составляется полноценный портрет народа: *В деревнях готовят из муки духна, смѣшиваемой с горячей водою и оставляемой на брожение, особый напиток (мрисэ), который шипит как пиво, мутен, желтоватаго цвѣта, кисловатаго вкуса, и чрез приготовление разных трав получает качества хмельныя. Барабра страстно его любят... в Каирѣ есть нѣсколько заведений, в которых варят эту мрисэ исключительно для нубійцев; она разливается в сосуды из сушеных и выдолбленных*

² Абрамова И. О., Фитуни Л. Л. Африка и национальные интересы России. М.: ИАФР РАН, 2016. 150 с.

тыкв; вкус ея мнѣ всегда казался противным [ЗИРГО, 1850. Кн. IV. С. 180]. Обратим внимание на лексические средства выражения авторской оценки через передачу собственных сенсорных реакций [Редькина, 2015; Редькина, 2018], что не характерно в целом для толкований в ЗИРГО, а в этом случае демонстрирует неподдельный интерес автора к предмету описания, носящий характер обычного человеческого любопытства (что чуть позднее в полном объеме проявится, например, в очерках путешествия «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова и «Очерках пером и карандашом» А. В. Вышеславцева).

В таких условиях слово как средство межкультурного взаимодействия приобретает особый коммуникативный статус: актуализируются историко-культурные коннотации экзотизма, которые приобретают самоценность. Об этом свидетельствует следующая особенность словоупотребления: при повторном вводе одних и тех же неологизмов в разных фрагментах текста А. А. Рафалович выделяет их курсивом, но не дублирует само толкование. При таком способе ввода новой лексической единицы для адресата возникает когнитивная цепочка «узнаю – запоминаю – вспоминаю». Автор демонстрирует, с одной стороны, доверие к читателю (ему должно быть в этой ситуации интересно так же, как и автору), с другой – статус слова как единицы в культурном диалоге. На особое внимание к словесному материалу указывает и наличие ударения у каждого неологизма.

3. Заключение

Подводя итоги можно сказать, что слово как средство межкультурного взаимодействия подвергается воздействию всевозможных экстралингвистических факторов, в том числе политического характера. Описание путешествия в свою очередь также всегда отвечает на запросы времени, адресата и пр. Особенно хорошо это видно на примере такого издания, как «Записки Императорского Русского географического общества», которые являлись печатным отражением деятельности самого Русского географического общества. Важно, что эта деятельность не ограничивалась интересами науки и находилась в тесной связи с государственными интересами России. При анализе материала мы учитывали направление политической деятельности, с которым было связано изучение того или иного региона. Нами было установлено, что особенности словоупотребления находятся в прямой зависимости от прагматических политических установок России, связанных с конкретной территорией. Это становится определяющим обстоятельством при формировании особенностей употребления лексики.

Для удобства анализа нами были выделены три направления деятельности РГО, получивших отражение на страницах ЗИРГО: изучение далеких экзотических территорий; освоение ближайших к границам регионов, представляющих непосредственный внешнеполитический интерес государства; познание областей собственной страны.

Следует заметить, что первое направление не является магистральной тематической линией материалов ЗИРГО. Можно обнаружить лишь отдельные тексты, посвященные экзотическим странам. При этом, в отличие от двух других направлений, эти тексты единичны, они не образуют серии материалов об изучении региона в различных аспектах. Однако именно такие тексты встроены в традицию описания путешествий, сформировавшуюся к этому времени. Своей задачей автор видит посвящение читателя в детали экзотической реальности, что ведет к актуализации культурно-исторического компонента в значении слов. Экзотизмы становятся своеобразной словесной основой текста.

Тем не менее своего рода «лицо» издания представлено материалами, относящимися к двум другим тематическим линиям. Отбор слов в случае текстов о территориях, с которыми связаны ближайшие политические интересы, подчиняется принципам практической необходимости, нуждам РГО, культурное освоение территории вторично. Основу текстов составляет лексика, служащая для ориентации будущих экспедиций: топонимы, бытовая лексика с предметно-конкретным значением, передающая реалии окружающей действительности и т. п.

Наконец, третье направление – описание собственной страны – представлено текстами, в которых во главу угла ставится освоение собственной территории, осознание границ своего государства, поиск идентичности. Важно, что описание должно строиться на сугубо научных основаниях, это не примерные сведения, передающиеся в устной коммуникации жителями различных губерний о жизни в других губерниях, но точная информация, полученная в ходе исследования того или иного аспекта жизни региона: климат, водные ресурсы, рельеф, торговые пути и пр. Доминирующим лексическим ресурсом является лексика терминологического характера, принадлежащая к той или иной области знания. Отдельный интерес представляют областные слова, становящиеся средством определения национальной идентичности.

История лексики предполагает поиск культурного кода слов определенной эпохи. Именно поэтому все в большей степени сферой исследовательского интереса становятся группы слов, ранее считающиеся периферийным явлением лексической системы [Шестакова, Кулева, 2017]. Таким образом, исследование слова как средства межкультурной коммуникации в контексте политических интересов государства соответствующего периода является актуальной задачей современной исторической лексикологии.

Список литературы

- Антошин А. В.** Россия и Африка. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 47 с.
- Африка и национальные интересы России. М.: ИАФР РАН, 2016. 150 с.
- Ахмадеев Б. А., Гаязов И. Р.** Взаимоотношения России и Китая: историческое наследие и перспективы развития // Вестник Омского ун-та. Серия: Экономика. 2017. № 1 (57). С. 13–22.
- Базылева Е. А.** Издания Императорского Русского географического общества как средство коммуникации // Библиотека и читатель: диалог во времени: Мат. межрегиональной науч. конференции (24–26 сент. 2013 г., Новосибирск). Новосибирск: ГПНТБ, 2014. С. 528–534. (Труды ГПНТБ СО РАН; Вып.7).
- Верещагин С. Г., Верещагина А. В.** Русскость как категория национального менталитета русского народа // АНИ: экономика и управление. 2021. № 4 (37). С. 24–28.
- Виноградов В. В.** Очерки по истории русского литературного языка XVIII–XIX веков. М.: Высш. шк., 1982. 250 с.
- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. СПб.; М.: Изд-во М. О. Вольфа, 1882.
- Ерохина Т. И.** Парадоксы русскости в отечественной культуре: «Русская матрица» А. Прико-тенко // Ярослав. пед. вестник. 2019. № 3 (108). С. 142–150.
- Записки Императорского Русского географического общества. 1846–1864.
- История научно-популярной прессы в России в социокультурном контексте / под ред. Л. П. Громовой, Ю. Б. Балашовой. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2021. 272 с.
- История русской лексикографии / под ред. Ф. П. Сороколетова. СПб.: Наука, 2001. 610 с.
- Кальвина Л. В., Курас Л. В.** Русско-китайская торговля через Кяхту в 1840–1900-е гг.: печальный детектив // Вестник Том. гос. ун-та. 2019. № 442. С. 122–125.
- Корольков А. А.** Русскость культуры, русскость философии // Вестник РХГА. 2010. № 3. С. 136–141.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А.** «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. С. 525–606.
- Никонов О. А.** Юго-восточный Каспий в политической стратегии российской империи в первой половине XIX века // Преподаватель XXI век. 2009. № 4. С. 214–222.

- Павлов К. А.** Русское географическое общество: история и современность // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 1. С. 4–8.
- Редькина Т. Ю.** Речевая экспликация ситуационной модели: лингвопраксиологический подход (на материале трэвел-текста) // Медиалингвистика. 2015. № 2 (8). С. 104–116.
- Редькина Т. Ю.** Трэвел-текст в аспекте категории засвидетельствованности // Медиалингвистика. Мат. II Международной научно-практической конференции / под ред. А. А. Малышев. СПб.: Издательство СПбГУ, 2017. С. 155–157.
- Старовойтова О. А.** Особенности речевого поведения, отраженные в отэтнонимической лексике русского языка XIX века // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского. Рязань: Изд-во Рязан. гос. ун-та им. С. А. Есенина, 2017. С. 88–93.
- Тагаров Ж. З.** Развитие экономических отношений России и Китая: уроки истории // *Baikal Research Journal*. 2015. № 5. URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=20384> (дата обращения: 17.01.2024).
- Шабает Ю. П., Жеребцов И. Л., Журавлев П. С.** «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. Социология. Этнология. 2012. №4. С. 134–153.
- Шабает Ю. П., Садохин А. П., Кузнецова А. Ю., Шилов Н. В.** Русский Север в исторической динамике: разрушение проекта культурной кладовой русского // Мониторинг. 2017. № 6 (142). С. 125–148.
- Шестакова Л. Л., Кулева А. С.** Иноязычные вкрапления как маркеры «чужого» в текстах поэтов серебряного века // «Свое» и «чужое» в культуре. Мат. XI Международной научной конференции / под ред. Н. Г. Урванцевой. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2017. С. 158–160.
- Щеглова Е. А.** Лексическое своеобразие художественного произведения: к вопросу о методике анализа (на примере очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”») // Вестник Том. гос. ун-та. 2019. № 442. С. 61–68.
- Щеглова Е. А.** Репрезентация «своего» и «чужого» в путевых очерках второй половины XIX века: лексико-семантический аспект // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 3. С. 191–194.
- Malyshev A. A.** The speech representation of the Samoyeds in the first Russian popular scientific article About the Samoyeds (1732) // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2021. No. 2 (32). P. 49–57.

References

- Abramova I. O., Fituni L. L. (ed.)** Africa and National Interests of Russia. Moscow, IFRS RAS, 2016, 150 p. (in Russ.)
- Akhmadeev B. A., Gayazov I. R.** Relations between Russia and China: historical heritage and prospects of development. *Bulletin of Omsk University. “Economics” series*, 2017, no. 1 (57), pp. 13–22. (in Russ.)
- Antoshin A. V.** Russia and Africa. Yekaterinburg, Ural University Publishing House, 2012, 47 p. (in Russ.)
- Bazyleva E. A.** Publications of the Imperial Russian Geographic Society as a communication mean. *Proceedings of the Russian National Public Library for Science and Technology; Issue 7. Library and reader: dialogue in time: materials of the interregional scientific conference (September 24–26, 2013, Novosibirsk)*. Novosibirsk, Russian National Public Library for Science and Technology, 2014, pp. 528–534. (in Russ.)
- Dal V. I.** Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 volumes. St. Petersburg, Moscow, Publishing house by M. O. Wolf, 1882. (in Russ.)

- Erokhina T. I.** Russianness paradoxes in national culture: A. Prikotenko's "Russian matrix". *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2019, no. 3 (108), pp. 142–150.
- Notes of the Imperial Russian Geographical Society. 1846–1864. (in Russ.)
- Gromova L. P., Balashova Yu. (ed.)** B. The history of the popular science press in Russia in a socio-cultural context. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2021, 272 p. (in Russ.)
- Calvina L. V., Kuras L. V.** Russian-Chinese trade through Kyakhta in the 1840s-1900s: a sad detective story. *Bulletin of Tomsk State University*, 2019, no. 442, pp. 122–125. (in Russ.)
- Korolkov A. A.** Russcost of culture, Russcost of philosophy. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 2010, no. 3, pp. 136–141. (in Russ.)
- Lotman Yu. M., Uspensky B. A.** "Letters of the Russian traveler" by Karamzin and their place in the development of Russian culture. In *Karamzin N. M. Letters of the Russian traveler*. Leningrad, Nauka publ., 1987, pp. 525–606. (in Russ.)
- Malyshev A. A.** The speech representation of the Samoyeds in the first Russian popular scientific article About the Samoyeds (1732). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2021, no. 2 (32), pp. 49–57.
- Nikonov O. A.** Southeast Caspian in the political strategy of the Russian Empire in the first half of the 19th century. *Teacher of the 21st century*, 2009, no. 4, pp. 214–222. (in Russ.)
- Redkina T. Yu.** Speech explication of a situation model: linguistic praxeology approach (based on travelogue). *Media linguistics*, 2015, no. 2 (8), pp. 104–116. (in Russ.)
- Redkina T. Yu.** Travel-text under the evidentiality aspect. In *Media linguistics. Materials of the II International Scientific and Practical Conference*, St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2017, pp. 155–157. (in Russ.)
- Shabaev Yu. P., Sadokhin A. P., Kuznetsova A. Yu., Shilov N. V.** The Russian North in historical dynamics: the failure of the project of the Russian cultural 'pantry'. *Monitoring*, 2017, no. 6 (142), pp. 125–148. (in Russ.)
- Shabaev Yu. P., Zherebtsov I. L., Zhuravlev P. S.** "Russian North": cultural borders and cultural meanings. *World of Russia. Sociology. Ethnology*, 2012, no. 4, pp. 134–153. (in Russ.)
- Shcheglova E. A.** The Lexical Originality of a Literary Work: On the Technique of Analysis (A Case Study of Ivan Goncharov's Book of Travel Essays The Frigate "Pallada"). *Bulletin of Tomsk State University*, 2019, no. 442, pp. 61–68. (in Russ.)
- Shcheglova E. A.** Representation of "own" and "alien" in travel essays of the second half of the 19th century: lexico-semantic aspect. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2018, no. 3, pp. 191–194. (in Russ.)
- Shestakova L. L., Kuleva A. S.** Other foreign languages as markers of "alien" in the texts of the poets of the silver age. In *"Own "and" alien "in culture. Materials of the XI International Scientific Conference*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University, 2017, pp. 158–160. (in Russ.)
- Sorokoletov F. P.** History of Russian lexicography. St. Petersburg: Science, 2001. 610 p. (in Russ.)
- Starovoitova O. A.** Features of speech behavior reflected in the ethnonymic vocabulary of the Russian language in the 19th century. In *I.I. Sreznevsky and Russian historical linguistics: experience and prospects. 205th anniversary of the birth of I.I. Sreznevsky*. Ryazan, Publishing House of Ryazan State University named after S. A. Yesenin, 2017, pp. 88–93. (in Russ.)
- Tagarov Zh. Z.** Development of economic relations between Russia and China: lessons of history. *Baikal Research Journal*, 2015, no. 5. URL: <http://brj-bgupep.ru/reader/article.aspx?id=20384> (available 17.01.2024). (in Russ.)
- Vereshchagin S. G., Vereshchagina A. V.** Russianness as a category of the national mentality of the Russian people. *Azimuth of scientific research: economics and management*, 2021, no. 4 (37), pp. 24–28. (in Russ.)
- Vinogradov V. V.** Essays on the history of the Russian literary language of the 18th-19th centuries. Moscow, Higher School, 1982, 250 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Щеглова Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиа-лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета

Information about the Author

Ekaterina A. Shcheglova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Media Linguistics, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

*Статья поступила в редакцию 21.01.2024;
одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 10.05.2024*

*The article was submitted 21.01.2024;
approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 10.05.2024*

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие индекса УДК (Универсальной десятичной классификации), резюме статьи на русском и английском языках (до 300 слов), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова (до 10 слов) на двух языках, сведения о финансовой поддержке.

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

Русская и итальянская абстрактная адъективная метафоризация

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Финансирование

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

The Russian and Italian Abstract Adjectival Metaphorization

Ivan I. Ivanov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Funding

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

Основной текст статьи

Список литературы

Список словарей
Список источников
References
List of Dictionaries
List of Sources
Информация об авторах/Information about the Authors

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография

(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. науч. ст. / под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 2. С. 17–24.

Автореферат:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных)

шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго определенных для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, nml.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотношенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы исследова-

дования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно сгармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23

E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru